

Л2007

2304 к

ТЮРКСКАЯ ОНОМАСТИКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОБЛЕМЕ
«ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ
В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЦИЙ СССР»

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ТЮРКСКАЯ ОНОМАСТИКА

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА · 1984

Тюркская ономастика. Алма-Ата: Наука, 1984. — 248 с.

В сборнике освещаются как общие, так и конкретные вопросы тюркской ономастики. Книга отражает три основных ее направления: история происхождения отдельных этнонимов и этнопонимов народов Средней Азии и Казахстана; способы образования и функционирования географических названий; состав и структура личных имен разных типов в казахском, узбекском, азербайджанском, киргизском, туркменском, татарском, башкирском, уйгурском и других языках; в ней определяются контактирования и взаимосвязи ономастических систем. Широта и обилие практического материала сочетаются в книге с научными обобщениями о характере и специфике этноними, топоними и антропоними.

Богатый в целом ономастический материал, рассмотренный в данной книге, необходим не только языковедам, но и этнографам, историкам, географам, а также всем интересующимся происхождением личных имен, географических и этнических названий тюркских народов Советского Союза.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Т. Кайдаров (ответственный редактор)
Н. А. Баскаков, Т. Д. Джанузаков, А. В. Суперанская

Т $\frac{460200000-043}{407(05)-84}$ 136.84

© Издательство «Наука» Казахской ССР, 1984

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование ономастики получило широкий размах как в нашей стране, так и за рубежом, особенно в последние 30 лет. Выходят специальные ономастические журналы и бюллетень «Онома» Международной ономастической комиссии, собираются международные конгрессы по ономастике (уже 14). Ономастика как специальный курс изучается во многих вузах нашей страны.

Большое развитие получила тюркская ономастика. Интенсивные исследования по ней ведутся в Узбекистане, Казахстане, Азербайджане, Киргизии, Туркмении, Татарии, Башкирии, на Алтае, в Хакасии, Якутии и в Тувинской АССР. По тюркской ономастике опубликовано более 50 книг, монографий, брошюр, а также большое количество статей научного и научно-теоретического характера, издано 45 словарей по топонимии и антропонимии. С 1940 по 1982 г. по тюркской ономастике в СССР защищены 3 докторские и более 50 кандидатских диссертаций, проведено около 20 научных конференций и семинаров, материалы которых нашли свое отражение в сборниках: «Топонимика Востока» (1962, 1964, 1969), «Ономастика Поволжья» (1969, 1971, 1973, 1976), «Ономастика Востока» (1980), «Языки и топонимия Сибири» (1970, 1972, 1976), «Диалекты и топонимия Поволжья» (1972, 1973), «Ономастика Средней Азии» (1978, 1980), «Вопросы топонимики Башкирии» (1981), «Вопросы киргизской ономастики» (1981, 1983) и др.

Данный сборник включает в себя статьи, в которых

рассматриваются как общие, так и отдельные конкретные вопросы, главным образом по ономастике кыпчако-огузских групп тюркских языков.

Статьи по общим вопросам помещены в разделе «Общие вопросы ономастики» и «Обзор состояния работы по ономастике». Статьи, в которых рассматриваются конкретные вопросы ономастики, сгруппированы по трем основным ее направлениям: этнонимия, топонимия, антропонимия. Широта и обилие практического ономастического материала сочетаются в них с теоретическими обобщениями о его характере и специфике.

Созданные в некоторых республиках группы и отделы ономастики ставят перед собой цель изучить все секторы ономастического пространства. Всестороннее исследование макро- и микропонимов, антропонимов, этнонимов, астрономов, космономов и зоономов, фитонимов, мифонимов, теонимов будет проводиться по многолетней программе каждой республики, предусматривающей письменную фиксацию всего богатства материалов ономастики тюркских языков, дающих весьма ценные лингвистические, исторические, этнографические, географические, геологические и другие сведения о прошлом и настоящем того или иного народа и его языке.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

А. В. СУПЕРАНСКАЯ (Москва)

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОНТИНУУМ

Региональное ономастическое обследование, проведенное на материале собственных имен, зафиксированных в различные эпохи на территории Крымского полуострова, позволило выявить тесные связи между отдельными территориальными ономастическими системами. Это свидетельствует о том, что любые ограничения (по типам изучаемых онимов, по регионам, на которых собирается материал, по языкам, из которых он берется, и по эпохам) принимаются исследователем вынужденно, для удобства описания и анализа. Но всякий раз они идут в ущерб изучаемой теме, приводя к различного рода недооценкам отдельных факторов. Покажем это на ономастическом материале Крымского полуострова, в частности, на топонимах.

В ономастическом пространстве топонимы неразрывно связаны с именами других классов, при этом между теми и другими происходит постоянный обмен производящими основами. Так, в прошлом различные гидротехнические сооружения (столь необходимые в бедном водой Крыму) обычно назывались именами и фамилиями тех лиц, на чьей земле они находились (в условиях частной собственности на землю) или чьими трудами создавались: *Безпаловская канава* у пересечения р. Салгир с Симферопольским шоссе (по владениям Безпалова), канава *Даутлар* при ур. Даутлар (ср. имя личное *Даут*).

В наше время они обычно получают свои названия от других топонимов — названий тех водных источников, на

базе которых они сооружаются, или тех поселений, возле которых возводятся (*Аянское водохранилище, Тайганское водохранилище, Симферопольское море, Старокрымское водохранилище*).

По фамилиям владельцев именовались в прошлом хутора, сады, виноградники, дачи. При этом некоторые владельцы их были своего рода «рекордистами». Масса различного рода угодий принадлежала графу Мордвинову, госпоже Грамматиковой, промышленнику Мальцову, генералу Княжевичу, что и отразилось в топонимах.

Земли вокруг Севастополя были в свое время розданы отставным морякам. Поэтому в названиях многочисленных хуторов и балок часто встречаются фамилии Ушакова, Иванова, корабельного мастера Юхарина. Антропонимический элемент имеется в названиях ряда труднодоступных объектов—урочищ, пещер, троп: ур. *Мустафабай* на левом берегу р. Кача, *Боткинская тропа* над Ялтой, шахта *Крубера* на Караби-Яйле, мост *Юнге* в районе Коктебеля, *Юсуповская* дорога на г. Селам-Кая, пещера *Максимовича* в Ай-Петринском массиве и т. д.

В истории складывания крымской топонимии особую роль сыграли названия родов и их подразделений некогда кочевавших в Крыму племен. К числу топонимических элементов, происходящих от родовых имен, относятся *-кнрат-, -огуз-, -бораиш-, -осман-, -кипчак-, -аджи-, -найман-* и др. Выводить их непосредственно из соответствующих им нарицательных было бы неверным, как не всегда верно объяснять топонимы с компонентом *-осман-* тем, что там жил некто по имени *Осман*.

Топонимы, в свою очередь, выходят за пределы своего первоначального назначения и проникают в номенклатуры других отраслей знания. Так, на базе топонимии формируется геологическая номенклатура (обозначения ландшафтов, горизонтов, месторождений, формаций, свит): *Айя-Ласпинский ландшафт, Аккайский ландшафт, Алуштинский амфитеатр, Бодракское месторождение известняка, Джангульское оползневое побережье, Узень-башская мульда, Сивашская мульда, Ялтинский ландшафт*. Топонимы входят и в состав ботанической и зоологической номенклатуры: *Сосна крымская, Афолина черноморская*.

На базе топонимов образуется и номенклатура истории и археологии: *аккайская культура* и *аккаинцы* (ее носители) по археологической раскопке *Ак-Кая*, *киик-кобинская культура*, *киик-кобинцы* по пещерной стоянке *Киик-Коба*, *Карасубазарский договор*, *сражение под Шумой*, *Севастопольская оборона*, *Керченский десант*, *Аджи-Мушкайское сражение* и т. д.

Топонимия каждого региона, как бы изолирован он ни был, множеством нитей связана с топонимией других регионов, причем эти связи могут быть лексическими и типологическими. Они могут выражаться в том, что на данной территории целиком повторяются топонимы других регионов или встречаются их отдельные элементы, а также в том, что топонимы данной территории строятся по тем же моделям, что и топонимы других территорий, при хронологическом несовпадении их образования.

Развивая выдвинутое Ф. де Соссюром положение о синхронии и диахронии, А. А. Белецкий¹ вводит понятия синтопии и диатопии, т. е. принадлежности элементов одному и тому же ареалу или разным ареалам, синглоттии и диаглоттии, т. е. принадлежности элементов одному и тому же языку или разным языкам, синциклии и диациклии, т. е. принадлежности элементов одному и тому же культурному кругу или разным культурным кругам. Отсюда и элементы ономастического материала, доказывает он, могут быть синхроническими и диахроническими относительно друг друга, синтопическими и диатопическими, синглоттическими и диаглоттическими, синциклическими и диациклическими.

А. А. Белецкий показал, что названия одного языкового цикла (синглоттические) имеют свою историю, которая продолжается за пределами этого цикла. Он указал также на отсутствие прямой связи между названиями крупных географических объектов и господствующим на данной территории языком. Например, в самом фокусе радиации итальянского языка, в древнем Латиуме, совсем немного названий, которые можно было бы объяснить при помощи латинского языка. Латинская топонимия обнаруживает тенденцию быть «более латинской» за

¹ Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания. Ономастика. Киев, 1972, с. 31—32.

пределами своей исконной территории². Очевидно, эти положения близки к универсальным.

Топонимия Крыма складывалась на протяжении длительного исторического периода из элементов, принадлежавших в свое время разным ареалам, разным языкам и разным культурным кругам. Изначально диахронические, диатопические, диаглоттические и диациклические относительно друг друга, они подверглись значительным изменениям, приспособиваясь друг к другу и постепенно превращаясь в элементы сосуществующие, а затем в контактирующие, адаптированные и, наконец, в сочетающиеся. Таким образом, постепенно они превращаются из элементов разных циклов в элементы одного цикла.

Несмотря на уникальную выделяемость территории Крыма, его практически полную географическую изоляцию от других областей, его топонимия тесно связана с топонимией Северного Причерноморья, Кавказа и более далеких земель. При этом одни топонимические явления были занесены в Крым извне, другие, возникнув в Крыму, были вынесены за его пределы, а третьи сформировались в Крыму и в иных местах независимо друг от друга.

Например, название *Херсонес* принесено в Крым греками, ср. греч. койне *херсонесос* 'полуостров'.

Исторически засвидетельствован перенос топонимов *Бешев*, *Богатырь*, *Большая Каракуба*, *Булганак*, *Большая и Малая Енисала*, *Камара*, *Карань*, *Кременчуг* (из *Керменчик*), *Дортоба*, *Ласпи*, *Мангуш*, *Мариуполь*, *Сартана*, *Старый Крым*, *Стиля*, *Улаклы*, *Урзуф* (из *Гурзуф*), *Чердаклы*, *Черманлык*, *Ялта* из Крыма в Приазовье³.

Очевидно, независимо от крымских и параллельно с ними возникли названия *Большой* и *Малый Чокрак*, залив *Джарылгацкий*, *Каланчак*, *Каракую*, *Кара-Оба*, *Карачай*, *Кишла*, *Конрат*, *Мемет-Ага*, *Сарыбулат*, *Тузла*, *Узун-Тюб*, *Чуруктюп* и другие в Северном Причерноморье.

Ряд крымских названий имеет своих «двойников» в Азии. Например, река *Кача* имеется и в Пакистане

² Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания. Ономастика, с. 123, 127.

³ Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. — В кн.: Крымский сборник. Спб., 1837, с. 100.

(впадает в Бенгальский залив) и в Сибири (басс. р. Чулым, к западу от Красноярска). Название косы *Бакал* в Крыму созвучно названию горы *Бакал* на Урале, гора *Карадаг* есть в Крыму и на Кавказе, поселение *Тюмень*— в Крыму и в Сибири. Рубруквис называл устье Дона *Бурлык*⁴. Ср. название поселения *Бурлюк* в юго-западном Крыму. С названием крымского водопада *Джур-Джур* сопоставимы: название притока Белого Нила *Джур*, название суданской народности *джур*, название хребта в Алжире—*Джурджура*. Ср. структурно однотипные *Тертер* (правый приток Куры, АзССР), *Сорсор* (пн Кюрдамирск. р-на АзССР).

Ряд крымских топонимов может быть сопоставлен со словами болгарского языка, например *Скеля*; ср. болг. *Скеля* < *Скерля* < *Скерльо* личное имя, сокращение от *Скарлат*/*Скерлет* из ит. и греч. *Скарлатос* 'красный'.

Монгольские числительные *гурбан* 'три', *долон* 'семь', *найман* 'восемь', *табан* 'пять' могут быть обнаружены в составе некоторых крымских топонимов. Однако, по всей вероятности, они связаны с топонимами не непосредственно, а через названия монгольских родов в составе тюркских племенных объединений.

Все сказанное выше относилось к названиям из целых слов. Обратимся теперь к топоэлементам. Например, при устье р. Алма в Крыму было поселение *Алма-Тамак*; ср. хак. *тамах* 'устье', 'протока'. Достаточно редкие в Крыму образования с конечным компонентом *-джа* (*Узунджа*) находят себе типологически близкие образования в Румынии (*Аджиджа*) и в Узбекистане: ср. тюрк. суф. *-джа*, имеющий значение неполной степени качества (длинноватый, горьковатый).

В различных частях мира встречаются топонимы, содержащие конечное интервокальное *-нд-*: *Жиронда*, *Лелаванду* во Франции, *Голконда* в Индии, *Пицунда* на Кавказе, *Руанда*, *Уганда*, *Бурунди* в Африке и т. д. На территории Крыма отмечаются: *Авинда* (*Авунда*), *Аранда*, *Гинзонда*, *Календе* (*Календо*, *Календия*), *Каракунда* (*Каракунга*), *Когонде*, *Лунда*, *Марсанда* (*Массандра*), *Орианда* (*Урьянда*, *Ургенда*), *Таконду*, *Терскунда* (*Терекунда*); ср. одно из названий старого Крыма *Крименда*

⁴ Там же, с. 47.

(*Кумента*) и топоним *Моноанта*. В большинстве своем это названия поселений. Единственное исключение — ороним и гидроним *Авинда* (*Авунда*).

Существует ряд специальных работ, авторы которых пытаются отнести топонимы с компонентом *-нд-* к одному из древнейших языков. Крымская топонимия, структурно близкая к указанным топонимам других частей мира, не дает целостного массива, свидетельствуя о том, что в этой группе могут оказаться названия различного происхождения, лишь случайно совпавшие по звучанию. Яркий и семантически прозрачный пример, подтверждающий разновременность и разноязычность этих названий, находим в топониме *Чешменде* — перс. *чешме* 'источник' + афф. места.

Само название *Крым* имеет параллели и на Западе, и на Востоке. Так, на территории Великобритании имеется топоним *Сгумел Смолес* и созвучный этноним *кимвры*. В Хакасии *хорым* означает: 1) громада скал; 2) каменистые россыпи на склонах и на плоских вершинах; ср. название горы *Хорымхол* в Хакасии, где *хол* — лог, и название реки *Крымкол* в Крыму. На старых европейских картах Крым называется *Сгimea*. Одноименный город был в древней Италии. Не исключено также, что оно происходит от древнетюркского родового имени. В то же время следует отметить, что несмотря на свою четкую географическую выделяемость, Крымский полуостров долгое время не имел единого названия и именовался у каждого народа в соответствии с названием той части, которую тот лучше знал или в которой был максимально заинтересован.

Все сказанное свидетельствует о тесной связи топонимии любой территории с топонимией многих других, далеких и близких земель, о единстве топонимообразующего процесса у всех народов. Специфика отдельных топонимических массивов объясняется своеобразием этапов исторического и культурного развития общества отдельных стран и их частей и региональными особенностями языка.

Первичный анализ семантически прозрачных лексем, часто повторяющихся в названиях разнотипных географических объектов Крыма, показал отсутствие у боль-

шинства из них строгой закрепленности за определенной объективной данностью и вхождение многих из них в названия объектов разных категорий. Это свидетельствует против их особой «терминологичности». Более того, здесь можно усматривать высокую степень топонимичности некоторой группы слов. Благодаря обособленному положению имени собственного в языке, слова, формирующие названия объектов разных категорий, оказываются теснее связанными друг с другом, чем с нарицательной лексикой, употребляющейся в данном регионе. На это обратил внимание Ю. А. Карпенко⁵, ратовавший за изучение связи одних топонимов с другими, поскольку для выявления топонимических закономерностей недостаточно изучения связи топонимов с нетопонимами и с объективной действительностью.

Проделанный нами анализ показал отсутствие полного и однозначного совпадения элементов, входящих в состав топонимов, с обозначением той категории объектов, к которым они относятся, т. е. компонент *дере* часто, но не всегда входит в состав названий ущелий, *богаз* встречаем в составе названий не только перевалов и горных троп.

Топонимическая лексика обязательно «просачивается» в названия соседних объектов. Наиболее многообразны географические апеллятивы в составе названий урочищ. Максимальный «разброс» дают такие лексемы, как *баш* (горы, овраги, реки), *коба/хоба* (горы, пещеры, урочища), *кош* (горы, ущелья, урочища), *таш* (горы, ущелья, урочища, прибрежные объекты), *чокрак* (горы, ущелья, урочища, ручьи). Наиболее компактны по употреблению лексемы *богаз*, *бурун*, *кая*, *кыр/хыр*, *оба*, *су*, *сырт*, *тепе*, *узень*, *яйла*.

Среди этимологически непрозрачных омонимичных названий объектов разных категорий максимальное совпадение оказывается у гидронимов и ойконимов: *Алчин*, *Аратук*, *Арпат*, *Байбуга*, *Боурча*, *Кабарта*, *Собла*, *Стиля*, *Тавель*, *Ускют* и др. Часто совпадают также названия урочищ и возвышенностей: *Бакла*, *Басма*, *Гурлюк* (Курлюк), *Ланата*, *Трамнета*, *Хатурла*, *Элтиген*, а также

⁵ Карпенко Ю. А. Топонимія і її місце в лексичному складу мови. Чернівці, 1962, с. 9.

урочищ и поселений: *Ахтиар, Ворон, Гавро, Магарач, Маргала, Маркур, Пангрополи, Плакия (Пелакия), Тама, Тугай, Чугер (Чегерь), Шакул*. Добавим, что разнотипные объекты с одинаковыми названиями не всегда располагаются достаточно близко друг от друга.

С другой стороны, однотипные объекты с семантически прозрачными названиями нередко оказываются относительно недалеко друг от друга: две скалы *Гогерджин-Кая* и гора *Гогерджин-Хоба* в Юго-Восточном Крыму, три оронима *Гелин-Кая* в окрестностях Гурзуфа. Очевидно, это связано с психологией восприятия объектов у людей, живущих более или менее компактно и видящих реалии «одними и теми же глазами».

Материальное и структурное сходство элементов, входящих в состав топонимов различных категорий, свидетельствует о том, что их более глубокое изучение, и в частности этимологический анализ, невозможно проводить изолированно друг от друга. Необходимо комплексное изучение топонимов различных категорий в пределах одной территории, объединенных по хронологическому (синхроническому), языковому (синглотическому) и культурному (синциклическому) признакам. Разделение же топонимов на оронимы, ойконимы, гидронимы, полезное и необходимое в одних случаях, в других случаях дает ненужное размежевание сходного, расцепление единого. Приступая к анализу топонимов, следует прежде изучить и сопутствующие им собственные имена других категорий.

Таким образом, исследование любой категории собственных имен может быть плодотворным при изучении всего ономастического пространства данной области в тот или иной исторический период.

РАЗВИТИЕ ТЮРКСКОЙ ОНОМАСТИКИ В СССР

Исследования тюркского ономастического пространства в нашей стране получили широкое развитие в последние годы во всех тюркоязычных регионах Советского Союза: в Узбекистане, Казахстане, Азербайджане, Киргизии, Туркмении, Татарии, Башкирии, Горном Алтае, Туве, Хакасии, Чувашии, Якутии. По тюркской ономастике за советское время опубликовано более 50 книг и монографий, свыше 40 словарей, многочисленных статей научного и научно-теоретического характера, не считая газетных. По топонимике и антропонимике защищены 3 докторские и около 50 кандидатских диссертаций.

Доклады по различным отраслям тюркской ономастики читались на союзных и республиканских конференциях по ономастике, организованных в нашей стране. Впоследствии они были опубликованы в различных сборниках статей. В них помещены статьи по топонимии, антропонимии, этнонимии и космонимии, астронимии, зоонимии и теонимии, в которых рассматриваются проблемы лингвистики, истории и этнографии не только народов Средней Азии, Казахстана, но и Кавказа и Сибири. Доклады ономастов-тюркологов СССР, прочитанные на XI и XIII Международных конгрессах по ономастической науке, также нашли свое отражение в соответствующих изданиях: «Материалы XI Международного конгресса по ономастике I. София, 1974, т. I.», «*Nomina appellativa et nomina propria*». Summaries of the papers. Cracow, 1978. Все эти публикации свидетельствуют о становлении и таком развитии ономастической науки в тюркологии, которое ставит на повестку дня совершенствование теории и методики ономастических исследований. III Всесоюзная тюркологическая конференция 1980 г. специально указала в своей рекомендации на необходимость «совершенствования методов изучения лексики и ономастики тюркских языков и их этимологии»¹.

¹ Резолюция III Всесоюзной тюркологической конференции. — Советская тюркология, 1980, № 1, с. 101.

Ономастика тюркских языков до 40-х гг. нашего столетия не была предметом специального научного исследования, хотя различные аспекты ее интересовали многих ученых еще в средние века. Так, в трудах ученых раннего средневековья — аль-Фараби (IX в.), аль-Бируни (X—XI вв.), средневековья — Дулати (XV в.), Бабур (XV—XVI вв.), Абу-ль-Гази (XVI в.) и других содержится много данных по топонимии, антропонимии, астрономии и космономии, этнонимии тюркоязычных народов.

Более полные сведения, этимологические объяснения, списки ономастиконов дают в своих трудах ученые позднего времени: Хисамеддин Муслими, Г. Ф. Миллер, П. И. Рычков, С. У. Ремезов, В. Н. Татищев (XVIII в.), А. А. Вакиханов, В. В. Радлов, В. В. Бартольд, Ф. Е. Корш, Н. Ф. Катанов, Н. А. Аристов, В. К. Магницкий, Н. И. Золотницкий, Ч. Ч. Валиханов, Бичурин (Иакинф), Ш. Марджани, Н. И. Березин, К. Насыри, Н. И. Ашмарин, В. В. Вельяминов-Зернов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Г. Н. Потанин, В. В. Григорьев, А. И. Левшин, В. А. Гордлевский, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев (XIX—XX вв.) и др.

Работы вышеназванных ученых не были целенаправленными ономастическими исследованиями. Тем не менее они содержат весьма ценные материалы по тюркской ономастике, без которых вряд ли возможным было бы становление и успешное развитие современной тюркской ономастологии. История изучения тюркской ономастики в дооктябрьский период еще ждет своего исследователя. В наши дни «особый интерес ученых к ономастике вызван большим значением ее данных, связанных непосредственно с жизнью народа, для целого ряда наук: филологии, истории, этнографии, археологии, географии, биологии и др.»².

Изучение ономастики в тюркологии в плане истории языка и этноса, лексико-семантической классификации, взаимодействия ономастикона с апеллятивной лексикой, исторической диалектологией, выяснение закономернос-

² Тенишев Э. Р., Саттаров Г. Ф. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. — Советская тюркология, 1971, № 5, с. 124.

тей словообразовательных и морфологических типов, определение ономастиконов в словарном составе общенародного языка, связь ономастики с историко-культурной жизнью народа, а также с этнографией, географией в целом определяют ономастику как новое направление в современной тюркологии. Это можно конкретно наблюдать в трудах, выполненных ономастами-тюркологами Советского Союза, а именно: Москвы и Ленинграда (А. Н. Кононов, С. Е. Малов, Н. А. Баскаков, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, К. К. Мусаев, Э. М. Мурзаев, Б. А. Серебренников, С. Г. Кляшторный, Б. Х. Кармышева, Г. Ф. Благова, В. А. Никонов, И. Г. Добродомов и др.), Узбекистана (Х. Х. Хасанов, С. К. Караев, Э. А. Бегматов, З. Дусимов, Т. Нафасов, Ш. Кадырова, Л. Каримова, Т. Рахматов, С. Губаева, Дж. Латыпов, К. Хуррамов, Н. Охунов и др.), Казахстана (Г. К. Конкашпаев, А. А. Абдрахманов, Т. Д. Джанузаков, В. Н. Попова, Е. К. Койчубаев, О. А. Султаньяев, В. У. Махпиров и др.), Азербайджана (Р. М. Юзбашев, А. Демирчи-заде, С. М. Молла-заде, А. Ахундов, А. Маммедов, Ч. Мирза-заде, Л. Г. Гулиева, А. Гусейн-заде, З. А. Садыхов, Г. Гейбуллаев, А. И. Алиев и др.), Киргизстана (Д. Исаев, С. Умурзаков, К. Конкобаев, Ш. Жапаров, К. Аширралиев и др.), Туркменистана (С. Атанязов, З. Б. Мухамедова, Г. Сапарова, М. Гельдыханов, Ш. Аннаклычев и др.), Татарии (Г. Ф. Саттаров, М. З. Закиев, Р. Х. Субаева, Ф. Г. Гарипова, М. И. Ахметзянов и др.), Башкирии (Дж. Киекбаев, А. А. Камалов, З. Г. Ураксин, Р. Г. Кузеев, Т. М. Гарипов, Т. Х. Кусимова, А. Г. Шайхулов, Р. З. Шакуров), Балкарии (С. О. Шахмурзаев, П. С. Ротатаев, Дж. Коков, Б. Х. Мусукаев), Горного Алтая (О. Т. Молчанова), Каракалпакии (К. Абдимуратов, У. Бекбаулов), Карачаево-Черкесии (М. А. Хабицев, Х. М. Хаджилаев, С. Я. Байчоров), Хакасии (М. А. Жевлов), Чувашии (Г. Е. Корнилов), Тувы (Б. И. Татаринцев), Якутии (К. Ф. Гриценко, С. Багдарын).

В рамках статьи нет возможности дать полный анализ всем работам ученых, проводимым в советский период. Поэтому ограничимся обзором наиболее известных работ по топонимике, антропонимике, космонимике, этнонимике и зоонимике.

Топонимика

Исследованиями топонимов в тюркских языках стали заниматься начиная с 20-х гг. языковеды, историки, этнографы, географы нашей страны. К числу первых публикаций по топонимике Узбекистана, Казахстана, Туркмении, Татарии относятся статьи Л. В. Вяткина, Е. Д. Поливанова, Х. Х. Хасанова³, С. Алиева, С. А. Аманжолова⁴, К. Туйкэ⁵, Э. М. Мурзаева⁶ и др.

Интенсивно стала развиваться топонимика после 40-х гг. В частности, нашли свое отражение история изучения и развитие топонимики Казахстана, Киргизии, Татарии, Кабардино-Балкарской АССР в отдельных исследованиях⁷ и статьях тюркологов-ономастов, а также географов⁸. По топонимике вышли в свет за советский период свыше 40 монографий и книг, огромное количество статей, защищены докторские и кандидатские диссертации. Топонимике тюркских языков посвящены отдельные сборники: «Топонимика Востока» (1962), «Топонимика Востока. Новые исследования» (1964), «Топонимика

³ См.: *Вяткин Л. В.* Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. — Справ. кн. Самаркандской области. За 1921 г.; *Поливанов Е. Д.* О происхождении названия Ташкент. — В кн.: В. В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1925, с. 395—400; *Хасанов Х. Х.* Топонимика Средней Азии. — Совет педагогикаси. Ташкент, 1940, вып. 5.

⁴ *Алиев С.* Географические названия Казахстана. — География в школе, 1939, № 4, с. 38—39; *Аманжолов С. А.* Географические названия. — Пионер, 1941, № 3. На каз. яз.

⁵ *Туйкэ Камил.* На пути исследования. — Магариф, 1928, № 6, 7, с. 112—116.

⁶ *Мурзаев Э. М.* К географической терминологии туркмен. — Известия Геогр. об-ва, Л., 1939, т. 71, вып. 6.

⁷ *Саттаров Г. Ф.* Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. Казань, 1970; *Мурзаев Э. М.* Очерки топонимики. М., 1974, с. 28—34, 57; *Джанузакон Т. Д.* Основные проблемы ономастики казахского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1976, с. 7—13.

⁸ *Мурзаев Э. М.* Топонимика в Казахстане. — Изв. АН КазССР. Сер. геогр., 1964, вып. 6; *Умурзаков С. У.* Состояние топонимического изучения Киргизии. — В кн.: Топонимика Востока. М., 1962; *Благова Г. Ф.* Радлов и изучение тюркской топонимии в аспекте современных топонимических проблем. — Тюркологический сборник, 1971. М., 1972.

Востока. Исследования и материалы» (1969), «Ономастика Востока» (1980), «Ономастика Средней Азии» (1978), «Ономастика Средней Азии» (1980), «Языки и топонимия Сибири» (1970, 1972, 1976), «Диалекты и топонимия Поволжья» (1972, 1973) и др.

Доклады и сообщения ученых по тюркской топонимике, сделанные на союзных и республиканских конференциях, были опубликованы в вышеуказанных и других сборниках статей: «Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов» (1965), «Происхождение аборигенов Сибири и их языков» (1969, 1973), «Проблемы современной тюркологии: Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции 27—29 сентября 1976 г. г. Алма-Ата» (1980), «Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Тезисы докладов». Ташкент, (1980) и др.

Монографические исследования по тюркской топонимике стали появляться со второй половины 30-х гг. Одной из первых стала работа Н. П. Архангельского, посвященная вопросам терминологии и транскрипции географических названий Средней Азии⁹. В 1959 г. вышла книга А. А. Абдрахманова¹⁰, в которой автор подверг лингвистическому анализу более 800 названий крупных городов, рабочих поселков, населенных пунктов, районов, районных центров и железнодорожных станций Казахстана, дал их лексико-семантическую классификацию, выделил словообразовательные модели, а также рассмотрел вопросы правописания и транскрипции топонимов края. В 60—70-х гг. были опубликованы работы по тюркской топонимике СССР Г. Ф. Саттарова, Х. Х. Хасанова, К. А. Абдимуратова, Р. М. Юзбашева, С. К. Караева, А. Мамедова и др.

Работа Г. Ф. Саттарова «Микротопонимия Татарской АССР»¹¹ является методическим пособием для студентов отделения татарской филологии. В ней рассматриваются следующие вопросы: сбор материала микротопонимов

⁹ Архангельский Н. П. Среднеазиатские вопросы географической терминологии и транскрипции. Ташкент, 1935.

¹⁰ Абдрахманов А. Қазақстандың жер-су аттары. Алматы, 1959.

¹¹ Саттаров Г. Ф. Татарстан АССРның микротопонимнары. Казан, 1965; см. также: Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. Казань, 1970.

и задачи спецкурса, спецсеминара по татарской топонимике. Во второй своей книге — «Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики» — автор осветил историю зарождения, становления и современного развития топонимики и антропонимики татарского языка. О научном значении данной работы известный тюрколог Э. Р. Тенишев писал: «Ценной стороной работы является критическое освещение источников, а также трудов специальных и общего характера. Историю изучения татарской ономастики автор делит на три периода... Книга Г. Ф. Саттарова, подводящая итоги достигнутым татарской ономастикой успехам и намечающая как ближайшие, так и более отдаленные ее задачи, несомненно, является значительным вкладом в дело развития ономастики в Татарской АССР»¹².

Известный географ-ономаст Х. Х. Хасанов в своих работах¹³ рассматривает вопросы транскрипции и правописания, а также происхождения, значения, богатства географических названий Средней Азии. Р. М. Юзбашев подробно описал структуру и состав, словообразовательные модели, своеобразные типы географических терминов Азербайджана¹⁴.

Книги научно-популярного характера написали К. Абдимурадов, С. К. Караев, Н. П. Бутенко¹⁵. Они знакомят читателей с этимологией, историей возникновения географических названий Узбекистана, Киргизстана, Каракалпакии.

За последние 10 (1971—1981) лет по тюркской топонимике издано более 30 монографий и отдельных книг научно-теоретического характера, где рассмотрены вопросы семантической классификации, структурные типы, лексико-грамматические способы образования топонимов, языковой состав, фонетические процессы, взаимосвязи топонимики с этнографией, историей, место геогра-

¹² Тенишев Э. Р. Г. Ф. Саттаров. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. — Советская тюркология, 1971, № 5, с. 124—126.

¹³ Хасанов Х. Х. Географик номлар имласи. Тошкент, 1965.

¹⁴ Юзбашев Р. М. Азербайжан чографија терминлэри (тэдгиглэр). Баку, 1966.

¹⁵ Бутенко Н. П. Русские антропонимические топонимы в Киргизии. Фрунзе, 1966; Караев С. К. Топонимика. Тошкент, 1970.

фической терминологии в топонимии, транскрипция и правописание местных географических названий и многие другие.

В числе первых опять назовем монографии Г. Ф. Саттарова «Почему так названы?» и «Антропотопонимы Татарской АССР»¹⁶. Первая из них содержит анализ географических названий городов, районов Татарской АССР и ее столицы, ее кварталов, улиц. Вторая монография посвящена антропотопонимической системе Татарской АССР в целом: в ней дается ее научное описание. В монографии всесторонне показаны процессы топонимизации антропонимов. Историко-этимологическому, а также сопоставительно-сравнительному анализам подвергнуты антропотопонимы, дана полная семантическая характеристика антропотопонимов, дана характеристика антропотопонимов, дана полная семантическая характеристика антропотопонимов соответствующего пласта татарской лексики. Данная работа «отличается глубиной анализа лингвистических и экстралингвистических факторов»¹⁷.

В большой монографии известного топонимиста Э. М. Мурзаева «Очерки топонимики» значительное место уделено анализу развития, эволюции и образованию географических названий Средней Азии и Казахстана¹⁸.

Отдельные книги топонимистов Узбекистана Х. Х. Хасанова, С. К. Караева, Л. Г. Каримовой, Я. Х. Худжамбердиева посвящены раскрытию значений, структуры, словообразовательных способов, этимологии узбекских географических названий¹⁹.

Самое большое количество работ было издано учеными Азербайджана: Р. М. Юзбашевым (1972), С. М. Моллазаде (1973, 1974, 1978, 1979), Н. В. Мамедовым (1975), А. А. Алиевым (1975), Б. Т. Абдуллаевым (1973)²⁰. Книга

¹⁶ Саттаров Г. Ф. Ни очен шулай аталган? Казан, 1971; Татарстан АССРнын антропотопонимнари. Казан, 1973.

¹⁷ См.: Сафиуллина Ф. С. Антропотопонимия Татарской АССР.— Советская тюркология, 1975, № 2, с. 120—121.

¹⁸ Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974, с. 202—235.

¹⁹ Хасанов Х. Х. Ер тили. Тошкент, 1977; Он же. Географик номлар маъноси. Тошкент, 1978; Каримова Л. Г. Топонимы в северо-узбекских говорах. Ташкент, 1972; Худжамбердиев Ярикул. Историко-этимологическое исследование топонимии Сурхандарьинской области. Ташкент, 1974.

²⁰ Юзбашев Р., Элиев К., Сэдијев Ш. Азербайжанан чографи адлары. Баку, 1972; Моллазаде С. М.: Чографи адлар ва Азербай-

Р. М. Юзбашева «Азербайджанские географические термины», по определению Э. М. Мурзаева, «содержит богатый материал по местной терминологии: орографический и геоморфологический, метеорологический, гидрологический и др. Автор останавливается на роли азербайджанских терминов республики, а также на истории формирования научной географической терминологии и на транскрипции»²¹. В книге С. М. Моллазаде «Топонимия северных районов Азербайджана» даны классификация всех видов топонимов северной зоны Азербайджана и их подробный лингвистический анализ в сопоставлении с материалами родственных языков. В работе устанавливается этимология многих древнеазербайджанских топонимов, определяется лексический состав, структурные типы и лексико-грамматические способы образования топонимов изучаемого региона²².

Книги С. А. Атаниязова «Язык земли» и «Топонимика Туркменистана»²³ посвящены вопросам географических названий Туркменской ССР. В первой из них автор научно-популярно объясняет значения географических названий Туркменистана. Во второй он провел анализ структуры и состава, дал хронологическую и семантическую классификацию, выявил лексико-морфологические, лексико-семантические способы образования топонимов республики.

Небольшие по объему книги К. Абдимурадова, предназначенные для широкого круга читателей, знакомят с этимологией географических названий Каракалпакской АССР²⁴. Книга А. А. Абдрахманова «Топонимика и этимология» состоит из двух разделов. В первом — «Этимология и топонимика» — автор рассматривает методы этимологического исследования, во втором — «Краткий

чан дилинин тарихи. Баку, 1973; Некоторые топонимы районов Азербайджана. Баку, 1978, *Әлијев Ә.* Азербайжаннын герб районларынын топонимияси. Баку, 1975.

²¹ Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974, с. 77.

²² Наджафов Н. Г. Топонимия северных районов Азербайджана. — Советская тюркология, 1979, № 3, с. 102.

²³ Атаниязов С. А.: Ерин дили. Ашгабад, 1971; Туркменистанын топонимиясы. Ашгабад, 1981.

²⁴ Абдимурадов К.: Почему так говорим: (Из истории топонимии Каракалпакстана). Нукус, 1965; Почему так названо? Нукус, 1970.

этимологический словарь топонимов Казахстана» — подвергает этимологическому анализу 140 топонимов республики²⁵. Другая его книга — «Этнотопонимика Казахстана» — посвящена взаимосвязи этнонимов и топонимов. Автор на основе исторических сведений дает историко-этимологический анализ более десяти этнотопонимов: аргын, дулат, алчин, канглы, керей²⁶ и др.

О. А. Султаньяев назвал свою книгу «Понятные непонятности». Она является первым пособием для внеклассной работы по топонимии Казахстана²⁷. В монографии Т. Д. Джанузакова «Очерк казахской ономастики» рассматриваются структурные типы и состав, способы образования, этимология топонимов Казахстана²⁸.

Ономасты Киргизстана выпустили в свет два сборника и две монографии по киргизской топонимике. Книга Д. Исаева «Загадки географических названий» состоит из двух разделов. В первом разделе рассматриваются общие вопросы топонимики: взаимосвязь топонимики с другими отраслями науки, вопросы терминологии ономастики, лексический состав и семантика, лексико-семантическая классификация топонимов. Во втором разделе определяется общий состав топонимов арабо-иранского и монгольского происхождения, дается их этимологический анализ²⁹. Монография К. Конкобаева «Топонимия Южной Киргизии» написана на богатом фактическом материале. Из общей массы топонимов автор выделил пласты иранских (согдийско-ягнобский, таджикский, тувинский, уйгуро-узбекский), арабских, монгольских и славянских (русский, украинский) языков. Все топонимы подвергнуты лексико-семантическому и структурному анализу, проведена их стратиграфия, лексико-семантическая классификация³⁰.

²⁵ Эбдірахманов А. Ә. Топонимика және этимология. Алматы, 1975.

²⁶ Эбдірахманов А. Ә. Қазақстан этнотопонимикасы. Алматы, 1979.

²⁷ Султаньяев О. А. Понятные непонятности. Алма-Ата, 1973.

²⁸ Джанузаков Т. Д. Очерк казахской ономастики. Алма-Ата, 1982, с. 42—52.

²⁹ Исаев Д. Жер-су аттарының сыры. Фрунзе, 1977.

³⁰ См.: Молчанова О. Т. К. Конкобаев. Топонимия Южной Киргизии. — Советская тюркология, 1981, № 5, с. 87—90.

Балкарский языковед Б. Х. Мусукаев в книге «Топонимы Балкарии» описывает всю систему топонимов Балкарии, устанавливает историю возникновения и развития топонимической системы, определяет ее основные пласты, дает их классификацию по лексико-семантическим группам, а также структурный анализ, способы образования топонимов³¹.

К числу новоизданных работ последних лет относятся монографии О. Т. Молчановой, С. Багдарына, Т. Д. Джанузакова. Монография О. Т. Молчановой является теоретическим обобщением ее предыдущей книги («Топонимический словарь Горного Алтая») ³². В этой новой работе автор дает лингвистическую характеристику географических названий тюркских языков Алтая, исследует словообразование топонимов, вскрывает механизм топонимических моделей с точки зрения их семиотического назначения, многие теоретические проблемы ономастики впервые решает на основе данных тюркской топонимики. В книге С. Багдарына «Топонимы Якутии» рассматриваются лексический состав, структура, принципы номинации топонимов Якутии³³. Кроме книг и монографических исследований опубликована масса научных, научно-теоретических статей. За 1920—1982 гг. их вышло более тысячи. Они посвящены разным вопросам: семантике, этимологии, словообразованию, онимизации, структуре и составу, транскрипции и транслитерации топонимов и т. д.

Антропонимика

Исследование антропонимии тюркоязычных народов СССР получило развитие только в советское время. За 1920—1982 гг. опубликовано много статей, научно-популярных книг и монографий, защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. И все же изученность антропонимики намного ниже

³¹ Мусукаев Б. Х. Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик, 1981.

³² Молчанова О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982.

³³ Багдарын С. Топонимы Якутии. Якутск, 1982. На якут. яз.

изученности топонимики. Если по тюркской топонимике защищено около 50 кандидатских диссертаций, то по тюркской антропонимике до 1982 г. защищено всего 6 кандидатских диссертаций³⁴.

Тюркская антропонимика открывается статьей К. Г. Малицкого³⁵. Позднее появляются статьи С. Ибрагимова, Х. Жубанова, А. А. Сатыбалова³⁶, С. К. Кенесбаева, З. Б. Мухамедовой, Т. Д. Джанузакова, Г. Ф. Сатарова, Э. А. Бегматова³⁷. Статьи научного и научно-теоретического характера этих и других ученых публиковались в журналах «Вопросы языкознания», «Советская тюркология», «Известия» АН союзных республик, в сборниках «Ономастика», «Антропонимика», «Этнография имен», «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем»³⁸ и др.

В последние годы было издано более десяти монографий, в которых освещены многочисленные вопросы антропонимики тюркоязычных народов СССР.

³⁴ *Джанузаков Т.* Лично-собственные имена в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1961; *Бегматов Э. А.* Антропонимика узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1965; *Бутенко Н. П.* Русские собственные имена в Киргизии и некоторые вопросы взаимодействия языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1967; *Садыхов З. А.* Личные имена в азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1975; *Кусимова Т. Х.* Древнебашкирские антропонимы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1975; *Шайхулов А. Г.* Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.

³⁵ *Малицкий Н. Г.* Система наименования у коренного населения города Ташкента. — Изв. Средне-Азиат. комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, Ташкент, 1928, вып. 3.

³⁶ *Иброхимов С.* Исм ва фамилияларнинг езилиши. — В кн.: Узбек тилининг имло луготи. Тошкент, 1935; *Жубанов Х.* Исследования по казахскому языку. Алма-Ата, 1936, вып. 1; *Сатыбалов А. А.* К вопросу о личной ономастике у кумыков. — В кн.: Советское языкознание. М., 1936, с. 95—98.

³⁷ *Кенесбаев С. К.* Об использовании собственных имен в казахском языке в нарицательном значении. — Советская тюркология, 1973, № 1, с. 87—91; *Мухамедова З. Б.* К вопросу о личной ономастике у туркмен. — Труды ИЯЛ АН ТуркмССР, 1957, вып. 2; *Жанузаков Т.* Қазақ есімдерінің тарихы жайлы. — Вестник АН КазССР, 1960, № 9, с. 79—84; *Сатаров Г. Ф.* Татар тилиндэ кеше исемнэре лэм аларны дорес куллану. — Совет мэктэбе, 1961, № 10; и др.

³⁸ Полный перечень статей по антропонимике см.: *Зинин С. И.* Ономастика республик Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1974.

В книге Э. А. Бегматова «Имена и люди» описаны история возникновения, развития, а также семантика, процессы образования узбекских личных имен. Вторую книгу автор посвятил правописанию узбекских личных имен на русском языке³⁹.

В книгах автора этих строк «Собственные имена в казахском языке», «Казахская антропонимика», «Тайны имен» прослеживается история развития антропонимов, дается хронологическая и лексико-семантическая классификация, структурные модели, словообразовательные процессы, вопросы правописания, этимология казахских личных имен⁴⁰.

В работах Ш. Садиева «Происхождения собственных имен», Ш. Аннаклычева «Наречение имен у туркмен», А. Идрисова «Личные имена в киргизском языке», А. Гафурова «Лев и Кипарис» рассматривается происхождение, образование, значения личных имен азербайджанского, туркменского, киргизского и других языков⁴¹.

Азербайджанский ономаст А. Р. Махмудов посвятил свою работу правописанию собственных имен в азербайджанском языке, где рассмотрел фонетическую основу передачи азербайджанских имен собственных на русский язык⁴². Известный ученый В. А. Никонов в монографии «Имя и общество» специально рассматривает личные имена тюркоязычных народов, их обычаи, связанные с именами, приводит статистические данные в их динамике⁴³.

Особый интерес представляет книга известного тюрколога Н. А. Баскакова «Русские фамилии тюркского

³⁹ Бегматов Э. А.: Номлар ва одамлар. Тошкент, 1966; Киши номлари имлоси. Тошкент, 1970; Узбек исмлари имлоси (русча езилиш масалалари). Тошкент, 1972.

⁴⁰ Жанузақов Т. Қазақ тіліндегі жалқы есімдер. Алматы, 1965; Қазақ есімдерінің тарихы. Алматы, 1971; Тайны имен. Алма-Ата, 1974.

⁴¹ Сәдијев Ш. Адлар нече јаранмышдыр. Бақы, 1969; Аннаклычев Ш. Туркменлерде ат дақылшы. Ашгабад, 1969; Идрисов А. Кыргыз тилиндеги ысымдар. Фрунзе, 1971; Гафуров А. Лев и Кипарис. М., 1971.

⁴² Махмудов Р. А. Фонетические основы передачи азербайджанских имен собственных на русском языке и русских имен собственных на азербайджанском языке. Баку, 1973.

⁴³ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.

происхождения». Книга содержит обширное историко-филологическое введение и анализ более 300 русских фамилий⁴⁴. В книге дается не только лингвистический анализ, но и подробно характеризуются история возникновения, семантическое развитие разбираемых фамилий.

Структурные типы, лексический состав, словообразовательные процессы антропонимов тюркоязычных народов СССР нашли отражение в статьях, написанных после 60-х гг. Так, проблемы лексико-семантической классификации антропонимов получили отражение в исследованиях и отдельных статьях Г. Ф. Саттарова, Т. Д. Джанузакова, А. Г. Шайхулова, В. У. Махпирова⁴⁵.

Вопросы исторической антропонимии исследуются Н. А. Баскаковым, Т. Д. Джанузаковым, В. У. Махпировым, Т. Х. Кусимовой, Р. Х. Халиковой⁴⁶ и др.

Связи антропонимии и топонимии освещены в статьях Г. Ф. Саттарова, Т. Д. Джанузакова, О. А. Султаньяева, Н. П. Бутенко, Ш. Ж. Жапарова⁴⁷.

⁴⁴ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

⁴⁵ Саттаров Г. Ф. Лексико-семантические и тематические группы и разряды татарских лично-индивидуальных и семейно-родовых прозвищ. — Советская тюркология, 1977, № 3, с. 2—35; Шайхулов А. Г. К вопросу о лексико-семантической классификации башкирских и татарских личных имен. — В кн.: Аспекты лингвистического анализа. М., 1974, с. 312—317; Джанузаков Т. Д. Очерк казахской ономастики. Алма-Ата, 1982; Кусимова Т. Х. Древнебашкирские антропонимы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1975; Махпиров В. У. Собственные имена в памятнике XI в. «Дивану лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгарского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1980.

⁴⁶ Баскаков Н. А. Мифологические и эпические имена собственные в «Слове о полку Игореве». — Вост. филология, Тбилиси, 1973, № 3; Джанузаков Т. Д. Основные типы и состав тюркской ономастики V—VIII вв. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ., 1971, № 1, с. 61—65; Махпиров В. У. Антропонимы «Дивану лугат ит-тюрк» и «Кудатгу билик». — Советская тюркология, 1979, № 4; Халикова Р. Х. Антропонимы в башкирских документах XVIII в. — В кн.: Ономастика Поволжья. Уфа, 1973, 3, с. 42—421.

⁴⁷ Бутенко Н. П. Русские антропонимические топонимы в Киргизии. Фрунзе, 1966; Джанузаков Т. Д. Историко-этнографические связи ономастики и топонимии Казахстана. — В кн.: Всесоюзная конференция по топонимике СССР: Тезисы. Л., 1965, с. 189—191; Саттаров Г. Ф. Названия селений, образованные от древних татарских и чувашских антропонимов Зеленодольского района Татарской АССР. — В кн.: Вопросы татарского языкознания. Казань, 1972, кн. 5. На тат. яз.; и др.

Этимология антропонимов рассматривается в статьях Н. А. Баскакова, Т. Д. Джанузакова, В. У. Махпирова, А. Гафурова, Э. А. Бегматова, Т. Х. Кусимовой.

Вопросы русско-тюркского или арабо-иранского, тюрко-монгольского взаимодействий в области антропонимики исследованы в статьях Р. Х. Субаевой, А. Г. Шайхулова, С. И. Зинина, Т. М. Гарипова, Э. А. Бегматова, Т. Д. Джанузакова, З. А. Садыхова и др. Значительное число статей посвящено вопросам семантики, структурных типов, словообразования антропонимов тюркоязычных народов СССР.

Этнонимика

Названия родов, племен, народностей и т. п. являются ценным материалом для лингвистов. Этноназвания (названия племен, родов, поколений, колен, подразделений, ветвей) свидетельствуют о том, что все они восходят к именам людей, прозвищам, географическим названиям, различным словам и наименованиям, которые служат материалом для изучения их в историко-лингвистическом плане. Лексический состав этнонимов многообразен, в нем имеются различные слои, принадлежащие разным эпохам и языкам. Первые шаги в исследовании этнонимов тюркоязычных народов в историко-этимологическом плане были сделаны во второй половине XIX в. Они состояли в определении этимологии отдельных этнонимов в трудах Ч. Ч. Валиханова, Н. Ф. Катанова, В. В. Радлова, В. В. Вельяминова-Зернова, Н. А. Аристова, В. В. Бартольда, Г. Н. Потанина и др.

Работы советских тюркологов по этнонимии в период с 1920 по 1982 г. отличаются направленным историко-лингвистическим анализом их. К числу первых из них, по нашим данным, относится работа М. Тынышпаева «Материалы к истории киргиз-казахского народа», в которой родоплеменные названия казахов нашли этимологическое объяснение⁴⁸.

В интересной статье А. Н. Самойловича «О слове

⁴⁸ Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент, 1925.

„казак“» дан полный анализ слова «казак»⁴⁹. Спустя много лет на данный вопрос обращают свое внимание историки: А. Х. Маргулан, М. А. Акынжанов, С. К. Ибрагимов, языковеды: А. Т. Кайдаров, А. А. Абдрахманов, А. К. Курышжанов, Е. К. Койчубаев, Т. Д. Джанузаков, Г. Ф. Благова⁵⁰ и др. Г. Ф. Благова в своей статье «Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах*»⁵¹ дает этимологию слова *казах*. Семантика и происхождение отдельных этнонимов нашли свое отражение в статьях С. М. Абрамзона, А. Н. Кононова, А. Н. Бернштама, С. К. Кенесбаева, С. А. Аманжолова, Н. А. Баскакова, Э. Р. Тенишева, Д. Е. Еремеева, М. Азерли, С. К. Караева, Ф. И. Гордеева⁵² и др.

На республиканских и всесоюзных ономастических конференциях, проведенных в разных городах Советского Союза, были прочтены многие доклады по тюркской этнонимии. Впоследствии они были опубликованы в

⁴⁹ *Самойлович А. Н.* О слове «казак». — В кн.: *Казакки: Антропологические очерки: Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Л., 1927, вып. 2.*

⁵⁰ *Ибрагимов С. К.* Еще раз о термине «казак». — Труды ИИАЭ АН КазССР, 1960, т. 8, с. 66—71; *Кайдаров А. Т., Койчубаев Е. К.* К лингвистическому объяснению этнонима «казак». — Вестник АН КазССР, 1971, № 2, с. 47—52; *Эбдірахманов А. Ә.* Топонимика және этимология. Алматы, 1975, с. 106—115; *Джанузаков Т. Д.* Очерк казахской ономастики. Алма-Ата, 1982, с. 67—75; *Курышжанов А. К.* К семантике слова «казак». — В кн.: Вопросы казахской филологии: Сб. статей, посв. 60-летию С. Муканова. Алма-Ата, 1964, с. 85—90.

⁵¹ *Благова Г. Ф.* Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах*. — В кн.: *Этнонимы. М., 1970, с. 143—158.*

⁵² *Кононов А. Н.* Опыт анализа тюрк. — Советская этнография, 1949, № 1, с. 44—48; *Абрамзон С. М.* К семантике киргизских этнонимов. — Советская этнография, 1946, № 3; *Бернштам А. Н.* Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. — Изв. АН КазССР. Сер. археол., 1949, 67, вып. 2; *Тенишев Э. Р.* Еще раз о происхождении лобнорцев. — В кн.: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964; *Кенесбаев С. К., Джанузаков Т. Д.* О лексических пластах ономастики казахского языка. — Советская тюркология, 1976, № 3, с. 78—88; *Баскаков Н. А.* Структурные и смысловые модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация. — Оптома, XXI, 1977, № 1, р. 101—110; *Еремеев Д. Е.* К семантике тюркской этнонимии. — В кн.: *Этнонимы. М., 1970, с. 133—142; Азерли М.* и др. О слове Азербайджан. — Докл. АН АзССР, 1974, т. 30, № 12, с. 82—85; *Караев С. К.* К вопросу о терминах *кыргыз* и *хакас*. — Народы Азии и Африки, 1970, № 4, с. 255—259; и др.

сборниках «Этнонимы» (1970), «Ономастика Востока» (1980), «Ономастика Средней Азии» (1978, 1980) и др. В них нашли свое отражение статьи Н. А. Баскакова «Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация», «Микротопонимы и проблемы изучения этногенетических связей между народностями», Г. Ф. Благовой «Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах*», Р. Г. Кузеева и Т. М. Гарипова «Этноним *тархан* у башкир, чувашей, венгров и болгар», Т. Д. Джанузакова «Этюды о казахских этнонимах», С. С. Губаевой «Расселение узбекского племени *юз* в Ферганской долине на рубеже XIX—XX вв.» и т. д.

В последние годы появились диссертационные исследования по этнонимам. К их числу относятся новые исследования М. С. Муканова, С. С. Губаевой, М. И. Ахметзянова. Еще с 50-х гг. увеличивается число монографий, посвященных исследованиям этнонимов народов Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа и Сибири. Наиболее значительными из них являются работы Т. А. Жданко, С. А. Аманжолова, Р. Г. Кузеева, Л. П. Потапова, Л. Н. Гумилева, С. М. Абрамзона, А. И. Попова, Н. Г. Волковой, М. М. Эрматова, С. К. Караева⁵³ и др. В этих трудах имеются богатые материалы о происхождении и значении этнотерминов и этнонимов узбекского, казахского, киргизского, башкирского, каракалпакского, алтайского, балкарского, карачайского, ногайского, кумыкского и других тюркоязычных народов.

⁵³ Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1972; Губаева С. С. Этнонимы в топонимии Ферганской долины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; Ахметзянов М. И. Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1981; Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.; Л., 1959; Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959; Кузеев Р. Г. Башкирские шеджере. Уфа, 1960, 1; Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; Абрамзон С. М. Киргизы и их этнографические и историкокультурные связи. Л., 1971; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967; Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Эрматов М. М. Этногенез и формирование предков узбекского народа. Ташкент, 1968; Караев С. К. Этнонимика. Ташкент, 1979; и др.

Космонимика

Первые сведения и исследования о космогонических понятиях тюрков принадлежат ученым средневековья: Габбас Жаухари, аль-Фараби, Абу-р-райхан аль-Бируни, Тарагай Улугбеку, Махмуду Кашгарскому. В XIX в. на этот вопрос у казахов обратили внимание Ч. Ч. Валиханов, А. А. Диваев, Г. Н. Потанин.

В наши дни изучение космонимов в лингвистическом аспекте идет пока на уровне статей. И то исследованы космонимы лишь татарского, башкирского и казахского языков. Например, в статье Д. К. Нуржановой рассматриваются наиболее употребительные среди казахов названия созвездий и звезд, приводятся некоторые предания и легенды, связанные с космонимами⁵⁴. В. А. Никонов в статье «Космонимия Поволжья» так объясняет интерес ученых к космонимам: «Космонимы древни. Они отразили и сохранили следы былых представлений человечества о мироздании: они могут многое рассказать о давнем укладе жизни, о прежних передвижениях народов и их связях»⁵⁵. Далее, в другой статье — «Материалы по космонимии Средней Азии» — он, опираясь на труды тюркологов, особенно на труды Ч. Ч. Валиханова, Х. А. Абишева, дает сравнительный анализ космонимов в тюркских языках. Очень интересна этимологизация названий звезд: *Сомон йули* (узб.), *Саманчи жол* (кирг.), *Алтын қазық*, *Темір қазық* (каз.), *Алтун казык* (уйг.), *Шолпан* (каз.)⁵⁶ и др.

В небольшой статье «Башкирская космонимия» Н. Х. Максютова перечисляет основные космонимы башкирского языка, приводит их варианты, встречающиеся в башкирских говорах⁵⁷. В другой статье — «Тюркская космонимия» — она приводит сведения о космонимах из древнетюркских письменных памятников «Дивану лугат

⁵⁴ Нуржанова Д. К. Казахская космонимия. — В кн.: Этнография имен. М., 1970, с. 234—236.

⁵⁵ Никочов В. А. Космонимия Поволжья. — В кн.: Ономастика Поволжья. Уфа, 1973, 3, с. 373.

⁵⁶ Никонов В. А. Материалы по космонимии Средней Азии. — В кн.: Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980, 2, с. 290—306.

⁵⁷ Максютова Н. Х. Башкирская космонимия. — В кн.: Ономастика Поволжья. Уфа, 1973, 3, с. 282—284.

ит-тюрк» Махмуда Кашгарского, «Кудатгу билик» Юсуфа Баласагунского, а также из словарей тюркских языков позднего времени. Она проследживает пути и причины изменения отдельных названий звезд, дает сравнительные материалы из казахского, татарского, башкирского, азербайджанского и других языков⁵⁸.

В статье автора этих строк «Лексико-семантические особенности космонимов» рассмотрены происхождение и значение, народные варианты казахских космонимов, дан их этимологический анализ⁵⁹. Подробнее этот вопрос проанализирован в монографии «Очерк казахской ономастики»⁶⁰.

* * *

Другие секторы ономастики — зоонимия и теонимия, фитонимия — пока в тюркологии мало изучены и ждут своих исследователей. В свое время известный тюрколог Н. К. Дмитриев интересовался проблемой ономастики и написал статью о кличках собак⁶¹. Большой интерес представляет работа А. М. Щербака «Названия домашних и диких животных»⁶². Каждая статья в ней начинается видовым наименованием животного, общим для всех тюркских языков или широко распространенным в них. Рядом, для сравнения, приводятся наименования этого же животного из монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Через 15 лет появились статьи на материалах татарского (Р. Г. Ахметьянов), башкирского (З. Г. Ураксин), казахского (Г. Ф. Фельде) языков. Наконец, следует отметить статьи Г. Снесарева и Э. Сулейменова по теонимии народов Средней Азии и Казахстана.

⁵⁸ Максүтова Н. Х. Тюркская космонимия. — Там же. Саранск, 1976, 4, с. 283—286.

⁵⁹ Жанұзақов Т. Космонимдердің лексика-семантикалық ерекшеліктері. — Вестник АН КазССР, 1978, № 6, с. 51—62.

⁶⁰ Жанұзақов Т. Д. Очерк казахской ономастики, с. 78—85.

⁶¹ Дмитриев Н. К. Собачьи клички у башкир. — Доклады АН, «В». Л., 1928, № 5, с. 328—330.

⁶² Щербак А. М. Названия домашних и диких животных. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 82—172.

Ономастические словари

Разработка и составление ономастических словарей осуществлялись в трех направлениях: а) словари по топонимии; б) словари по антропонимии; в) словари орфографические. Наиболее известными являются следующие топонимические словари: Словарь местных географических терминов⁶³, Словарь казахских географических названий⁶⁴, Русско-узбекский словарь географических названий⁶⁵, Словарь географических терминов⁶⁶, Словарь русской транскрипции терминов и слов, часто встречающихся в географических названиях Казахской ССР⁶⁷, Словарь географических названий Киргизии⁶⁸, Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджана⁶⁹, Балкарский топонимический словарь⁷⁰, Толковый словарь географических названий Туркменистана, Топонимический словарь Туркменистана⁷¹, Краткий толковый словарь топонимов Казахстана⁷², Толковый словарь географических терминов⁷³, Топонимический словарь Горного Алтая⁷⁴, Словарь топо-

⁶³ Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., 1959.

⁶⁴ Конкашпаев Г. К. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата, 1963.

⁶⁵ Караев С. К. Русско-узбекский словарь географических названий. Ташкент, 1964.

⁶⁶ Хасанов Х. Х. География терминлари лугати (русча-узбекча, узбекча-русча). Тошкент, 1964.

⁶⁷ Словарь русской транскрипции терминов и слов, часто встречающихся в географических названиях Казахской ССР/Сост. А. С. Титова. М., 1960.

⁶⁸ Исаев Д. И., Токомбаев Ш. Т., Алиев З. А. Словарь географических названий Киргизии. Фрунзе, 1962.

⁶⁹ Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР. М., 1971.

⁷⁰ Коков Дж., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

⁷¹ Атанязов С. Топонимический словарь Туркменистана. Ашхабад, 1970; Толковый словарь географических названий Туркменистана. Ашхабад, 1980.

⁷² Койчубаев Е. К. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974.

⁷³ Караев С. К. Толковый словарь географических терминов. Ташкент, 1979. На узб. яз.

⁷⁴ Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Алтайск, 1979.

нимов Башкирской АССР⁷⁵, а также ряд словарей, данных в виде приложений⁷⁶.

Из словарей по антропонимии назовем следующие: Что означает Ваше имя?⁷⁷ Какое выбрать имя?⁷⁸ Лев и Кипарис: Восточные имена⁷⁹, Тайны имен⁸⁰, Словарь башкирских имен⁸¹, Справочник личных имен народов РСФСР⁸², Словарь татарских личных имен⁸³, Словарь киргизских личных имен⁸⁴.

К числу орфографических словарей топонимов и антропонимов отнесем следующие: Орфография казахских топонимов и антропонимов⁸⁵, Правописание узбекских личных имен⁸⁶, Фонетические основы передачи азербайджанских собственных имен⁸⁷ и др.

* * *

Несмотря на достигнутые успехи, перед тюркской ономастикой стоят важные научно-практические проблемы. Развитие тюркской ономастики зависит от ряда объективных факторов, а именно от тщательного и фронтального сбора богатого материала по топонимии, особенно микротопонимии, этнонимии, антропонимии, астронимии, космонимии, зоонимии, теонимии, фитонимии и т. д. путем

⁷⁵ Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980.

⁷⁶ См.: Русско-казахский словарь/Сост. А. А. Абдрахманов. Алма-Ата, 1981, т. 2. Приложение: Краткие географические названия.

⁷⁷ Абдурахманов Д., Азаматов Х., Бегматов Э., Менажиев Я. Что означает Ваше имя? Ташкент, 1968. На узб. яз.

⁷⁸ Джанузаков Т. Д., Белоусов Я. П. Какое выбрать имя? Алма-Ата, 1968.

⁷⁹ Гафуров Алим. Лев и Кипарис: Восточные имена. М., 1971.

⁸⁰ Джанузаков Т. Д. Тайны имен. Алма-Ата, 1974.

⁸¹ Кусимова Т. Х. Башкирские имена: (Словарь). Уфа, 1976. На башк. яз.

⁸² Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1979.

⁸³ Саггаров Г. Ф. Словарь татарских личных имен. Казань, 1981.

⁸⁴ Жапаров Ш. Словарь киргизских личных имен. Фрунзе, 1979.

⁸⁵ Орфографический словарь казахского языка. Алма-Ата, 1963. См.: Приложение: Словарь топонимов Казахстана/Сост. А. А. Абдрахманов; Словарь казахских антропонимов/Сост. Т. Д. Джанузаков.

⁸⁶ Бегматов Э. А.: Правописание личных имен. Ташкент, 1970; Правописание узбекских имен: (Вопросы русского написания). Ташкент, 1972.

⁸⁷ Махмудов А. Р. Фонетические основы передачи азербайджанских собственных имен. Баку, 1973.

организации экспедиций и выписок из литературных, научно-популярных и географических источников и создания на этой основе богатой картотечной базы в каждой республике. Последующие задачи ономастов: систематическая обработка, всесторонний анализ собранного материала, в том числе составление списков топо-и антропооснов, различных словообразовательных моделей, создание топонимических, антропонимических словарей различного характера (региональных, двуязычных, толковых, справочных, словаря русской транскрипции географических названий каждой республики и этимологических словарей), а также региональных, республиканских атласов топонимии и антропонимии. Конечно, задачи тюркской ономастики не исчерпываются вышеизложенным. Они предполагают проведение синхронических, диахронических, глобальных и региональных, ареальных, а также структурных, сравнительно-исторических, типологических исследований. В связи с этим возникает необходимость дальнейшей разработки теории и методики ономастических исследований в тюркологии.

А. Т. КАЙДАРОВ

К ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭТНОНИМА КАНГЛЫ/ҚАҢЛЫ

Этноним *канглы/ қаңлы*¹ — название одного из древнейших и современных тюркских племен — давно привлекает к себе внимание ученых, и в результате их всесторонних поисков к настоящему времени накоплен довольно солидный материал, проливающий свет на его этногенетическую и этнолингвистическую историю. Тем не менее языковая природа этнонима *канглы/қаңлы* и его соотношенность с этносом, сыгравшим немаловажную роль в прошлой истории тюркоязычных племен обширного региона Евразии, остаются не до конца выясненными.

Исходя из этого, мы ставим перед собой следующую задачу: рассмотреть на основании имеющихся исторических свидетельств и некоторых данных родословной (шежере) казахов вопрос об основных регионах расположения и контактирования *канглы/қаңлы* с другими этническими объединениями в разные исторические периоды и высказать некоторые свои соображения в пользу существующего этимологического предположения, что *канглы/қаңлы* — обитатели рек, речной народ².

Надо сказать, что перед исследователями данной проблемы в первую очередь вставал вопрос: имеет ли

¹ В качестве основного, наиболее употребительного и доминирующего термина в научной литературе нами взят вариант *канглы* в соседстве с его казахским звучанием *қаңлы*.

² *Кляшторный С. Г.*: Кангуйская этнопонимика в орхонских текстах. — Советская этнография, 1951, № 3, с. 54—63; Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 155—180.

канглы/қаңлы генетическую преемственность с древнетюркским государственным объединением *Кангюй* и является ли он трансформировавшимся вариантом данного этнонима, обозначавшим этническое целое и в последующие эпохи его развития? Правильное решение этого вопроса имеет существенное значение в определении не только хронологических рамок существования *кангюй* — *канглы*, но и его генетической общности.

Приведем некоторые общеизвестные исторические свидетельства. Подавляющее большинство ученых склоняется видеть связь *канглы/қаңлы* с древнейшим государственным объединением (или конфедерацией) *Кангюй* или *Кангха*, известным по китайским летописям и историн Авесты еще в III—I вв. до н. э. и обитавшим на среднем течении Сырдарьи и в отрогах Каратауских гор.

Государственное объединение *Кангюй/Кангха*, пришедшее на смену племенным объединениям саков в III в. до н. э., функционирует на этих же территориях и в последующие эпохи. Исследования казахстанских археологов подтверждают, что к I в. н. э. относится нижняя граница жизни Отрарского оазиса, который в то время входил в состав государства *Кангюй*³, а его центром был город Отрар. О том, что Отрар оставался столицей Кангюйского государства и в последующие эпохи, вплоть до завоевания региона арабами, говорят данные топонимии орхонских памятников, в которых *Кангюй-Тарбан//Кангюй-Тарман* С. Г. Кляшторным отождествляется с городом Отрар. До Отрарского оазиса простиралась западная граница Восточно-Тюркского каганата в конце VII и начале VIII в. н. э.⁴ Так, в памятнике в честь Куль-тегина Бильге-каган, говоря о своих походах (25 раз) и сражениях (113 раз) в целях расширения границ владений в период правления Мочжо-кагана (692—716) со своим дядей Куль-тегином, указывал, что «...назад (т. е. на запад от Восточного-Тюркского каганата) вплоть до *Кангюй-Тармана* мы поселили таким образом тюркский

³ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар: (Топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972, с. 181 и др.

⁴ В памятнике в честь Куль-тегина эта фраза звучит так: ...Курығару Кангюй таги түрк будунығ анча контуртымыз, анча итдимиз.

народ и завели в нем порядок»⁵. Доказывая, что *Тарбан* является модифицированной формой *Отрар* (<*Турар-банд*>*Трарбан*>*Тарбан*), С. Г. Кляшторный локализует этот регион территориями Семиречья, включая бассейны рек Чу и Талас, заселенные тюргешами и народом десяти стрел (он оқ бұдүн), и восточными районами Сырдарьи (границей Согда)⁶.

Таким образом, территория государства Кангюй в древнейший период простиралась вместе с вассальными владениями, по предположению А. Н. Бернштама, начиная от окрестностей Шаша по 800—900-километровой линии протекания Сырдарьи, по обе стороны реки вплоть до Хорезмских земель и берегов Аральского моря⁷. Из этого видно, что Кангюйское государство занимало довольно большую территорию и его культурным центром неизменно оставался город Отрар, который⁸ как городской тип поселения существует с V—IV вв. до н. э., имея периоды своего расцвета и угасания. Он считался самым крупным городом в этом регионе на протяжении VIII—XIII вв., т. е. до завоевания Чингисхана, а с X в. — форпостом мусульманского мира на границе с тюрками. Распространение влияния Кангюйского государства на относительно большой регион объяснялось полукочевым и полуоседлым образом жизни кангюйских племен, которые не только обрабатывали поля и возводили города, но и кочевали, доходя летом до благоуханных и обильных травами низменностей Шаша, до берегов Арыса, Таласа и Чу, а зимой располагались в нижней части Сырдарьи, в укромных и заветренных местах Аральского побережья.

Этнолингвистическая и историческая характеристика этнонима *канглы*/*қаңлы* не будет полной, если не учесть его территориально-географические, этногенетические, культурные и языковые контакты с другими соседними племенами на протяжении всего периода его существования. Как известно, *кангюйцы*/*канглы* на протяжении длительного исторического развития в той или иной сте-

⁵ Кляшторный С. Г. Кангюйская этнопонимика..., с. 56.

⁶ Там же.

⁷ Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. — Изв. АН КазССР. Сер. археол., 1949, вып. 2.

⁸ Кляшторный С. Г. Кангюйская этнопонимика..., с. 59.

пени имели контакты, например, с такими разноязычными племенами, родо-племенными союзами, этническими общностями, народностями, как: хунны, эфталиты (белые гунны), саки, согдийцы, тохары, китайцы, хазары, аланы, сарматы, арабы, усунь, кыпчаки, огузы, карлуки, сельджуки, печенеги, монголы, славяне и др.

Надо сказать, что окружение вышеперечисленных этнических общностей в известной степени определяло не только культурно-экономические, социально-политические факторы развития государственного объединения кангюйских племен, но и факторы этнолингвистические.

Приведем некоторые факты. Так, в самые древние времена, в начале нашей эры, когда *Кангюй*//*Кангха* как этническое и государственное объединение вышло уже на историческую арену, кангюйские племена поддерживали дружественные отношения с северными хуннами, враждуя в то же время с соседними усунями. В этой связи в «Истории Казахской ССР» отмечается: «Подвергаясь давлению со стороны усуней и будучи не в силах противостоять им, кангюйский владетель в начале нашей эры решил прибегнуть к союзу с северными хуннами под предводительством Чжичи-шаньюня.

Чжичи смог привести в Кангюй лишь три тысячи человек из когда-то многочисленного войска северных хуннов. Остальные погибли в пути от холода и нападения враждебных племен. Кангюйский владетель, чтобы скрепить родственными узами свои отношения с шаньюем, отдал за него свою дочь. Шаньюй также выдал за кангюйского вождя одну из своих дочерей...»⁹.

Такие же тесные и продолжительные контакты кангюйских племен исторически засвидетельствованы с сакскими племенами на территории Казахстана, которые впоследствии сыграли важную роль в формировании и сложении казахской народности. Это и гунны, хлынувшие кочевничьим потоком через Сырдарью вверх на запад, и огузы, кочевавшие в бассейне Амударьи и в Приаралье, и аланы-сарматы, и хазары, и согдийцы, и эфталиты — грозные завоеватели этих мест, сменившие одного за другим ряд правителей (в V—VI вв.), и племена Запад-

⁹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. Алма-Ата, 1977, т. I, с. 291—292.

но-Тюркского каганата (в VI—VII вв.), и арабы (в VIII—IX вв.), и тюркские племена государства Караханидов (в XI—XII вв.), и кыпчаки (после IX в.), и монголы (в XIII—XIV вв.) и др. Особенно сильным было влияние кыпчаков, тесное и продолжительное общение с которыми у *кангюй//қаңлы* было с IX в.

Дешт-и Кыпчакское объединение, простиравшееся на огромной территории с прибрежной полосы Иртыша до Сырдарьи, северо-запада Аральского моря и далее до земель Восточной Руси, наложило отпечаток на многие сферы жизни различных тюркских племен данного региона, в том числе и на *канглы//қаңлы*, проявивших себя в общественно-политической жизни, культуре и этнолингвистических процессах как до чингисхановской экспансии (IX—XII вв.), так и после нее (в XIII—XIV вв.). Истории известны периоды расцвета Дешт-и Кыпчакской державы, усиления ее власти и влияния, когда *канглы//қаңлы*, потеряв свою былую самостоятельность и могущество, вошли в качестве одного из структурных компонентов в состав кыпчакского племенного союза. По-видимому, именно вследствие данного обстоятельства в трудах арабо-иранских ученых той эпохи этнонимы *канглы//қаңлы* и *кыпчак//қыпшақ* зачастую употреблялись как синонимы, что, однако, не привело к исчезновению этнонима *канглы//қаңлы* в последующие времена. Наоборот, *канглы//қаңлы*, будучи автохтонами края, наряду с другими тюркскими племенами сыграли исключительно важную роль в образовании казахского народа в XV в.¹⁰, войдя в его состав как один из основных его слагаемых.

Если рассмотреть историю развития *кангюй-канглы* в хронологическом срезе, то нетрудно заметить отложения четырех культур: более древней андроновской, каунчинской, джетгысарской и отарско-каратауской. Историки отмечают, что *канглы//қаңлы* по своим антропологическим признакам стоят ближе к представителям андроновской культуры, которые характеризуются как бледнолицые, с серо-голубыми глазами. Материальная культура и быт *канглы* засвидетельствованы археологи-

¹⁰ История Казахской ССР, т. 1, с. 284—293; Канглы. — БСЭ, 2-е изд., т. 19, с. 603, 324.

ческими находками из захоронений нижних культурных пластов при раскопках Отрара и Отрарского оазиса.

Китайские путешественники, посетившие государство Кангюй (III—I вв. до н. э.), считали, что по своим народным обычаям и традициям *кангюй/қаңлы* во многом близки к аланам: они обитали в жилищах с высокими укрепленными стенами, по своим религиозным представлениям были зороастрийцами, поклонявшимися Солнцу, Луне, зверям и т. д., а по языку — тюрками, близкими к усуням. Однако их язык не в меньшей степени близок и к языку кыпчаков. Развитие общих черт этих языков могло произойти в период расцвета Дешт-и Кыпчакской державы в середине века, когда язык кыпчакских племен вышел на мировую арену: на нем был создан широко известный словарь «Кодекс Куманикус». В этот период с языком кыпчаков мог соперничать только язык *кангюйцев/канглинцев*, о чем свидетельствует наличие «Словаря языка Канглы», который по-арабски называется «Тиббийүн эл-лугат ат — түрки эла — лисан элқаңли»¹¹. По свидетельствам турецкого ученого М. Ф. Кюпюрлю, автором этого труда был ученый-филолог Мухаммед ибн Кайс, живший в эпоху Хорезмшаха, выходец из рейнских огузов (полное имя Шемс-ад-дин Мухаммед ибн Кайс ар-Рази).

Как согласуются с указанными выше историческими свидетельствами данные родословной-шежере казахов, бытующей в народе и зафиксированной в различных источниках? Прежде всего надо отметить, что шежере казахов, как и других тюркоязычных народов, дает картину генеалогического развития казахских племен, родов и последующих родоплеменных поколений, не укладывая их в определенные историко-хронологические и географические рамки. Как правило, они непоследовательны, а потому более поздние генеалогические и этнические процессы можно обнаружить в ранний период истории. Сведения о происхождении отдельных племен, родов и колен зачастую переплетаются с народными преданиями и мифологическими представлениями. Однако, несмотря на подобные недостатки (непоследовательность, априорность, предвзятость, предположительность и др.), данные

¹¹ Мухамедова З. Б. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. Ашхабад, 1973, с. 14.

казахской родословной-шежре представляют несомненный интерес для науки вообще, для определения генеалогического процесса развития народа в частности. Все же это ценный первоисточник, который, при критическом подходе и снятии всего наносного, а также при сопоставительном изучении с фактами истории и письменных источников может пролить свет на многие вопросы генеалогии народа ¹².

Приведем некоторые данные. Например, в рассмотренных Н. А. Аристовым, Ч. Ч. Валихановым, Южаковым, С. Аманжоловым, В. В. Востровым, М. С. Мукановым и другими исследователями ¹³ версиях и вариантах казахских шежре в одном случае *канглы/қаңлы* возводится к легендарному Майкы бию, а в другом — к Бахтияру или Когаму, его брату; или в одних версиях племя *канглы/қаңлы* наравне с племенем *уйсинь/үйсін* рассматривается в союзных отношениях внутри родоплеменного объединения *Ұлы жүз* (Старший жүз), а в других — внутри этого же племени, что с исторической точки зрения не соответствует действительности. Если в одних версиях казахских шежре наблюдается необоснованное сужение хронологических и этнических рамок рода, племени и родоплеменного союза, то в других, наоборот, эти рамки чрезмерно расширяются. Например, в одних источниках указывается, что стамбульские турки-османлыки по своему происхождению восходят к роду *канглы/қаңлы* ¹⁴, а в других — что кыпчаки (*қыпшақтар*) получили свое название от того, что они, отделившись от *канглы/қаңлы*, обитали в безводной и безлюдной степи ¹⁵.

¹² К сожалению, богатый экспедиционный материал по казахским шежре, хранящийся в рукописных фондах Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова и Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова АН КазССР, все еще не изучен.

¹³ Подробнее см.: *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX вв.). Алма-Ата, 1968. с. 8—56.

¹⁴ О пребывании тюрков, в том числе *кангар*, в Малой Азии см.: *Еремеев Д. Е.* Проникновение тюркских племен в Малую Азию. М., 1964, с. 3.

¹⁵ По этому поводу у А. Н. Гумилева находим следующее: «Между карлуками на Черном Иртыше и печенегами-кангарами на Сырдарье (VIII в.) лежала широкая степь, которую в это время уже населяли *кыпчаки*. Отсюда название степной полосы современного Ка-

Однако внимательное изучение родословной-шежре, как уже было сказано выше, иногда дает ценные сведения, позволяющие уточнить отдельные моменты в общей трактовке генеалогического процесса того или иного этнического целого. Так, во всех исторических свидетельствах, приведенных нами выше, указывалось на обширный регион, занимаемый государством *кангюй—қаңлы*. Но в этих сведениях не приводятся факты внутренней дифференциации племенного объединения на более мелкие подразделения с указанием географического их расположения. Этот процесс, видимо, произошел значительно позже, что и нашло отражение в родословной-шежре племени *канглы/қаңлы*, собранной и изученной нами¹⁶.

Исторический процесс развития затронул не только внутреннюю структуру этноса, но и привел к расширению региона его расселения. Этим, пожалуй, объясняется то, что представителей племени можно встретить не только в этническом составе многих тюркоязычных народов¹⁷, но и в различных регионах Казахстана. Отсюда и дифференциация *канглы/қаңлы* на *сары қаңлы*, *қара қаңлы*, *қызыл қаңлы* и *ақ қаңлы*. Здесь прилагательные *сары*, *қара*, *қызыл* и *ақ* употреблены не в прямом цветовом значении 'желтый', 'черный', 'красный' и 'белый', а передают сугубо географические понятия — страны света, направления и местонахождение соответствующих подразделений данного племени. Так, в тюркской топонимии слово *қара* 'черный' часто обозначает понятие 'запад', *сары* 'желтый' — 'верхний', 'южный', *қызыл* 'красный' — 'возвышенный', 'центральный', *ақ* 'белый' — 'восток', 'страна света' и т. д. Следовательно, вышеперечисленные деления *канглы/қаңлы* соответственно обозначали: *сары қаңлы* — верхние канглинцы, южные канглинцы (т. е. живущие южнее, или в верхнем течении реки Сырдарья, в

захстана: Дешти-кыпчак — Кыпчакская степь. Здесь кыпчаки смешались с кангарами (канглы) и образовали народ, известный на Востоке под названием кыпчаки, в Европе — команы, а в России — половцы». См.: *Гумилев Л. Н. Древние тюрки*. М., 1967, с. 266—267.

¹⁶ *Кайдаров Ә. Т. Қаңлы*. — *Қазақ Совет энциклопедиясы*. Алматы, 1975, т. 6, 455—457-б.

¹⁷ *Кузев Р. Г. Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности*. — В кн.: *Археология и этнография Башкирии*. Уфа, 1971, т. 4, с. 27.

долинах Зерафшана и Кашка-Дарьи) ¹⁸. *қара қаңлы* — канглинцы западного региона (т. е. низовьев Сырдарьи); *қызыл қаңлы* — канглинцы, занимающие центральные районы (Кангюйского государства), и *ақ қаңлы* — канглинцы восточные. Конкретная локализация этих районов не представляется возможной, но подобное деление этнического целого надо принять за географическую ориентацию, указывающую на районы расселения отдельных групп, а не как генеалогический или биологический признак этих групп.

Таким образом, отдавая должное сведениям казахских шежере, всегда нужно сверять их с более достоверными данными и фактами истории народа, этноса.

Связав географически племя *канглы/қаңлы* главным образом с бассейном р. Сырдарьи и с прилегающими к нему оазисами, логично обратиться к этимологической версии, усматривающей в этом этнониме «обитателей рек, речного народа» ¹⁹, и рассмотреть ее в свете некоторых лингвистических данных.

Начнем с того, что в историко-этнографических, географических, филологических, энциклопедических и других источниках, касающихся проблем этногенеза тюркских народов, приводится большое количество вариантов (или инвариантов) этнонима *канглы/қаңлы*, имеющих общую корневую часть, но разнообразные производные основы. Эти варианты, расставленные по мере обрастания морфологическими формантами и осложнения аналитическими элементами, можно распределить по пяти группам:

- 1) *канг//канк//канх* ²⁰,
- 2) *канга//канка//канха//кангу//канглы//канлы*,
- 3) *кангар//кангит//кангюй//канцзюй//коньяр//кангас//кангиз*,
- 4) *кангалас//кангарас//кангерес//кангакиш//кандагез//кенкрак//кенагада*,

¹⁸ Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941, с. 5.

¹⁹ Кляшторный С. Г.: Кангюйская этнопонимика..., с. 60; Древнетюркские памятники..., с. 155—180.

²⁰ Варианты эти, восходящие к разным языковым источникам, приводятся нами для удобства в транслитерированной форме.

5) *каныклы//канаарлы//кануоглы//кангули//канароглы//канарлы//кангалиан* и др.

Наличие столь большого количества фонетических, морфологических и морфонологических вариантов, сконцентрированных вокруг одного предполагаемого этнического объединения, естественно, осложняет этимологическую интерпретацию, и всякая попытка анализировать эти варианты с конца морфологической цепи заранее обречена на неудачу.

Для более или менее правильного объяснения этих этнонимов, на наш взгляд, крайне необходимо предварительно выяснить ряд обстоятельств, а именно:

1) гомогенны ли корни этих этнонимов или этнотопонимов; если да, то где проходит граница производящей морфемы и производной основы?

2) что означает корневая морфема во всех этих вариантах: этническое или географическое понятие, или то и другое одновременно, т. е. является ли она этнонимом, топонимом, антропонимом и др.?

Необходимо это выяснить потому, что перечисленные выше наименования, порвав всякую этимологическую связь с первоначальной семантикой корневой морфемы, употребляются в разных источниках в самом обобщенном значении: как наименования этноса, рода, племени, племенного объединения, удела, княжества, государства, конфедерации и т. д.

В научной литературе *кангюй/қаңлы* трактуется чаще всего как этноним и этнотопоним, а языковая природа его объясняется по-разному. Наиболее распространенная в научном мире версия, идущая от Рашид ад-дина, Абульгази-бахадур-хана и других средневековых ученых, характеризует этноним *канглы/қаңлы* как «обладателей повозок, изготовителей телег для похода». Версия эта в историческом плане переплетается с легендой об Огузхане, который, совершая набеги на владения отца, велел построить повозки, чтобы вывезти захваченную добычу²¹. Лингвистическое же обоснование этой версии строится на производности слова *канклы* 'телега, повозка' от звукоподражательной основы *канк*, имитирующей скрип колес (*қаңқ-қаңқ*), и аффикса обладания *-лы*.

²¹ Рашид ад-дин. Сборник летописей XIV в. М., 1952, т. 1, с. 84.

Между тем во всех древнетюркских письменных памятниках²², в том числе и в Сутре «Золотого блеска», и в «Истории пророков» Рабгузи, и в последующих средневековых письменных памятниках понятие «повозка, телега, колесница» передавалось словами *qanlii//qanja* (отсюда *qanliči* 'возчик'-, в структуре которых, по нашему мнению, не усматривается ни аффикса обладания *-лы*, ни другого форманта, указывающего на род занятий, профессию. Следовательно, слово *канглы/қаңлы* в значении 'повозка, телега' без каких-либо других семантических корреляций и дополнительных показателей в виде *қаңлылы* не могло стать этнонимом или этнотопонимом, отражающим в себе какие-либо особенности данного племени.

Мы не будем перечислять множество других этимологических интерпретаций этнонима *канглы/қаңлы*, в которых он связывается то с сакскими, то с тохарскими лексемами, сходными по своему звучанию, но различными по значению: в одном случае 'камень', а в другом — 'одетые в шубы' и т. д.

Мы считаем наиболее обоснованными версии ученых (Н. Ф. Катанова, А. Н. Бернштама, С. Г. Кляшторного, В. Мурзаева и др.), согласно которым этимологические поиски этнонима *канглы/қаңлы* и его вариантов следует вести в сфере этнотопонимики не только Средней Азии, но и тех регионов Евразии, где пребывание кангюйских племен засвидетельствовано историческими источниками.

Возвращаясь к указанному выше принципу этимологического поиска, мы считаем возможным вычленить из состава всех существующих вариантов, производных образований общую и корневую морфему *канг/канх*, которая в тюркском произношении звучит как *қаң* [*qang*] и в близких ему вариациях. Надо полагать, что данная морфема по отношению к вышеперечисленным производным основам *канга*, *кангха*, *кангу*, *кангар*, *кангарас*, *кангакиш*, *кангароглы* и другим является гомогенной и связанной между собой общей семантикой.

В этом случае суть всего этимологического поиска будет заключаться в определении значения этой общей

²² Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 418—419.

гомогенной морфемы. При этом нам помогут приведенные выше историко-географические сведения о *канглы/қаңлы*, как древнейших обитателях бассейна р. Сырдарьи, именовавшейся со времен Согд вплоть до средневековья р. *Канга*²³, которая на тюркской почве произносилась как *Қаң*.

Если древние названия этнического объединения *канглы/қаңлы*, зафиксированные впервые китайскими источниками в форме *Кангюй*, а историей Авесты — *Кангха*, действительно взаимосвязаны и являются трансформацией тюркского *канглы/қаңлы*, то этимологию его следует возвести к двум элементам: корневой морфеме *канг/қаң*, некогда самостоятельному слову, выражавшему значение 'река, вода, водный бассейн вообще' и служившему названием конкретной реки (в данном случае Сырдарьи), и общетюркскому аффиксу обладания и принадлежности. Следовательно, производное образование *канглы/қаңлы* могло употребляться в древности в значениях: 'речные' или 'обитатели рек', 'обитатели бассейна реки', 'люди, племена, живущие на реке'.

Что же касается самого слова *канг/қаң*, то оно, вероятно, не тюркского, а древнеиранского происхождения, унаследованное тюрками, да и не только тюрками, от ираноязычных племен (согдийцев, тохаров, саков и др.), обитавших в изучаемом регионе до прихода сюда тюркских племен. В пользу такого утверждения можно привести много фактов. Но самым главным из них является то, что слово *канг/қаң* в различных фонетических модификациях (*кан, канг, кангха, канд, канда, конг, кен, кенг, кам, кем, ганг, ганга, жем, хем* и др.) встречается на огромной территории Евразии как гидроним в значениях 'река', 'канал', 'водный бассейн', 'вода', 'ров', 'водный источник' и др.²⁴ Например, река *Кан* — правый приток Енисея. Местное тюркское население Енисей называет *Кем*; городок *Канглы* мы встречаем на реке Кума в районе Кавказских минеральных вод. Гидроним *кан/ган/хан*

²³ Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. — Советская археология, 1972, № 2, с. 33; БСЭ, 2-е изд., т. 19, с. 603; и др.

²⁴ Об этом достаточно подробно говорится в кн.: Мурзаев Э. Очерки топонимики. М., 1974.

встречается и в Якутии²⁵. Слово *кан/қаң* как гидронимический термин и связанные с ним топонимы встречаются и на территории Средней Азии и Казахстана. Общеизвестно, что «прекрасная долина Согда» в древности называлась *Канг*, а долина Зеравшана и сам Самарканд в более поздних китайских источниках (Суй-шу, Тан-шу) также именовались словом *Канг*. Развалины около Ак-Кургана в нижнем течении Ангрена, приблизительно в 10 км от правого берега Сырдарьи, по сей день местные жители называют *Канга/Қанка*. На карте Узбекистана на берегу реки Урадарьи есть небольшой город *Кан*. В названиях рек *Саркан*, *Баскан*, что находятся в Талды-Курганской области, казахские ученые²⁶ правильно усматривают гидронимический термин *кан/қан* в значении 'река', 'речка'. Таких примеров очень много. Все они красноречиво говорят о широком распространении в древности гидронима *Кан/Қаң*, с чем связано образование этнопонима *канглы/қаңлы*.

Но хотя мы и выяснили языковую природу *канг/қаң* и *канглы/қаңлы* в целом как наиболее распространенного тюркского варианта этнонима, все же для нас остаются во многом не ясными многочисленные производные формы, образованные от *канг/қаң*. Надо полагать, что в каждом случае мы имеем дело с конкретными словообразующими грамматическими формантами и лексическими элементами, которые по своему происхождению являются как собственно тюркскими, так и нетюркскими.

Некоторые из этих этнопонимов, относящихся к *канг/қаң*, учеными этимологизируются на тюркской основе. Так, по мнению Маркварта, этноним *Кангар*, известный по византийским источникам, восходит к *Қаң-ері* (т. е. люди с реки Кан) или к *Қаң-ғар* (люди, народ, обитающий у реки Кан); он образован по типу модели *тохар*, *болгар*. Или: этноним *кенгерес*, встречающийся в орхон-енисейских памятниках VIII в. как название населения близ р. Сырдарьи, К. Менгесом рассматривается как двухкомпонентный, где *кенг* — река, *ерес* — аффикс, вы-

²⁵ Гриценко К. Ф. Названия рек и озер Якутии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1968, с. 15.

²⁶ Әбдірахманов А. Қазақстан этнотопонимикасы: (Зерттеу тапхынан). Алматы, 1979, б. 51.

ражающий множественность, т. е. 'люди у реки Канг'²⁷. Можно было бы представить этот формант в виде самостоятельной лексемы *ерес* < *арас*, которая в казахском варианте (*арыс*) выражает 'отделение, подразделение этнического целого' (төрт арыс ел 'народ из четырех подразделов'), придавая этнониму *кеңгерес* значение 'отделение, часть племени у реки Канг'. Аналогичная попытка на тюркской основе предпринималась со стороны арабского историка Аль-Идриси, когда он этимологизировал этноним *Кангакиш*: *Қаң-ы-кіші* — люди с берегов реки Кан. С. Г. Кляшторный вслед за С. П. Толстовым этноним *канглы/қаңлы* предпочитает объяснять как стяженную форму *қан-оглы* 'потомки, мужи, люди Канга', усматривая в последнем элементе этнический термин, встречающийся в орхоно-енисейских памятниках в значении 'отец'²⁸, т. е. генеалогический предок кангюйцев.

Все разночтения и трактовки языковой природы различных производных форм, образованных от гомогенной основы *канг/қаң*, говорят о недостаточной их изученности. Они, по нашему глубокому убеждению, заслуживают специального исследования.

Таким образом, по историческим, географическим, а также археологическим данным и казахской родословной-шежере, пребывание древних *канглы/қаңлы* точно локализуется вдоль р. Сырдарья, именовавшейся в древности *Канг/Кан/Қаң*, что дает основание рассматривать *канглы/қаңлы* как этнотопоним в связи с понятием 'река'. Производящая основа *канг/қаң* во всех производных этнотопонимических образованиях гомогенна. Наибольшей лингвистической аргументацией снабжена, на наш взгляд, этимологическая версия, рассматривающая *канглы/қаңлы* на тюркской основе как *канг/қаң+лы* в значении 'люди, племена, обладающие рекой Кан' или 'племена — насельники водных бассейнов' и т. д.

²⁷ Древнетюркский словарь, с. 419.

²⁸ Кляшторный С. Г. Кангюйская этнотопонимика..., с. 54—63.

ИМЕНА ПОЛОВЦЕВ И НАЗВАНИЯ ПОЛОВЕЦКИХ ПЛЕМЕН В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ

Изучение названий половецких племен (этнонимов) и собственных половецких имен (антропонимов), встречающихся в русских летописях, в плане их происхождения и принадлежности к различным тюркским родо-племенным объединениям имеет весьма важное значение для истории как восточно-славянских, так и современных тюркоязычных народов Советского Союза.

Историко-этимологический анализ этнонимов и собственных имен кочевников эпохи до прихода монголов, т. е. до второй четверти XIII в., позволил установить три основных исторических и этнических их слоя: 1) болгарско-хазарский, 2) огузо-печенежский и 3) кыпчакско-половецкий.

Если первый — болгарско-хазарский — слой слабо представлен в русских летописях, то огузо-печенежский и в особенности кыпчако-половецкий слои изобилуют не только значительным количеством разрозненных названий родов, племен и собственных имен, но также и указаниями на родственные связи между ними.

Разнородность собранного ономастического материала и специфика источников, привлекаемых помимо летописных сведений, требуют дифференцированного историко-этимологического подхода в его изучении. Целью данного исследования является системный историко-этимологический анализ только кыпчакско-половецких этнонимов и собственных имен половецких, встречающихся в русских летописях.

Все полученные в результате изъятия из русских летописей половецкие собственные имена и этнонимы в функциональном плане можно разделить на три основные группы: 1) личные имена, 2) семейно-родовые прозвища, или групповые имена, объединяющие тот или иной род или родовую семью и 3) названия племенных и более крупных родоплеменных объединений.

К первой, самой большой группе по функциональному признаку относятся личные имена, исключительно мужские: женские половецкие имена в русских летописях, как правило, отсутствуют.

Вторую группу составляют семейно-родовые прозвища, образование которых связано с первой, т. е. с личными именами. Это те же личные имена, отличающиеся только дополнительными суффиксами, образующими русские отчества, например: *Билюковичи* (от *Билюк*), *Акочаевичи* (от *Акочай*), *Боняковичи* (от *Боняк*) и т. п. Сравните отношение имен следующих половецких князей к семейно-родовой группе *Бурчевичей* — *Аклана*, *Беглюка*, *Гзака*, *Осолука* или к *Кулобичам* — *Съдвака*¹, составляющих объединение донецких половцев, в отличие от днепровских *Багубарса*, *Асиня*, *Аены*, *Кобяка*, *Карлыевича*, *Даниила* — сына *Кобяка* или от лукоморских половцев: *Бегбарса Акочаевича*, *Акуша* и *Итлыя*².

Эти семейно-групповые имена или отчества являются исключительно результатом как бы приспособления, адаптации имени родоначальника семейно-родового объединения к русскому отчеству.

Вместе с тем остается неясным происхождение элемента *-ов* в суффиксе *-ович*. Ведь семейно-родовые имена происходят от чисто половецких составных имен, состоящих из собственного имени и патримониальной частицы-слова *оба* ~ *она*, восходящего, по мнению некоторых тюркологов (А. Зайончковский и др.), к тюрк. *оба* 'племя, род', а по мнению других — к тюрк. *ара* ~ *аву*, 'старший брат, дядя по отцу' > обращение к старшему; ср., например, *Кулоба* и *Кулобичи*, *Токсоба* и *Токсобичи*. Возможно, что и русские адаптированные семейно-родовые имена типа *Билюковичи*, *Атраковичи*, *Улашевичи* и прочие соответственно восходят к собственным именам *Билюк-оба*, *Атрак-оба*, *Улаш-оба* и тому под. Однако семейно-родовые имена этого же типа используются в русских летописях как обычные русские отчества: *Обовл Костукович*, *Козл Сотанович*, *Глеб Тирьевич*, *Коряз Колотанович*, *Ярополк Томзакович*, *Гза Билюкович* (*Коза Бурнович*), *Кобяк*

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М., 1966, с. 226.

² Там же.

Карлыевич, Бегбарс Акочаевич и т. п. Их также одновременно можно рассматривать как имена, происходящие из половецких собственных имен типа *Костук-оба, Сотан-оба, Колотан-оба, Томзак-оба, Билюк-оба, Карлый-оба, Акочай-оба* и проч.

Наконец, третью функциональную группу составляют этнонимы, представляющие собой названия крупных родоплеменных объединений половцев: *Анджоглы, Бурджоглы, Башкырт, Джусан, Йета* (~ *Итларь* ~ *Итлар*), *Кануоглы, Карабароглы, Куман (Кунам)* и др.

В практике наименования всех этих типов имен существовал обычай использовать для присвоения человеку названия родоплеменных объединений и, напротив, для названия родоплеменного объединения — собственное имя человека. Например, названия родоплеменных объединений *токсоба, башкурт, куман* использовались половцами для присвоения имени человеку: *Куман, Башкурт* и проч. Обычай этот сохранился и у более поздних, чем половцы, кыпчакских родоплеменных союзов. Ср., например, собственное мужское имя потомка Чингисхана *Татара*, которое было дано по названию племени *татар*, известного из енисейско-орхонских надписей, и которое позже было присвоено в качестве этнонима для татарского народа. Ср. также собственные имена *Узбек* и *Ногай*, которые позже стали этнонимами для узбекского и ногайского народов.

Более сложной классификацией половецких собственных имен, семейно-родовых названий и этнонимов является классификация лексико-семантическая. Здесь прежде всего следует выделить этнонимы, имеющие несколько иную семантическую основу наименования, чем собственные имена и названия семейно-родовых объединений, характеризующиеся общими принципами наименования, поскольку в основе семейно-родовых названий, как правило, лежат те же собственные имена.

Наиболее часто встречающимися основными группами этнонимов, по своей лексической значимости характерными не только для половцев, но и для других тюркских народов, являются следующие:

1. Этнонимы как названия крупных родоплеменных объединений и более мелких родовых подраз-

³ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники..., с. 225, 226.

делений, в основе которых лежит имя числительное, указывающее на количество объединяемых родов. Определение происхождения этих названий по имени числительному связано с сокращением полных названий, в состав которых кроме числительного входили названия того или иного рода, например: енис-орх. *Тогуз Огуз* 'Девять огузов'; алт. *Дьети Сары (Тодош)* 'Семь желтых Тодош' и проч.⁴

В процессе дифференциации родоплеменных объединений названия эти сокращались и часто сохранялись только определения — числительные. К этой группе из половецких названий родоплеменных объединений относятся: *Дурут* (<dürt четыре), *Иета* ~ *Етебичи* ~ *Итларь* ~ *Итлер* ~ *Итларева Чадь* и проч. (<jeti ~ jetti ~ jettiler семь, семеро), *Саксин* (<säkkiz восемь + рус. суф. -ин, возможно, также <säksän восемьдесят), *Токсоба* (<toquz девять + oba род или abu обращение к старшему), *Джузан* (<dzüz сто + рус. суф. -ан).

2. Этнонимы, в основе которых лежат имена местоположения, указывающие на место локализации данных родоплеменных объединений. Ср., например, половецкие названия отделов родов, указывающие на место расположения племен (по берегам реки, воинским флангам и проч.): *Бурджоглы* ~ *Бурчевичи* ~ *Бурлы* (<buga здесь то, что поближе + dzaq сторона + -ly — аффикс, указывающий на отношение людей к данному месту >buga dzaqlы те, кто находятся по эту сторону, те, кто находятся ближе) и *Анджоглы* (<an тот, то, что подальше + dzaq сторона + -ly >andzaqlы те, кто находятся по ту сторону, те, кто находятся дальше).

3. Этнонимы — названия родоплеменных объединений половцев — по имени родов и племен, входивших не только в кыпчакские, но и в другие тюркские союзы племен, например: *кабароглы* ~ *кабарклы* (<огузское племя Qara börkli <qara черный + börk шапка + -ly/-li >qara börkli имеющие черные шапки); *кану-*

⁴ Баскаков Н. А. Структурные и смысловые модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация. — *Онома: Bibliographical and information Bulletin*, vol. 21 (1977), 1—2. *Kongressberichte*. Bern, 1975 Band II; Leuven, 1975, p. 101—110.

оглы ~ *кангароглы* (<племя Qanγly <собственное имя Qangly <qangly колесница, телега (ЛБ, II, 28)); *котян* ~ *китан* (<монг. племя Kidan кидани); *тарголове* (<огуз. племя тарыг <taguγ родственник, соплеменник + -ly > taguγ-ly + русск. суф. -ове > тарголове) и проч.

Совсем другие лексико-семантические основы служат для названия семейно-родовых объединений и личных имен половцев, которые во многих случаях являются общими и для современных тюркских народов.

Перечислим только самые основные лексико-семантические группы собственных имен. Наибольшие по количеству и наиболее частые по выбору:

1. Имена по названию племени или родоплеменного объединения, например, *Башкырт* <badza свойственник + oγur название племени (ср. saγuγ oγur > saγoγur, hotuγ oγur > qotruγur племени древних булгар) > badz(a) oγur > badzγur ~ badzγur + t афф. множественного числа > badzγurt > basqurt; *Китан-опа* ~ *Кытан-опа* ~ *Китян* ~ *Котян* (<Kitan ~ Kidan название монгольского племени — кидане); *Куман* ~ *Кунам* (<quman <qiw лебедь + аффикс -man > quuman половец); *Татур* (<tatar название монг. и тюрк. племени — татары); *Урусоба* ~ *Русоба* (<urus ~ rus русский + aba); *Карлый* (<qarlyq название племени) и проч.

2. Имена по названию родственных и дружественных отношений: *Гирген* (<монг. kürgen ~ kirgen зять); *Тарх* ~ *Тарг* (<taguγ кровный родственник, единокровный); *Тетня* ~ *Тетий* (<tete ~ tetä последующий, следующий, младший (брат)); *Белдюз* ~ *Вельдюз* (<baldyz свояк, свойственник); *Отрак* ~ *Отрок* ~ *Атрак* (<ortaγ товарищ, приятель); *Кюнячюк* (<küni друг + аффикс -sük > künisük дружок); *Улан* ~ *Улен* ~ *Влан* (<oγlan сын > юноша, царевич) и проч.

3. Имена по титулам: *Бердебек* <berdi он дал + bek господин > berdi bek дал бек; *Тольбек* (<toly полный + bek господин, бек); *ЕльБег** (<el чужой + bek бек).

4. Имена, связанные с фауной (животными, птица-

* Здесь и далее буква *Е* поставлена вместо буквы «ять».

ми и проч., возможно, имя тотема). Особенно почетными у половцев и других тюркских племен, а также у монголов считались имена, связанные с названиями и кличками собак: их присваивали многим половецким князьям. Например: *Кобяк* (<köbek ~ köpāk крупная собака), *Барак* (<baraq название и кличка мохнатой большой собаки); *Кочий* ~ *Кчий* (<küciük щенок); *Боняк* ~ *Бонякович* (<bojnu aq его шея белая> Белешейка — распространенная среди тюркских народов кличка собак); *Дулен* (<tüläh породистая собака). Много собственных имен у половцев связано с названиями овцы, козы и верблюда: *Тоглый* ~ *Тавлый* ~ *Толгый* ~ *Туглый* (<toylу трехмесячный ягненок, овца); *Гзак* ~ *Къза* ~ *Хоз* ~ *Кза* ~ *Гза*, а также *Козл Сотанович* (<qozу ~ quzu ягненок, овца ~ знак зодиака Овен); *Осолук* ~ *Оселук* ~ *Селук* ~ *Селелук* (<sayluq ~ sawluq овца); *Алак* (ulaq ~ ylaq козленок, только что родившийся); *Турундей* (<torun ~ turun, torun молодой верблюжонок + -daj афф. уподобления > torundaj как верблюжонок); *Колотан* ~ *Колотанович* (<qul раб + -atang верблюдо как символ силы и мужества).

Из других названий животных, послуживших именем собственным, отметим следующие: *Аксуна* (<öküz бык, вол + aby); *Аена* (<aju медведь + aby); *Горяс Ер* ~ *Горясер* (<gögöös антилопа + är муж); *Самогур* (<samur соболь); *Куря* (<kügäk бурундук); *Багубарс* ~ *Багъбарс* ~ *Бегъбарс* (<buуу bars со станом, с фигурой барса); *Сугр* (<suуиг ~ suwиг сурок); *Куртък* ~ *Курътык* (<qurt волк + -уq — уменьш. афф.); *Айдар* (<hajdar лев); *Аръсланана* (<arслан лев + aby).

Имена, в основе которых лежат названия птиц. Например: *Акуш* (<aq quş белый орел ~ лебедь); *Куман* ~ *Кунам* (quw лебедь + аффикс -man); *Аклан* (<aq белый lan сокол); *Турундай* (<turna журавль + -daj — афф. уподобления); *Тугортак* ~ *Тугортан* ~ *Тугорткан* (<toуirtaq ~ toуirtqu дятел); *Корязь Колотанович* (qogaz петух).

5. Имена, в основе которых лежат слова, обозначающие части тела: *Белдюз* ~ *Вельдюз* ~ *Авелдюз* ~ *Веледюз* (<beli талия, спина, стан + düz прямая, строй-

ная); *Белкатгин* ~ *Балкатгин* (<bel талия, стан+qat-ууп окрепший, крепкий>*Белкатгин* с крепким станом, с крепкой спиной); *Сантуз* (суп фигура, стан, рост+tüz стройный >супу түз обладающийстройной фигурой); *Коксусь* ~ *Кокусь* (<köküs ~ göküs грудь, сердце ~ köküslü храбрый); *Багубарс* ~ *Багъбарс* ~ *Бегъбарс* (<buq ~ buу стан+bars барс>buу bars со станом барса); *Котян Сутоевич* (<qotan прямая кишка); *Сокал* ~ *Искал* (<saqal борода); *Айдар* (<aj dar клочок волос на голове мальчика); *Гзак* (<gözi aq имеющий бельмо на глазу) и проч.

6. Имена, данные по названию материалов и различных предметов быта. По названию материалов: *Алтунопа* ~ *Олтунопа* (<altun золото+aba почтительное обращение); *Темир* (<temir железо); *Таш* (<tas камень); *Карлый* ~ *Карлыевич* (<qar снег+ly—афф. наличия >qar-ly снежный); *Сутой* ~ *Сутоевич* (<süt молоко+tej/töj—афф. уподобления >süt-töj подобный молоку >белейший); по названию воинских доспехов: *Колча* ~ *Колч* ~ *Колчко* (<qolcaq наручники, поручи кольчужные ~ quluc сабля); *Кончак* (<qongcaq кольчужные набедренники); *Тоглый* (<tuу знамя, бунчук, хвост на конце копья+ly/li—аффикс обладания >tuу-ly имеющий бунчук—знак власти); *Осолук* ~ *Селук* (<suuluq удила); *Костук* ~ *Костукович* (<köstek пути для лошадей); *Карабароглы* (<qara черный+börk шапка+афф. -ly/li>qara börkli имеющий черную шапку); *Бурджоглы* (<bardzaq цепь, веревка >bardzaqlу имеющий тамгу в виде цепи); по названию прочих предметов быта: *Акум* (oqum опора, балка, перекладина); *Дулен* (<düläb колесо ~ метафорично 'интрига, хитрость'); *Тарсук* (torsuq мешок для кумыса, воды).

7. К редким типам имен следует отнести имена, обозначающие небесные светила: *Аена* (<ai месяц+aba обращение к старшему) или *Кюнячук* ~ *Кунячук* (<künec ~ künes солнце+уменьш. афф. cük, күнесük

солнышко); растения: *Талец* (<tal ива, тальник+рус. суф. -ец >*Талец* пвушка; *Чемгура* (<самγur 1) река, 2) редька).

8. Значительное место среди половецких имен занимают имена, в основе которых лежат слова, обозначающие свойства человека, его пристрастие, профессию и прочее. Ср., например, имена, выражающие внешние признаки носителя имени: *Таз* (<taz плешивый, шелудивый); *Кобан* (<qorap высокий, большой, здоровый); *Куря* (<küräk ~ körek красота, красивый); *Съырчан* (<сарγан желтоватый, бледный); *Сотан* (<satap красивый, стройный); *Котян* (<kütän короткий, тонкий); имена, выражающие внутренние свойства человека: *Тирий* *Тирьевич* (<tiri живой, бодрый); *Емяк* (<умаq ласковый, заботливый); *Кюнячок* (<künjüci завистливый); *Дулел* (<dilbä глупый); *Обовл* (<abajly осторожный, осмотрительный); *Осолук* (<osuluq скромный, благо-разумный ~ <osal ~ usal ленивый).

Имена-призывы: *Осень* (<ös-sin пусть растет); *ГорясЕр* (<köriser встречаться); *Сокал ~ Искал* (<jük-säl возвышайся); *Ексн ~ Ексна* (<jaqsyn пусть будет приятным, пусть понравится ~ juqsyn пусть подвергнет разрушению); *Елтут* (<el tut правь, управляй (народом), поддержи рукой).

В заключение остановимся на некоторых продуктивных способах словообразования, характерных для половецких имен. Как и в современных тюркских языках, наиболее продуктивными в образовании собственных половецких имен являются два основных структурных типа моделей: аналитический и синтетический.

Приведем следующие наиболее распространенные структурные модели аналитического типа:

1. Простейшие детерминативные определительные словосочетания *Акочай* (<aq uca белая спина); *Акуш* (<aq quš лебедь ~ белый орел); *Карабароглы* (<qara bōrkli имеющий черную шапку); *Токсоба* (<toquz оба девять родов).

2. Определение-приложение: *Алтунопа* (<altun золото+aba почтительное обращение); *Аръсланопа*

(<arɣslan лев+aba); *Бердебек* (<berdi он дал+бек господин).

3. Особый тип притяжательного словосочетания: *Белдюз* (<beli dūz его спина, его талия прямая ~ имеющий прямую, тонкую талию, имеющий стройную фигуру); *Боняк* (<bojny aq имеющий белую шею ~ Белошейка (кличка собак)); *Асадук* (<esi odiq бодрствующий, внимательный); *Гзак* (<gōzi aq имеющий бельмо на глазу); *Сурьбар* (<sūgi bar имеющий красивый вид) и т. п..

4. Глагольные словосочетания: *Белкатгин* (<bel qatuyun укрепи спину, будь с крепкой спиной); *Елтут* (<el tut правь, управляй (народом), поддержи рукой).

К синтетическому структурному типу относятся модели а) именного и б) глагольного словообразования.

Модели именного словообразования — аффиксы:

-cy/ci: *Овчин* (<aw-cy охотник+рус. суф. -ин);

Колдечи (<golday-cy оказывающий защиту);

-ly/-li: *Тоглый* (<tuγ знамя, бунчук, хвост на конце копья (знак власти)+-ly >tuγly имеющий бунчук);

Анджоглы (<an dzaq-ly те, кто по ту сторону); *Бур-*

джоглы (<bur(a) dzaq-ly те, кто по эту сторону);

Карлый (<qar-ly снежный);

-suz/-süz: *Коксусь* (<kōk-süz не имеющий рода, безродный);

-lyq/-lik: *Беглюк* (<berk-lik крепость, крепкий);

Осолук (<osal ~ usal + -lyq леность, ленивый);

-saq/-sek: *Кончак* (<qoŋ-saq кольчужные наколенники, кольчужные набедренники); *Колчко* (<qol-saq кольчужные поручи);

ciq/-cük: *Кюнячюк* (<küni-cük дружок); *Саимьчюга* (<sajma почитание, почитаемый+ciq ласк. афф.);

-taj/-tej: *Сугой* (<süt-tej подобный молоку, чистый, честный); *Торундай* (<turpa-daj подобный журавлю ~ toɣun-daj подобный верблюжонку).

Модели глагольного словообразования — аффиксы:

uɣ/-üɣ — причастия будущего времени: *Татур* (<tat-ur дающий вкушать, пробовать);

-mys/mus — причастия настоящего-прошедшего времени: *Бокмиш* (<baq-mys смотрящий, пасущий);

-ys/-is глагольного масдара (имени действия); *Бо-луш* (<bol-us помощь); *Улаш, Улашевичи* (<üläs ~ ulas доля);

-yup/-gin ~ /-qun/-kin — отглагольного имени: *Бел-катгин* (<bel qatqun спина, талия крепкая ~ имеющий крепкую спину); *Гиргенъ* (<kiġ-gin достигнувший цели);

syn/-sin — повелительной формы третьего лица: *Осень* (<ös-sin пусть растет); *Ексн* (<jyk-syn пусть подвергнет разрушению ~ jaq-syn пусть будет приятным, пусть поправится);

-dy/-di — форма прошедшего времени: *Бастий* (<bas-ty он победил, он покорил); *Берендей* (<ber-in-di он подчинился).

Другие словообразовательные модели единичны.

Таким образом, в структурном отношении половецкие собственные имена не имеют значительных отклонений от собственных имен в современных тюркских языках.

Глоссарий половецких собственных имен и названий племен с их этимологиями и указаниями на источники

В этот краткий этимологический словарь вошли все упомянутые в данной статье половецкие собственные имена, а также семейно-родовые и родоплеменные названия. Каждая словарная статья включает: 1) собственное имя со всеми встречающимися в русских летописях вариантами; 2) краткие сведения о данном имени или названии и их отношении к другим именам и названиям; 3) год упоминания в летописях данного имени или названия; 4) ссылку на соответствующие летописи по ПСРЛ; 5) имеющиеся этимологии, существовавшие до настоящего времени; 6) новые возможные этимологии, отмеченные арабскими цифрами 1, 2, 3, и т. д., если их несколько.

Транскрипция общепринятая, на основе латинского алфавита.

Сокращения использованной литературы

АЗ — *Zajaczkowski A.* Związki jezykowe polowiecko-slowianskie. Wrocław, 1949.

БР — *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

ГФД — *Федоров-Давыдов Г.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

ИБ — *Березин И. Н.* Первое нашествие монголов на Русь. — Журнал Мин-ва народного просвещения, 1853, т. 79.

ИД — *Добродомов И. Г.* История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке: (Дис. ... канд. филол. наук).

КГ — *Gronbech K.* Kommanisches Wörterbuch: Tur-kischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942.

ККРС — Каракалпакско-русский словарь/Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1958.

КМ — *Menges K. H.* The Oriental elements in the Vocabulary of the oldest Russian epos «The Igor's Tale». — Supplement to «Word», Vol 7, December, 1951, New York.

КРС — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965.

ЛБ, I, II — *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. т. 1, Спб., 1869; т. 2, Спб., 1871.

МК, I, II, III — *Кошгарий Махмуд.* Девону — Лугот-ит-Турк: Т. 1—3. Тошкент, т. 1, 1960; т. 2, 1961; т. 3, 1963.

МРС — Монгольско-русский словарь/Под ред. А. Лув-сандэндэва. М., 1957.

НБ I — *Баскаков Н. А.* К этимологии половецких собственных имен в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Проблемы истории и диалектологии. М., 1971.

НБ II — *Baskakov N. A.* Über die Herkunft des ethnonyms «baskir». — Tranctata Altaica. Denis Sinor Se-xagenario... dedicata. Wiesbaden, 1976, S. 51—58.

НРС — Ногайско-русский словарь/Под ред. Н. А. Бас-какова. М., 1963.

ОРС — *Баскаков Н. А., Тоцакова Т. М.* Ойротско-русский словарь. М., 1947.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей: Т. 1—10. М., 1962—1970.

Р, I, II, III, IV — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Спб., т. 1, 1893; т. 2, 1899; т. 3, 1905; т. 4, 1911.

СК VIII — *Расовский Д. А.* Половцы. — *Seminarium Kondacovianum*. Praha, VII, 1935, VIII, 1936.

Аепа сын Гиргеня (Акаепид), по другим источникам сын Асиня, 1107; ПСРЛ I, 250, 282, 283; IX, 141; ГФД, 226; АЗ <ај месяц+ова род, племя; ИД <ај месяц+ара дядя;

1) <аја ~ еје ~ іје господин (ЛБ, I, 173) + ара почтительное обращение к старшим <дядя со стороны отца; ср. Аір-Аја собственное имя (МК, III, 226),

2) <ају медведь (КГ, 33) + абу имя собственное (МК, I, 114),

3) <аја господин + абу,

4) <ају медведь + ара > ај(у) ара.

Азгулуй 1086; ПСРЛ, I, 250; ГФД, 225; ИД <аз ма-ло + күлүк герой (МК, I, 60);

<азуу ~ азуу клык + лу обладающий клыками.

Айдар, 1168; ПСРЛ, IX, 236; ГФД, 225;

1) <ајдар клочок волос на макушке мальчика (ЛБ, I, 183); ср. ајдар хап Астрахань (ЛБ, I, 183),

2) <ајдар лев (ЛБ, I, 523).

Аисуна ~ Асун ~ Аксуна 1103; ПСРЛ, I, 279; II, 255; IX, 139; ГФД, 224;

1) *Аисуна* <ајаз ясный (ЛБ, I, 173, 179) + ара,

2) *Аксуна* <өкүз бык, вол (ЛБ, I, 145) + ара,

3) *Аксуна* <оғуз простой, грубый, невежа, глупый; имя собств. монгольского хана — Оғуз (ЛБ, 142) + ара,

4) *Аксуна* <ақус благословение (ЛБ, I, 70, 84) + ара,

5) *Асун* <асов помощь (КГ, 42).

Аклан Бурчевич из донецких половцев, 1111; ПСРЛ, I, 250; ГФД, 226; ИД <ақ белый + апа сокол; ср. апа сокольник (Р, III, 733);

1) <ақ белый, чистый, честный + апа достигнувший чистоты, честности (ЛБ, I, 152, 153),

2) <ақ белый, честный + ұлап ~ оулап юноша.

Акочай (<Акочаевич), Бегбарс Акочаевич, сын Акума, 1090 из лукоморских половцев; ПСРЛ, II, 671; ГФД, 226;

1) <оқису чтец, читающий (ЛБ, I, 144),

2) ақ белый + иса ^vспина > ақ иса белая ^vспина > кличка собаки; ср. *Боняк* <војну ақ белошейка.

Акум отец Бегбарса Акочаевича (см. Акочай) и Асиня ~ Осеня, дед Аепы из лукоморских половцев, 1090; ПСРЛ, II, 671; ГФД, 226;

1) <ökit ~ йkit громадный (ЛБ, I, 146); ср. ökit куча (МК, I, 103, 105),

2) <оқит опора ~ балка, перекладина (МК, I, 73); ср. туркм. öge опора > имя собств. мужское.

Акуш сын Акума из лукоморских половцев, 1190; ПСРЛ, II, 675; ГФД, 226;

1) <ақ белый + қис орел, птица > ақ(қ)ис ^vбелый орел (ЛБ, II, 81) ~ лебедь,

2) <ағус ^vблагословение (ЛБ, I, 84).

Алак, 1185; ПСРЛ, I, 396; X, 11; ГФД, 225; БР, 209;

1) <улақ ~ улау ~ ұлақ маленькая лошадь, козленок, только что родившийся (ЛБ, I, 152),

2) <олақ ^vнеискусный, ненаходчивый (ЛБ, I, 152).

Алтунопа ~ Олтунопа, 1099, 1103; ПСРЛ, I, 271, 279; II, 254, 255; IX, 135, 139; ГФД, 224; ИД <altun золото + ара дядя, отец;

<altun золото (КГ, 36) + ара почтительное обращение > дядя со стороны отца, отец.

Амурат, 1132; ПСРЛ, IX, 158; ГФД, 225;

1) <амурат дело, обязанность, долг (ЛБ, I, 92),

2) <амурат монг. мирный, спокойный, милый.

Анджоглы родовое объединение половцев; ГФД, 149;

1) <ап указат. местоимение, употребляющееся только в сочетании с падежной или какой-либо ^vиной формой слова в значении 'тот' + dзақ сторона > andзақ по ту сторону + -ly — аффикс отношения и обладания > andзақly тот, кто по ту сторону, находящийся по ту сторону; ср. *Бурджоглы*.

2) <andzaq^v отдельный, отдельно, один сам по себе (Р, I, 242) + афф. -ly> andzaqlu^v относящийся к отдельному, особому роду.

Ар̄сланпа ~ **Яросла^vнопа**, 1103; ПСРЛ, I, 279; II, 255; IX, 139; ср. рус. Еруслан, Руслан, Ярослав (?); ИД <aryslān лев + ара дядя;

<arslān лев (КГ, 40) + ара почтительное обращение к старшему.

Асадук, 1078; ПСРЛ, I, 248; ГФД, 224;

<āsī ~ esī его разум, память, сознание (Р, I, 870) + odiq бодрствующий, внимательный (Р, I, 1125).

Асинь ~ **Осень** брат Бегубарса и Сакзя из днепровских половцев, отец Аепы, 1090; ПСРЛ, I, 249; ГФД, 226; ИД <āsān здоровый;

<ös- расти, вырастать + афф. повелит. формы 3-го л. -sin> ös-sin пусть растет (КГ, 184).

Асуп см. Аисупа.

Атрак см. Отрак.

Атракович см. Отрак.

Багубарс ~ **Баг̄барс** ~ **Бег̄барс** Акочаевич, сын Акума, брат Асиня, из днепровских половцев, к которым относились Багубарс, (~ Баг̄барс ~ Бег̄барс), Асинь (~ Осень), Аепа, Кобяк Карлыевич (ГФД, 226), 1090; ПСРЛ, II, 671; ИД <baq̄ холм + bars барс> барс, живущий в холмах;

<buq̄ ~ buḡ корпус, стан (ЛБ, I, 261) + афф. 3-го л. -y/-i> buḡ-y + bars тигр, барс (ЛБ, I, 222) buḡy bars имеющий стан барса.

Балкатгин см. Белькатгин.

Барак, 1185; ПСРЛ, I, 395; II, 632; X, 11; ГФД, 225; БР, 209;

<baqaḡ лохматая собака (ЛБ, I, 359).

Бастий, 1171, 1223; ПСРЛ, II, 741; X, 90; ГФД, 226;

<bas- побеждать, подавлять, нападать (ЛБ, I, 229) + афф. прош. времени -dy/-ty> bas-ty он победил, покорил; ср. bas-dy овладел, покорил (МК, II, 17); bas давить (КГ, 51, 52) > bas-ty > рус. *Бастий* победивший.

Башк̄рт, 1159, 1185; ПСРЛ, I, 395; II, 501; IX, 213; X, 11; ГФД, 225; БР, 209; АЗ <назв. племени баш-

кир <bas qurt волк-вожак;

<badza^v свояк+Oyur Oyur, название болгарского племени>badz(a) (o)yyur>башкир; *Башкърт* — собств. имя по назв. племени (НБ, II, 51—58); ср. basyyrt^v (МК, I, 64).

Беглюк ~ Билюк ~ Белук (<Билюкович), отец Гзака, 1169, 1185, 1193; ПСРЛ, II, 641, 632, 675, 532;

<bek<berk крепкий (КГ, 56) +аффикс -lyq/-lik>beklik крепость, твердость, крепкий, твердый (ЛБ, I, 302).

Бегъбарс см. Багубарс.

Белдюз ~ Вельдюз ~ Авельдюз ~ Веледюз; ПСРЛ, I, 279; II, 255; IX, 139; ГФД, 225; ИД <bil-düz дай знать, уведошь;

1) <bel талия, поясница, стан+афф. принадлежности 3-го л. -y/-i>bel-i его стан+düz прямой, стройный>bel-i düz имеющий тонкую талию, стройный; ср. bel талия (КГ, 55), düz прямой (ЛБ, I, 571),

2) <baldyz свояк (МК, I, 426).

Белкатгин ~ Балкатгин, 1086; ПСРЛ, I, 248; ИД <bilge tegin мудрый принц;

<bel талия, спина, поясница, стан (КГ, 55)+qat-твердеть, загрузеть (ЛБ, II, 5)+афф., образующий прилагательное от глагола -yup/gin>-qat-qup крепкий, твердый, загрузелый>bel-i qat-yup с крепким станом, спиной (телосложением).

Белук см. Беглюк.

Бердаша, 1152; ПСРЛ, IX, 195; ГФД, 225;

<ber- давать+афф., образующий форму прош. времени глагола -dy>ber-di он дал; ср. туркм. собств. муж. имя Berdi<(Alla~Xudaj)berdi в половецком (Tengri) Berdi (КГ, 241)+частица, образующая ласк. форму <Berdi^v-sa>Berdi-sa в русской адаптации Бердаша.

Бердебек, 1155; ПСРЛ, IX, 200; ГФД, 225;

<berdi<(Tengri)berdi бог дал+bek господин>Berdi bek>рус. *Бердебек*.

Билюк см. Беглюк.

Бокмиш, брат Тоглыя, 1183; ПСРЛ, II, 632; ГФД, 225; БР, 209;

<baq- смотреть, пасти скот+афф. причастия прош.

времени -mys>bag-mys смотревший, смотрящий, пасущий, ср. bah-mys (КГ, 49).

Болуш, 1504; ПСРЛ, I, 162; II, 152; IX, 91; ГФД, 224; БР 209; ИД <bülüs разорение; АЗ <bolus помощник; <bolus помощь; ср. bolus Hilfe (КГ, 64); ~bolus оказывающий помощь (МК, I, 348).

Боняк, отец Севенча, предводитель днепровских половцев — Боняк Шелудивый, в византийских летописях Maniak 1090; ПСРЛ, II, 646; ГФД, 224; ИД <bänäk родимое пятно;

1) <bojun ~ тоjun шея (КГ, 63) + афф. принадлежности 3-го л. -у>voj(u)n-y ~ тоj(u)n-y его шея + аф белый>vojny ~ тоjny аф его шея белая, белошей>белошейка — распространенная у тюрков кличка собаки Воjn(y) аф ~ Моjn(y) аф, в русской адаптации **Боняк** (НБ, I),

2) <vojnaq ящерица (МК, III, 190).

Бонякович см. Боняк.

Бурджоглы ~ Бурлы ~ Бурчевич ~ Бурнович — родовое объединение донецких половцев, к которому относятся: Акълан, Беглюк, Гзак, Осолук и др., 1127, 1169, 1185, 1193; ПСРЛ, II, 641, 675, 632, 532; ГФД, 218, 226, 149; БР, 251;

1) <buga указат. местоимение, употребляющееся только в сочетании с падежной или какой-либо иной формой слова в значении 'этот, здесь, по эту сторону' (ЛБ, I, 271) + dzaq сторона, бок>bur(a)dzaq по эту сторону; ср. burdzaq здесь (Р, IV, 1820) + афф. обладания или отношения -ly/-li>bur(a)dzaqly те, кто находятся по эту сторону, находящиеся по эту сторону; ср. противоположное по своему значению родовое объединение **анджоглы**,

2) <burdzaq град (КГ, 69), чечевича (ЛБ, I, 252) бобы, четки (ЛБ, I, 275) + афф. обладания -ly/-li>burdzaqly ~ burcaqly имеющий четки, бобы ~ обладающий тамгой в виде боба,

3) бүгсек кудри, локоны (ЛБ, I, 252) + аффикс обладания -ly/li > бүгсек-ли имеющий кудри, локоны,

4) <bardzaq цепь, веревка + афф. -ly/-li > bardzaq-ly имеющий цепь (ЛБ, I, 251) > обладающий тамгой в виде цепочки.

Бурлы см. Бурджоглы.

Бурнович см. Бурджоглы.

Буревич см. Бурджоглы.

Бякоба ~ **Бякоб**, 1180; ПСРЛ, II, 623; ГФД, 155;

<bek < berk крепкий (КГ, 56) + ара дядя по отцу bek оба > бекоба ~ бякоба. Возможно, что бякоба является общим названием рода с Беглюк ~ Белюк ~ Билюк, в последних вариантах вм. оба дан тюркский собирательный аффикс -lyq/-lik; ср. Беглюк.

Бяндюк, 1102; ИД < bāng родимое пятно + афф. -dük > bāng-dük имеющий родимое пятно.

Влан см. Улан.

Гзак ~ **Къза** ~ **Хоз** ~ **Коза** ~ **Гза** ~ **Изай** Билюкович, из рода Бурчевичей ~ Бурновичей, отец Романа Кзича, 1169, 1185, 1193; ПСРЛ, II, 641, 675, 632, 532; ГФД, 226; БР, 99, 199;

1) < qozy ягненок (НБ, 1),

2) < göz-i aq (tüs-ken) имеющий бельмо (НБ, 1).

Гиргень, отец Аепы, 1107; ПСРЛ, I, 283; II, 259; ГФД, 225; ИД < girgin ласковый, вкрадчивый, дерзкий (Р, II, 1621);

1) < kirγun достигнувший цели, тот, кто должен достигнуть цели (Р, II, 1361),

2) < kürgen зять (ЛБ, II, 149).

Горяс Ер ~ **Горясер**, убийца Глеба, 1015; Повесть временных лет. М., 1950, ч. 2; ИД < kārāsir чудовищепленник ~ плененный зверь;

1) < монг. gōgōs антилопа (МРС, 123) + āg мужчина,

2) < kōg- видеть + частица-аффикс, образующая причастие долженствовательного наклонения будущего времени -ser > kōg-i-ser долженствующий видеть; ср. gi-di-ser долженствующий уйти (ЛБ, I, 623).

Джузан название родоплеменного объединения половцев; ГФД, 149;

<dzüz сто (ЛБ, II, 374) + рус. суф. -ан, мн. ч. -ане> dzüz + ан в русской адаптации *Джузан*; ср. алт. назв. рода djüs сто, сотники (ОРС, 216).

Дулеп, 1152; ПСРЛ, IX, 195; ГФД, 225;

1) <düläb азерб. колесо, метафорич. интрига, хитрость (ЛБ, I, 573),

2) <tilbä ~ dilbä глупый (ЛБ, I, 421),

3) <tüläh породистая охотничья собака (ЛБ, I, 403).

Дурут — название родоплеменного объединения половцев (ГФД, 149);

<dürt четыре (ЛБ, I, 388); ср. Тертьтроба.

Ексн ~ Ексна, 1185; ПСРЛ, I, 395; X, 11; ГФД, 225; БР, 209;

1) <jaq- поправляться, быть приятным (ЛБ, II, 334) + аффикс, образующий повелит. форму глагола 3-го л. -syn> jaq-syn пусть будет приятным, пусть поправится,

2) <juq- разрушать, свалить (ЛБ, II, 358) + аффикс -syn> juq-syn пусть подвергнет разрушению.

ЕльбЕг ~ ЕльбЕх ~ Ольбек Ратиборич, сын русского боярина, 1095, БР, 110; ИД <el страна + bek князь, господин> el bek князь страны;

1) <jelpek ~ jelrik злой дух (МК, III, 54),

2) <el ~ il чужой, другой, иностранец (ЛБ, I, 204) + bek бек, господин > el bek чужой бек.

Елтут ~ Елтук (Елтукович) Атракович, брат Кончака, сын Отрака, 1185; ПСРЛ, II, 623; ГФД, 218; БР, 155;

<el народ, рука (КГ, 86) + tut- держать, править> el tut правь, управляй (народом) ~ поддержи рукой.

Емгазя, 1107; ПСРЛ, IX, 170; ГФД, 225; v

<jem пища, кушание (МК, III, 158) + godza хозяин, господин (КГ, 198).

Емяк, 1184, 1185; ПСРЛ, I, 389; X, 9; ГФД, 225; АЗ <название племени кыпчаков Jemäk;

1) <утаq ласковый (Р, I, 1403),

2) <emäk забота, попечение (ЛБ, I, 93).

Етебичи — назв. родоплеменного объединения половцев, 1185; ГФД, 149; БР, 251, 252;

- 1) <jeti семь+оба род>ieti оба семь родов;
- 2) <jeti семь+ара обращение к старшему>jeti ара; ср. Иета, Итылый, ЧитЕй, Итларь.

Изай Билюкович см. Гзак.

Искал см. Сокал.

Иета — назв. родоплеменного объединения половцев, 1185; ПСРЛ, II, 501; ГФД, 149; БР, 251;

<jeti~jetti семь> рус. *Иета* племя, состоящее из семи различных родов; ср. ЧитЕй, Итлый, Итларь, Етебичи.

Итлар см. Итларь.

Итларь ~ **Итлар** ~ **Итларева чадь**, 1095; ПСРЛ, I, 227; II, 217; IX, 123, 124; ГФД, 224; АЗ <ijt собака+афф. мн. ч. -lär>ijtlär собаки;

1) <Itil är<Itil Волга+är муж, мужчина<Itil är волжанин.

2) <jeti~jiti~jetti семь+афф. мн. ч. -lär>jiti-lär относящиеся к племени, состоящем из семи родов; ср. Етебичи, Иета, Итылый, ЧитЕй.

Итылый из лукоморских половцев, 1193; ПСРЛ, II, 675; ГФД, 226;

1) <jeti~jetti семь (КГ, 123)+афф. обладания и отношения -ly/-li>jeti-li — относящийся к племени Семь родов,

2) <jeti~jetti семь+афф. отвлеченного понятия lik<jeti-lik семерка, семеро>рус. *Итылый* относящийся к племени Семь родов; ср. ЧитЕй, Иета, Итларь, Етебичи.

Кангароглы см. Кануоглы.

Кануоглы ~ **Кангароглы** назв. родоплеменного объединения половцев (ГФД, 149);

<Qangly назв. племени (ЛБ, II, 28); ср. Qangly имя собств. мужское (МК, III, 389).

Карабароглы назв. родоплеменного объединения половцев (ГФД, 149);

<qara bögkli имеющий черную шапку — назв. рода, встречающиеся у кыпчаков и огузов.

Карлыевич см. Карлый.

Карлый ~ **Карлыевич**, Кобяк Карлыевич, из днепровских половцев, 1170, 1183, 1186; ПСРЛ, I, 395; II, 632; ГФД, 226; БР, 99, 209;

1) <qar снег+афф. обладания -ly<qar-ly снежный,

2) <Qarlıq назв. рода карлуков.

Кза см. Гзак.

Кзич см. Гзак.

Китанопа ~ Кытанопа ~ Китян ~ Котян, 1103, 1095; ПСРЛ, I, 227, 279; II, 217, 255; IX, 123, 124, 139; ГФД, 224, 225; АЗ <Kitan ~ Kitaj ~ Kidan кидане, назв. племени монголов+оба род, племя;

1) <kötän большая, толстая прямая кишка (Р, II, 1276)+ара почтительное обращение, дядя по отцу,

2) <qutang благословение; ср. qutangdu peng словенная вещь (МК, II, 345)+ара.

Кобан брат Колдечи, сын Урусобы, 1190; ПСРЛ, II, 671; ГФД, 226;

1) <qоpaн джаг. великий, высокий, победоносный, большой, здоровый (Р, II, 652),

2) <qabaп кабан, свинья; герой, витязь (Р, II, 439); ср. Qabaп имя собств. мужское (МК, I, 392).

Кобяк Карлыевич, отец Даниила, из днепровских половцев, 1170, 1183, 1186; ПСРЛ, I, 395; II, 632; ГФД, 226; БР, 99, 209;

<köpek ~ köbek большая собака (ЛБ, II, 142); ср. Барак, Боняк; см. Карлый.

Козл Сотанович, 1180; ПСРЛ, II, 623; ГФД, 225; БР, 155;

1) <qozy ~ quzy ягненок, овца ~ Овен, знак зодиака (КГ, 202; ЛБ, II, 80; МК, III, 243)+афф. обладания -ly/-li>qozy-ly имеющий ягненка, овцу ~ родившийся под знаком зодиака Овен,

2) <qozyl присоединяйся (ЛБ, II, 411),

3) <quzyl красный, золотой (ЛБ, II, 55),

4) <qazal деревянный молот (ЛБ, II, 54).

Коксусь ~ Кокусь; ПСРЛ, I, 250; ГФД, 226; АЗ <kök корень, основа, род+афф. отрицания -süz>kök-süz без роду;

1) <köküs ~ kögüs грудь, сердце (КГ, 150; ЛБ, II, 159)+афф. обладания -ly ~ sy>köküs-si хладнокровный, храбрый (ЛБ, II, 159),

2) <köksük синеватый (ЛБ, II, 157).

Кокусь см. Коксусь.

Колдечи сын Урусобы, 1190; ПСРЛ, II, 671; ГФД, 225;

1) <qolda- защищать, оказать защиту, помощь,

взять за руку + сложный афф., состоящий из афф., образующего масдарную форму глагола и афф. профессии
-(γ)су > qol-da-(γ)-су оказывающий защиту, помощь
(ЛБ, II, 88),

2) <qoldasu нищий (МК, I, 394).

Колоба см. Клоба ~ Кулоба.

Колобичи см. Кулоба.

Колотан (<Колотанович), Корязь Колотанович;
ПСРЛ, II, 632; ГФД, 225; БР, 209;

1) <qul ata=qul aba <qul раб + ата ~ аба отец, почтительное обращение >qul ata>рус. **Колотан**,

2) <qul раб + atang верблюд как символ силы >рус.
Колотан.

Колотанович см. Колотан

Колч см. Колча.

Колча ~ **Колч** ~ **Колчко**, 1097, княжеский отрок;

ПСРЛ, I, 62; ИД <külçä сопоставляет с топонимом
Кульджа в Восточном Туркестане;

1) <qołosqa тур. насадка (ЛБ, II, 91),

2) <qoldza ~ qolca красивый (ЛБ, II, 91),

3) <qolcaq тур. наручники, поручи кольчужные;
ср. qongcaq (НБ, I),

4) <quлус сабля, шпага (ЛБ, II, 62) собств. имя у
народов Средней Азии; ср. Quлус мужское имя (МК,
I, 340).

Колчко см. Колча.

Кончак Отракович, тесть Владимира Игоревича, внук
Шароканя, 1185, 1172, 1203, глава донецких половцев;
ПСРЛ, II, 623; ГФД, 224; БР, 100, 212, 250, 251 и др.;

<qongcaq кольчужные набедренники и наколенники
(НБ, I).

Корязь Колотанович, 1183; ПСРЛ, II, 632; ГФД,
225; БР, 209;

1) <kögäs ~ kögäs знакомый человек, с которым
часто видятся, приятель; ср. рус. вульг. **кореш** (ЛБ, II,
150),

2) <qogaz петух (ЛБ, II, 74).

Костук (<Костукович), Обовл Костукович, 1183; ПСРЛ, II, 663; ГФД, 225;

1) <köstek ~ köstök пути для лошадей (ЛБ, II, 155),

2) <küstäh перс. дерзкий (ЛБ, II, 128).

Котяк ~ Котян Сутоевич, 1202, 1223; ПСРЛ, I, 505; II, 544, 741; X, 89, 90; ГФД, 149, 226;

1) <kütäh ~ kütäk перс. короткий, малорослый (ЛБ, II, 144),

2) <kötek ~ kötäk дерево с корнем, чурбан (ЛБ, II, 144),

3) <kötän ~ köten большая, прямая кишка (ЛБ, II, 144); ср. Qotan Котан — мужское собственное имя (МК, I, 392).

Котян см. Китанопа.

Кочий см. Кчий.

Кулоба (<Кулобичи (~ Колоба) <Колобичи), из донецких половцев, Садвак Кулобич, 1183, 1185; ГФД, 226; БР, 250; АЗ <qutlu счастливый + aba род;

1) <qul раб (КГ, 202) + aba обращение к старшим <qul aba> рус. *Кулоба*,

2) <qula полный, целый, весь (КГ, 202) + aba.

Кулобичи см. Кулоба.

Куман ~ Кунам, 1103; ПСРЛ, I, 279; II, 255; IX, 139; ГФД, 225; АЗ, ИД <qıman самоназвание племени половцев <желтый, бледный;

<qıman половец <qıw лебедь + афф. -man.

Кунам см. Куман.

Кунуй, 1096; Повесть временных лет; ИД: <qoııq гость (q > j);

<künü друг, приятель (КГ, 159).

Кунячюк см. Кюнячюк.

Куртък ~ Курътык, 1103; ПСРЛ, I, 279; II, 255; IX, 139; ГФД, 225; АЗ: 1) <qurtqa старая женщина,

2) qurqta сорок; ИД: 1) <qoııq название печенежского племени, 2) <qurt червяк + афф. уменьш. формы -uq > qurtyq червячок;

1) <qurt волк (КГ, 204; ЛБ, II, 74) + афф. уменьш. формы -uq > qurtyq волчонок,

2) <qurtyq жила у барана (ЛБ, II, 75).

Куррътык см. Куртък.

Куря, 1096; ПСРЛ, II, 221; ГФД, 224;

1) <kügäk ~ körek красивая фигура, красота (ЛБ, II, 148),

2) <kügäk ~ kögük бурундук (ЛБ, II, 152).

Кочий см. Кчий.

Кчий ~ **Кочий**, 1103; ПСРЛ, I, 279; II, 225; IX, 139; ГФД, 225;

1) <kicī маленький, небольшой, молодой (ЛБ, II, 174),

2) <küsük щенок (ЛБ, II, 146).

Къза см. Гзак.

Кытан см. Китаноба.

Кунячюк см. Кюнячюк.

Кюнячюк ~ **Кунячюк** (Богатый), сын Кончака(?), 1180; ПСРЛ, II, 623; ГФД, 225; БР, 155;

1) <küni друг, приятель, приятельница (КГ, 159) + афф. ласк. формы -sük > künisük дружок,

2) <künisü(k) завистливый (КГ, 159),

3) <künes ~ künes солнце + афф. -sük > künes-sük солнышко (ЛБ, II, 165).

Лутичи см. Улучичи.

Обовл Костукович, 1183; ПСРЛ, II, 633; ГФД, 225;

1) <abajly осторожный, осмотрительный (ЛБ, I, 3),

2) <oba войлочная кибитка (ЛБ, I, 107) + афф. обладания -ly > oba-ly имеющий кибитку кочевник,

3) <abaw восклицание, выражающее боль, страх + афф. обладания -ly > abaw-ly (ЛБ, I, 3),

4) <oba1 ног. большая семья (НБ, 1963) + афф. обладания -ly > oba1-ly имеющий большую семью.

Овчин ~ **Овчина**, 1086; ПСРЛ, I, 250; ГФД, 224;

<aw охота + афф. профессии -су > aw-су охотник + рус. суффиксы -ин ~ -ина.

Овчина см. Овчин.

Олтунопа см. Алтунопа.

Ольбек см. Ельбег.

Оселук см. Осолук.

Осень см. Асинь.

Оснев см. Асинь.

Осолук ~ **Оселук** ~ **Селук** ~ **Селелук**, 1127, 1183,

1185, 1193; ПСРЛ, I, 296, 395; II, 291, 675, 632; IX, 154; X, 11; ГФД, 226; БР, 209;

1) <osuluq благоразумный, скромный (ЛБ, I, 139),

2) <osal ~ usal ленивый (КГ, 179) + афф. -lyq >osal-lyq лень, лень,

3) <syjly ~ syjlyq честный, почтенный (ЛБ, I, 716),

4) <suuluq удила (ЛБ, I, 714),

5) <saylyq ~ sawlyq овца (ЛБ, I, 694).

Отперлю (<Отперлюевичи); ГФД, 218;

<öptür- заставить целовать, почитать, расцеловать >собств. мужское имя >назв. родового объединения по собств. имени основателя рода Ötrür + афф. обладания и отношения -lū >Ötrür-lū относящийся к родовому объединению Ötrür + ара обращение к старшему >Ötrürlü ара >рус. *Отперлюевичи*.

Отперлюевичи см. Отперлю.

Отрак ~ Отрок ~ Атрак сын Шаруканя, 1068, 1107; ПСРЛ, II, 716; ГФД, 224; АЗ <artuq лучший, высший (СК VIII);

1) <ortaқ товарищ, приятель (КГ, 179),

2) <otraқ стан, стоянка, становище ~ задница (ЛБ, I, 113).

Отракович см. Отрак.

Отрок см. Отрак.

Русоба см. Урусоба.

Саимчуга см. Саимьчюга.

Саимьчюга, 1147; ПСРЛ, IX, 173, ГФД, 225;

<saj- почитать, уважать + афф., образующий отглагольное имя -та >saj-та почитание, уважение, почитаемый, уважаемый >собств. имя + афф. уменьш.-ласк. формы -су >saj-та-су >рус. *Саимьчюга*.

Сакзь, брат Багубарса, 1086; ПСРЛ, I, 249; ГФД, 224; ИД <sägiz восемь;

<sekiz восемь (КГ, 216; МК, I, 345).

Саксин название родоплеменного объединения половец; 1086; ПСРЛ, I, 249;

1) <säkiz восемь + рус. суф. -ин >*Саксин*,

2) <säksän восемьдесят.

Самогур, 1202; ПСРЛ, II, 717; ГФД, 226;

<samur ~ samur соболь (Р, IV, 434).

Сангуз, 1160, 1180; ПСРЛ, II, 505;

1) <сан достоинство, честь (Р, IV, 296) + tüz оправдай (ЛБ, I, 391)> сан tüz оправдай свою честь,

2) <сун фигура, рост, стан (Р, IV, 628) + tüz прямой, ровный, стройный (ЛБ, I, 391)> сун(-y) tüz обладающий стройным станом, фигурой.

Сарчан см. Сърчан.

Саръчан см. Сърчан.

Саук, 1078; ПСРЛ, I, 248; ГФД, 224; ИД <ар. sawq. слава, уважение, развлечение, наслаждение;

1) <sawuq будь здоров, выздоравливай (ККРС, 568),

2) <sawuq ~ suwuq ~ sawux холодный (КГ, 216) <сау-уq ум, сознание (ДТС, 480).

Севенч сын Боняка, 1151; ПСРЛ, II, 432; ГФД, 224;

<sevünc (КГ, 219); sivinc (ЛБ, 652) радость, радостный.

Селелук см. Осолук.

Селук см. Осолук.

Сокал ~ Искал, 1061; ПСРЛ, I, 163; IX, 92; ГФД, 224; ИБ, ИД <saqal борода;

<juksal возвышайся (ЛБ, II, 380).

Сотан (<Сотанович), Козл Сотанович, 1180; ПСРЛ, II, 623; ГФД, 225; БР, 155;

1) <sotan(aq) непоседа, озорной (ККРС),

2) <südbn наружность, вид; имеющий красивую наружность (ЛБ, I, 642); ср. кирг. satang красивый, стройный,

3) <satun преданный (ЛБ, I, 683).

Сотанович см. Сотан.

Сугр, брат Шаруканя, 1107; ПСРЛ, I, 282; ГФД, 224; ИД <suγug сурок; ср. каз. suwug; уйг. suγug;

<suγ- ударять мечом + афф. причастия -ur> suγ-ur ударяющий мечом.

Суръбарь, 1103; ПСРЛ, I, 279; II, 255; IX, 139; ГФД, 224, 225; ИД <süg- кричать + афф. причастия отриц. формы с ротацизмом -mäg> süg-bäg некричащий;

1) <süg вид, наружность, образ + афф. принадлежности 3-го л. -i + баг имеющий, обладающий> süg-i баг имеющий, обладающий красивой наружностью (ЛБ, I, 642),

2) <süg гнать + афф. деепричастия -е и вспомог. глагол побуждения -ber> süg-e бер прогони, преследуй.

Сутой (<Сутоевич), Котян ~ Котяк Сутоевич, 1202, 1223; ПСРЛ, I, 505; II, 544, 741; X, 89, 90; ГФД, 226;

<süt молоко (КГ, 227) + афф. уподобления -täj>
süt-töj подобный молоку, как молоко, белейший;
ср. кирг. süt-töj ақ белый, кристально честный (КРС).

Сьдвак Кулобич, из донецких половцев, 1183; ПСРЛ, II, 632; ГФД, 226; БР, 209;

<перс. sadā ~ sade простой, скромный, невинный, простодушный (ЛБ, I, 612) + bāk> sād (ā) vak.

Сарчан см. Сърчан.

Сърчан ~ Сырчан ~ Сарчан ~ Саръчан, сын Шароканя, брат Отрака, дядя Кончака, 1068, 1107; ПСРЛ, II, 716; ГФД, 224; БР, 101;

1) <sarysan желтоватый, бледный (ЛБ, I, 685),

2) <surgang просимый (ЛБ, I, 707).

Таз, брат Боняка или прозвище Боняка: Боняк шелудивый, 1107; ИД <taz шелудивый;

<taz плешивый (МК, III, 162; КГ, 238).

Талець, убийца князя Бориса, 1015; ИД: <täl заложник + рус. окончание -ец> Талец;

1) <teli ~ täli безрассудный, глухой (КГ, 240) + рус. суф. -ц> талиц,

2) <tal ива + рус. ец> Талец.

Тарг см. Тарх.

Тарсук, 1185; ПСРЛ, I, 395; II, 632; X, 11; ГФД, 225; БР, 209;

<torsuq бурдюк, в который вливают воду, кумыс (ЛБ, I, 388).

Тарх ~ Тарг, 1184, 1185; ПСРЛ, I, 395; II, 632; X, 11; ГФД, 225;

1) <taryq кровный родственник, соплеменник (ЛБ, I, 332),

2) <taryu зерно (ЛБ, I, 354; МК, II, 354, 373).

Тарголове название рода по имени Тарх ~ Тарг <taryq-ly ~ taryu-ly.

Татур ~ Тотур, сын Кончака, 1180; ПСРЛ, II, 623; БР, 155;

1) <tatar татарин (КГ, 237),

2) <tatu союз, мир, мирный, согласный, любезный (ЛБ, I, 721) + äg муж, мужчина> tatu (ä) r > Татур,

3) <tat- пробовать на вкус, вкушать (ЛБ, I, 720)+афф. понудит. залога -ur>tat-ur- дать вкушать (КГ, 237)+афф. причастия -ur>tat-ur(-ur) дающий(и) вкушать (радость).

Таш, 1127; ПСРЛ, I, 296; ГФД, 225;

<tas камень (КГ, 236).

Темирь, 1152, 1155; ПСРЛ, IX, 68, 195; ГФД, 219, 225;

<temir железо, железный.

Тертъроба ~ Тортроба (<Тертъробич, Тортробич), 1185; БР, 250;

<tört четыре (КГ, 251)+urur род (КГ, 266)>tört urur четыре рода+oba племя, род>tört urur oba племя, состоящее из четырех родов.

Тертъробич ~ Тортробич см. Тертъроба.

Тетий см. Тетня.

Тетня ~ Тетий, 1185, ПСРЛ, I, 396; X, 11; ГФД, 225; БР, 209; АЗ <telig<tetij умный, расторопный;

<tete~tetä последующий, следующий (ЛБ, I, 413); teti inä родившийся вслед младший брат (ЛБ, I, 212)>**Тетня**.

Тирий (<Тирьевич), Глеб Тирьевич, 1185; ПСРЛ, I, 395; X, 11; ГФД, 225; БР, 209;

<tiri живой, бодрый (ЛБ, I, 352; КГ, 245); ср. tirov жизнь (КГ, 245); tiri bala живой, бодрый ребенок (ЛБ, I, 352).

Тирьевич см. Тирий.

Товлый см. Тоглый.

Тоглый ~ Товлый ~ Толгый ~ Туглый Давыдович брат Бокмиша, 1169, 1185; ПСРЛ, I, 361, 395; II, 632; X, 11; ГФД, 225; БР, 209;

1) <toylu трехмесячный ягненок, овца (ЛБ, I, 399),

2) <tuу знамя, бунчук, хвост на конце копья (ЛБ, I, 348)+афф. обладания -ly>tuу-ly имеющий бунчук, эмблему власти (ЛБ, I, 398).

Токсобичи см. Токсоба.

Токсоба ~ Токсобичи назв. родоплеменного объединения половцев (ГФД, 149, 218; БР, 250); АЗ <toqus~toquz девять+oba род, племя>toqus oba девять родов.

Толгый см. Тоглый.

Тольбок см. Тольбек.

Тольбек ~ Тольбок (<Тольбекович), Михаил Толь-

бекович, 1074; Лаврентьевская летопись; ИД <töl ново-рожденный+bek господин>töl bek> рус. *Тольбек*;

1) <toly полный+bek господин>toly bek>*Толыбек*; ср. *Толыбек, Толыбай* (ККРС, 776).

2) <telbek шапка (ККРС, 721),

3) <tilew желание+bek бек, господин>tilew bek
Тилеубек; ср. собств. имя *Тилеубек, Көптилеу* и проч.

4) <töle бууа теленок, бык.

Тольбекович см. *Тольбек*.

Томзак (<Томзакович), Ярополк Томзакович, 1190; ПСРЛ, II, 671; ГФД, 225;

<tumsaq неженка, белоручка; бодрый, бойкий (ККРС, 765).

Тортробич см. *Тертъроба*.

Туглый см. *Тоглый*.

Тугоркан см. *Тугортак*.

Тугортак ~ **Тугоркан** ~ **Тугорткан**, византийская транскрипция — *туортаг*, 1096; ПСРЛ, I, 226, 231, 232; II, 222; IX, 125, 126; ГФД, 224; ИД <ту- родить+аф. причастия -аг>ту-аг рожденный+ tegin принц>туаг tegin рожденный принцем; ср. рус. *Тугарин*;

1) <тоуртаг ~ тоуртгу дятел (Р, III, 1160, 1431),

2) <тоурт- исправлять, выправлять (ЛБ, I, 747)+аф. действующего лица -аг или -аг>тоурт-аг ~ -аг тот, кто исправляет, выправляет.

Тугорткан см. *Тугортак*.

Турбей, 1150; ПСРЛ, IX, 183; ГФД, 225;

1) <törpi ~ dörbі пила; перен. человек нерешительный, медлительный (ЛБ, I, 554),

2) <tör почетное место, передний угол юрты, дома (ЛБ, I, 387)+bij господин; ср. кирг. tör аға председатель (КРС, 759),

3) *turpej* название племени.

Турундай, тесть Кобяка, 1185; ПСРЛ, I, 396; X, 11; ГФД, 225; БР, 209; АЗ <turundaj ~ turumtaj назв. птицы;

1) <torun ~ turun ~ toгum молодой верблюжонок (ЛБ, I, 389)+аф. уподобления -daj>torun-daj подобный верблюжонок,

2) <turпа журавль (КГ, 257)+аф. -daj>turпа-daj подобный журавлю.

Угличи см. *Улучи*.

Улан ~ **Улен** ~ **Влан**, 1097; ИД <оулан юноша, царевиц;

1) <ulan обрети, достигни, приобрети (ЛБ, I, 152),

2) öläng трава, зелень, луг (ЛБ, I, 156).

Улаш (<Улашевици); 1185; ГФД, 218; БР, 251;

<ulas ~ üläs доля (ЛБ, I, 151).

Улашевици см. Улаш.

Улен см. Улан.

Уличи см. Улучи.

Улицы см. Улучи.

Улутучи см. Улучичи.

Улучи ~ **Уличи** ~ **Улицы** ~ **Ульци** ~ **Угличи**;

1) <ulidzä ~ uludza старейшина (ЛБ, I, 157),

2) <uylca ~ uluc малыш (МК, I, 86; II, 291).

Улучичи ~ **Улутучи** ~ **Лутичи** собир. от *Улучи*.

Ульци см. Улучи.

Уруба см. Урусоба.

Урусоба ~ **Уруба** ~ **Русоба**, отец Кобана и Колдечи, 1103; ПСРЛ, I, 279; II, 233, 255; IX, 139; ИД <Уруба <иги яма + ара > иги ара; *Урусоба* <rus ~ urus + ара > igus ара;

1) <igus битва, бой, борьба (ЛБ, I, 128) + aba,

2) <ugus счастье, доля (ККРС, 759; КРС, 938) + aba,

3) <igus ~ rus русский + aba.

Хоз см. Гзак.

Чемгура, 1155; ПСРЛ, IX, 200; ГФД, 225;

<сатүг репа, редька (ЛБ, I, 465).

Ченегрепа, 1103; ПСРЛ, I, 279; II, 253, 255; IX, 139;

ГФД, 224; ИД <сängär <singir собств. мужск.

имя + ара > singäгара;

<сангүүг звон + аба <сапүүгаба (Р, III, 857).

ЧитЕевичи см. ЧитЕй.

ЧитЕй (<ЧитЕевичи) из Поучения Мономаха;

ГФД, 218;

<dzeti ~ ceti семь + ова род > dzeti ова семь родов.

Чугай сын Кончака (?), 1180; ПСРЛ, II, 623; ГФД, 225; БР, 155;

1) <су^vуај несчастный, бедный, неимущий, бедняк (ЛБ, I, 506; Р, III, 2062; МК, III, 257),

2) <си^vуа тонкий (Р, III, 2169),

3) <си^vуај название гор Хангай (?) (Р, III, 2169).

Шарукан отец Атрака и Сърчана, дед Кончака и Ельтута, 1068—1107; ПСРЛ, II, 716; ГФД, 224;

КМ <са^vгууан ~ са^vрғану венг. дракон <булг. са^vгауан в тюрк. языках соответствует са^vгауан; ср. са^vгауан рыба хариус (Р, IV, 951);

<Со^vгахан имя собств. мужское в кыпчакских языках и в кыпчакском героическом эпосе (НБ, I).

Ярослаопо см. Арсланопа.

*И. Н. ЛЕЗИНА (Крым),
А. В. СУПЕРАНСКАЯ (Москва)*

ОБ ЭТНОТОПОНИМАХ КРЫМА

Интерес к вопросам этнотопонимии заметно возрос за последнее время. Данной теме посвящен ряд общих статей в сборниках по ономастике отдельных регионов¹. Связь топонимов Молдавии с родоплеменными названиями кыпчаков исследовал Н. А. Баскаков². А. М. Щербак выявил близость некоторых топонимов в бассейнах

¹ См., напр.: Толстова Л. С. Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии в ее исторической ономастике. — В кн.: Ономастика Средней Азии. М., 1978; Мельхеев М. Н. Топо-, этно- и антропонимические связи в ономастике. — В кн.: Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

² Баскаков Н. А. Родоплеменные названия кыпчаков в топонимии Молдавии. — В кн.: Топонимика Востока. М., 1964.

Днепра и Дуная с языком печенегов³. Вопросы этнотопонимии Казахстана освещены в недавно вышедшей книге А. Абдрахманова «Этнотопонимия Казахстана. Из истории исследований» (Алма-Ата, 1979). Большое количество казахских этнотопонимов приведено в словаре Е. Койчубаева⁴. Зависимость между некоторыми топонимами Кавказа и этнонимами доогузского периода его истории установил А. Гусейн-заде⁵.

О том, что родоплеменные названия Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Башкирии и некоторых других республик и областей нашли отражение в топонимии, мы читаем во многих работах по этнографии тюркоязычных народов.

Что касается Крыма, то еще в конце прошлого века Н. А. Аристов отмечал: «В именах татарских деревень на Таврическом полуострове сохранились к настоящему времени названия родов, указывающие основной этнический состав крымских татар»⁶.

Вслед за ним известный крымский ученый А. И. Маркевич, рассмотрев названия ряда крымских урочищ и населенных пунктов, поставил их в прямую зависимость от этнонимов татаро-монголов, узбеков, ногайцев⁷. Анализу тюркских этнотопонимов Крыма посвятил также статью З. Ш. Навширванов⁸. Он исследовал родоплеменные названия огузов, кыпчаков, хазар и сопоставил с ними некоторые ойконимы Крыма. К сожалению, большинство этнооронимов и этногидронимов остались вне поля зрения авторов этих интересных статей.

³ *Шербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичях Саркела — Белой Вежи: (К вопросу о языке и письменности печенегов). — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1959, т. 2.

⁴ *Койчубаев Е.* Краткий толковый словарь топонимии Казахстана. Алма-Ата, 1974.

⁵ *Гусейн-заде Али.* Доогузские этнотопонимы Кавказа. — В кн.: Топонимика на службе географии. М., 1979.

⁶ *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе... — Живая старина, 1896, вып. 3—4, с. 403.

⁷ *Маркевич А. И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. — Изв. Таврич. об-ва истории, археологии и этнографии (бывш. ИТУАК), Симферополь, 1928, т. 2 (59).

⁸ *Навширванов З. Ш.* Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге России и в Крыму. — Там же, 1929, т. 3 (60).

Положения, выдвинутые Маркевичем и Навширвановым, не получили дальнейшего развития в работах по топонимике Крыма. Вместе с тем множество семантически неясных топонимов полуострова восходит к родоплеменным названиям тюркоязычных народов.

Родоплеменная структура общества, характерная для первобытно-общинного строя, продолжала существовать у кочевых скотоводов и в эпоху развития феодальных отношений. (Пережитки ее сохранялись у некоторых народов нашей страны и после Октября). Структура эта в большинстве случаев была очень сложной, что отразилось в этнонимии, которая включила многие тысячи названий племен, родов и их подразделений⁹. Многие из этих наименований стали основой этнотопонимов.

У кочевых скотоводов принцип номинации географических объектов имел свои особенности, связанные с порядком пользования пастбищами. «Кочевники вовсе не бродили по степям, где кому вздумается, земли их были размежеваны, и не только между отдельными племенами и союзами племен, но и внутри них»¹⁰. Во многих работах по исторической этнографии тюркоязычных народов подчеркивается, что пастбища, в первую очередь дефицитные зимние, распределялись между родами и их подразделениями¹¹. При этом действовало занемочное право: территория считалась закрепленной за тем, кто первым стал пасти здесь свои стада¹².

⁹ В ряде случаев мы пользуемся терминами «родоплеменное подразделение», «родоплеменное название», так как применительно к сообществам кочевых народов четкое разграничение категорий рода, племени и т. д. далеко не всегда возможно и оправданно. Название рода могло со временем перейти на племя или, наоборот, на более мелкое подразделение. В свою очередь, оскудевший или осколочный род мог принять имя племени, в которое он влился.

¹⁰ *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. — В кн.: Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

¹¹ *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968; *Кузевев Р. Г.* Очерки исторической этнографии башкир: (Родоплеменные организации башкир в XVII—XVIII вв.). Уфа, 1957, ч. 1.

¹² Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Ф. А. Щербины. Воронеж; СПб., 1889—1909, т. 1—10.

Утверждая право пользования данным урочищем, соответствующий род или более мелкая группа могли присваивать ему свое имя. В «Материалах по киргизскому землепользованию» содержится огромное количество названий урочищ-пастбищ. Некоторые из этих топонимов отражают особенности ландшафта, характер растительности, почв и т. д. Основа других совпадает с наименованиями родоплеменных подразделений, среди которых встречаются: *Керей-конган* (*керей* — казахи, узбеки)¹³, *Баят-конган* (*баят* — монголы, огузы, туркмены, ойроты), *Кыпчак* (*кыпчак* — у большинства тюркских народов), *Алматы* (*алмат* — древние кериты, алтайцы), *Бес-Терек* (*бештерек* — киргизы), *Чак-Чак* (*чакчак* — туркмены), *Малай* (*малай* — киргизы, казахи, узбеки), *Мадиар* (*мадьяр* — казахи)¹⁴ и т. д.

Интересно, что этнопонимы не совпадают с названиями подразделений, в пользовании которых находились соответствующие урочища в конце XIX в., и связаны, очевидно, с пребыванием здесь в более ранний период других племен и народов.

У казахов, например, встречаем: *Найман-сюги* (*найман* — монголы, ногайцы, казахи, башкиры, киргизы, узбеки), *Барыньколь* (*барын* — монголы, киргизы, башкиры, каракалпаки), *Бакалы* (*бакал* — киргизы), *Баяньколь* (*баян* — монголы, киргизы и др.), *Бахтияр* (казахи), *Каскажол* (*каска* — казахи), *Айдарке* (*айдерке* — казахи), *Жинишке* (*жинишке* — казахи)¹⁵ и др. Происхождение этнопонимов Крыма представляется аналогичным. Полуостров был для кочевников обетованной землей. Здесь они находили великолепные равнинные и горные пастбища, мягкий климат позволял содержать стада на подножном корму почти круглый год. Одни завоеватели сменялись другими: в IV в. н. э. сюда пришли гунны, в VII в. — хазары, в X в. — печенеги, в XI в. — кыпчаки, в XII в. — татаро-монголы. Имеются также свидетельства

¹³ Здесь и в дальнейшем в скобках указываются названия родоплеменных подразделений и народов, у которых они встречаются.

¹⁴ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Ф. А. Щербинны.

¹⁵ *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968.

о пребывания в Крыму мадьяр, древних болгар, турок-сельджуков¹⁶.

Разграничить слои этнотопонимии Крыма очень сложно. Из родоплеменных названий народов, населявших его территорию до татаро-монгольского нашествия, известны немногие. Не дошла до нас и значительная часть родовых имен крымско-татарского населения. Уже в XVI в. в его среде начался массовый переход к оседлому земледелию — процесс, который обычно приводит к тому, что разрушается родоплеменная структура общества, кровнородственные связи постепенно заменяются территориальными. И если, например, в Средней Азии некоторые старики до сих пор хранят в памяти свои родовые, то в Крыму большинство родовых названий оказались забытыми гораздо раньше.

Исследователями зафиксированы в основном родовые имена крымско-татарской знати: *Барын, Аргин, Сиджеут, Кипчак, Кият, Ширин, Барак* и др. (Даников, 1890). В документах Крымского ханства и в русских грамотах XV—XVIII вв. упоминаются помимо них еще некоторые, в том числе *Сараймин, Бозолу, Хафыз, Сакай, Кубыл*. Р. Г. Кузеев называет такие роды крымских татар, как *кара-кыпчак, канлы, найман, карача-китай, орта-китай, герей* (Кузеев, 1974, 466).

Все перечисленные родовые имена имеют соответствия в этнонимии тюркоязычных (монголоязычных) народов. Так, *барын* встречается у башкир, киргизов (*баарын*), каракалпаков (*баарын*), монголов (*баарин*); *аргин* — у казахов, хакасов; *хафыз* — у узбеков; *сакай* — у киргизов, казахов; *барак* — у ногайцев, киргизов, туркменов, узбеков, малоазиатских кочевников; *ширин* — у узбеков и т. д.

Многие тамги (родовые знаки), которые на старых крымских надгробьях высекались вместо имен, совпадают с тамгами кыпчаков, казахов, ногайцев, туркмен, башкир, киргизов¹⁷.

Все эти совпадения вполне закономерны.

Начиная с IV—V вв. н. э. на протяжении столетий про-

¹⁶ В данный перечень включены только тюркоязычные народы.

¹⁷ *Акчокраклы Осман*. Татарские тамги в Крыму. Симферополь, 1927; *Бартольд В. В.* Собрание сочинений. М., 1968, т. 5.

исходила миграция азиатских племен и народов на запад, в районы Прикаспия и Северного Причерноморья. Этот процесс стал особенно активным в эпоху монгольских нашествий. Монголы увлекли в своем движении массы покоренных ими кочевых сообществ. Разрушились, раздробились при этом племена и роды: кто-то примкнул к завоевателям и ушел с ними, другие спаслись бегством, третьи остались на месте. «Продолжительные походы, — писал Ф. Энгельс, — перемешивали между собой не только племена и роды, но и целые народы»¹⁸.

К распаду родоплеменных организаций, перегруппировке их компонентов приводили также внутренние усобицы и экономические факторы.

Как и следовало ожидать, этнонимная основа встречается в названиях, главным образом, орографических объектов, которые могли служить пастбищами, т. е. представляли собой нагорья или протяженные хребты с полянами. Названия скалистых массивов или лесистых вершин (обычно с апеллятивами *даг, кая, тепе*), как правило, являются этнопонимами лишь тогда, когда эти объекты расположены близ пастбищ и названы по ним: гора *Кугур-Кая* на восточной оконечности Караби-Яйлы (*котур* — киргизы), *Томала-Кая* и *Аю-Кая* в районе Арпатской яйлы (*томала* — узбеки, *аю* — кыпчаки, киргизы, башкиры), *Куба-Тепе* в верховьях р. Суук-Су (*куба* — кыпчаки, казахи, киргизы, узбеки), *Карагоз-Кая* и *Ланата*, юго-западные отроги Арпатской Яйлы (*карагоз* — казахи, *лобата* — ногайцы).

В состав этнооронимов иногда входит апеллятив *кош*. В Крыму первоначальное значение этого слова — становище людей определенной родовой группы; в XVII—XIX вв. так называлась стоянка сводного стада¹⁹. Оронимы с *кош* большей частью встречаются в районе горных пастбищ Бабуган-Яйлы: *Черкез-Кош* (*черкез* — туркмены, *черкес* — казахи, а возможно, и название народа), *Кош-Дермен* (*дюрмень* — средневековые узбеки), *Осман-Кош* (*осман* — киргизы и туркмены), *Барлакош* (*барлы* — каракалпаки), *Берилин-Кош* (*берелли* — малоазии-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 496.

¹⁹ Лашков Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1896.

атские туркмены). Топоним *Роман-Кои*: (высшая точка крымских гор в том же районе), возможно, связан с родовым подразделением *раманкул* у киргизов.

Компонент *оба*, входящий в состав некоторых тюркоязычных оронимов, обычно рассматривают как апеллятив, имеющий значение «холм», «курган», «вершина» и т. д. Можно допустить и другое толкование. *Оба* (*опа*, *епа*) у кыпчаков XI—XII вв. — объединение семей, род (например, *урус опа* — род Уруса); у туркмен *оба* — кочевое поселение, община; у средневековых турок-османов и малоазиатских туркмен — род. Возможно, что компонент *оба* первоначально был не оронимическим, а этническим термином, обозначающим принадлежность территории определенной общности. Это тем более вероятно, что основой подобных названий часто является родоплеменное наименование: *Кеми-Оба* (*кем* — туркмены), *Таз-Оба* (*таз* — кыпчаки, казахи, башкиры), *Куль-Оба* (*кул* — казахи, туркмены), *Джург-Оба* (*джурга* — казахи), *Агын-Оба* (*аганай* — киргизы) и т. д.

В ряде случаев этнооронимы не имеют в своем составе апеллятивов: *Манжил*, *Замана*, *Урага*, *Конек*, *Хаджилар*, *Кубалач*.

У кочевых скотоводов отдельные участки пастбищ обычно закреплялись за мелкими хозяйственными единицами, кочевыми аулами, на которые делился род. По свидетельству Ф. Лашкова, такие аулы были и в Крыму, причем они также создавались по принципу кровнородственных связей²⁰. У казахов, киргизов, каракалпаков и некоторых других народов названия кочевых аулов и, следовательно, производные от них наименования урочищ-пастбищ часто носили патронимический характер: *Муртазай*, *Тазыбай*, *Баубек*, *Азбай*, *Коджагул*, *Макбан*²¹ и др.

В Крыму такой тип оронимов и гидронимов встречается редко. Очевидно, небольшие кочевые группы на полуострове имели специфические наименования: не личное имя сравнительно близкого предка, а название рода

²⁰ Лашков Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве. Симферополь, 1890.

²¹ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Ф. А. Щербины.

или даже племенн, от которых некогда откололись. Свидетельством этому могут служить такие оронимы, как *Аранча*, *Саранча* — род каракалпаков), *Байкат* (*байкат* — род качинских татар), *Аю-Кая* (*аю* — род башкир), *Манжил* (*манжули* — род каракалпаков), *Эльтиген* — (*Эльджиген* — племя монголов), *Агармыш* (*агарма* — племя узбеков) и т. д.

Помня о конгломератном составе кочевых общностей не следует спешить с выводом, что крымские этнотопонимы с основой *Хазар*, *Найман*, *Мадьяр*, *Кипчак*, *Черкес* и т. п. непременно связаны с пребыванием в Крыму соответствующих народов. Эти наименования могли быть занесены в Крым иными этническими общностями. Так, родоплеменное название *хазар* встречается у аймаков; *найман* — у монголов, ногайцев, башкир, узбеков, киргизов, казахов; *мадьяр* и *черкес* — у казахов (*черкес* — туркмен); *кыпчак* — у большинства тюркоязычных народов.

Пользование водными источниками у кочевых скотоводов также часто бывало регламентированным. У казахов, например, «каждый род или часть его стремились останавливаться ежегодно на одних и тех же водопоях»²². В Киргизии к родовым угодьям относились прилегающие леса, рощи, водоемы²³.

В Крыму иногда отдельные участки водных артерий имеют самостоятельные названия: по-видимому, они находились на территории кочевков различных родоплеменных групп. Река *Мэйля*, правый приток Бельбека, в нижнем течении называется *Ная* (*майлы* — казахи, *ная* — монголы); река *Кача* в верхнем течении именуется *Мачин* (*кача*, *качалар* — киргизы, *мачин* — народность Восточного Туркестана); низовья реки *Байсу* носят название *Кырмыш* (*байсу* — киргизы, *киртмыш* — узбеки).

Большой интерес у исследователей крымской топонимии всегда вызывал гидроним *Салгир* (главная водная артерия Крыма, а также ручей у Гурзуфа). Высказывалось мнение, что в основу положено название туркмен-

²² *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968.

²³ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Ф. А. Щербины, т. 1, с. 63.

ского племени *салор*, или иначе *салур*, *салыр*, *салгур*, *салгыр*²⁴. Предполагается также, что от туркменских родоплеменных названий *агарма*, *донгузли*, *крачли*, *бештери*, *казан*, *каркын* образованы крымские топонимы *Агармыш* (гора близ Старого Крыма), *Донузлав* (озеро в Западном Крыму), *Бештерск* (правый приток Салгира), *Казанлы* (урочище на северном склоне Караби-Яйлы), *Караман* (гора восточнее Судака), мыс *Каркин* на южном берегу.

Эти этнотопонимы перекликаются со свидетельством Абу-л-Гази о пребывании в Крыму туркмен племен *салор* и *каркын*²⁵ в конце X в. Этнонимную основу имеют и названия ручьев, колодцев, родников. Особенно часто встречаются такие названия на Бабуган-Яйле и Чатырдаге. Родники и близлежащие горы, овраги, ручьи часто имеют совпадающие названия. Если это этнотопонимы, то постановка вопроса, что по чему названо, вряд ли правомерна. И гидроним, и ороним, скорее всего, восходят к имени родоплеменного подразделения, занимавшего некогда эту территорию: гора *Кубалач* и источник *Кубалы* на реке Индол (*куба*—кыпчаки, киргизы и др., *алач*—киргизы), гора *Манжил* и источник *Манжил-Чешме* к востоку от Судака (*манжул* — каракалпаки), ручей *Алакат*, горный проход *Алакат-Богаз* и источник *Алакат-Чокрак* в верховьях реки Ускут (*алака* — киргизы), гора *Митис* и источник *Митис-Текне* в верховьях реки Бельбек и т. д.

В среднеазиатских республиках оросительные каналы прокладывались силами рода и нередко носили его название; более мелкие именовались по родовым подразделениям²⁶. Оросительные сооружения в Крыму не имели таких масштабов, но тем не менее некоторые кана-

²⁴ *Навишрванов З. Ш.* Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге России и в Крыму. — Изв. Таврич. об-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929, т. 31.

²⁵ *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.; Л., 1950.

²⁶ *Жданко Т. А.* Очерк исторической этнографии каракалпаков. — Тр./Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер., 1950, т. 9; *Марков Г. Е.* Из истории земледельческих хозяйств у северных туркмен в начале XX в. — Тр./Ин-т истории, археологии и этнографии ТуркмССР, 1962, т. 7.

вы могли быть проложены только коллективно, родовыми группами, о чем свидетельствуют многие из названий: *Мамалар, Хамлар, Пугача* в бассейне реки Айял-Дере; *Дауглар, Эски-Дермен, Дермен-Кула* по реке Дерекойке (*мама* — киргизы, *хам* и *пуга* — хакасы, *дауг* — казахи, *дюрмень* — узбеки).

Особенностью крымских этнооронимов и этногидронимов, требующих более глубокого исследования, является то, что среди них не встречаются такие, которые были бы образованы от наименований крупных родовых объединений и племен типа *кыпчак, керей, кон(г)рат, кият, кенегес, найман, китай (ктай)*. Вместе с тем эти наименования широко представлены в ойконимии равнинной, предгорной части Крыма.

При сопоставлении крымских топонимов с родоплеменными названиями тюркских народов необходимо учитывать следующие моменты.

1. Эти названия в результате адаптации их крымско-татарским (а иногда и караимским языком) могут представлять в иных фонетических вариантах. Помимо законов сингармонизма гласных и ассимиляции согласных на это влияет соответствие фонем *г, д, б* в огузских языках, *к, т, п, м* — в кыпчакских.

Следует принимать во внимание особенности диалектов крымско-татарского языка, в частности начальное *дж* в северном диалекте вместо *й* в южном. Поэтому можно считать сопоставимыми топонимы *Пендикуль, Сумбул, Демирджи, Дюрмень, Енишары* и родоплеменные названия *мендикул, сумбил, темиршин, дербен, джангары*.

В отдельных случаях топоним, наоборот, сохраняет первоначальную, неадаптированную форму, которая не соответствует нормам крымско-татарского языка, крымского диалекта караимского и ряда других современных тюркских языков. Так, в некоторых топонимах встречается фонема *ц*: *Алоница* (ист. в басс. р. Дерекойки), *Церик-Узень* (ручей в басс. р. Биюк-Карасу), *Пугацанын-Чокрак* (ист. на г. Чатырдаг), г. *Цюлюль* (Чучель (на территории Крымского заповедника)), *Цимавл* (овраг близ пос. Рыбачье) и другие. Не исключено, что эти

названия связаны с пребыванием в Крыму хазар, в языке которых существовали и *ч*-диалект, и *ц*-диалект ²⁷.

В пользу давнего происхождения этих топонимов говорит и то, что основой некоторых из них являются родовые имена древних народов Азии: *пуга* и *алунь* — поколения теле, народа Алтая, *черик* — родовое имя усуней.

2. В сочетании с географическим термином этнонимная основа является определением, которое, согласно правилу изафета, может приобретать аффикс родительного падежа *-нин/-нын*, а термин — аффикс принадлежности *-ы/-и*, *-сы/-си*: *Баянын-Каясы*, *Догданын-Чокракы* (родовые имена *баян*, *догды*).

Часто, несмотря на то что этнонимная основа представляет собой имя собственное, соответствующие аффиксы отсутствуют: *Куба-Бурун*, *Арабачи-Чокрак*, *Барын-Джол* (родоплеменные названия *куба*, *арабачи*, *барын*). На эту изафетную аномалию в топонимических словосочетаниях обратил внимание еще известный исследователь Крыма П. Кеппен.

Один и тот же этнопоним может встречаться в изафетной и неизафетной форме: *Балан-Кая* и *Баланын-Каясы*, *Чикен-Кая* и *Чикенын-Каясы*, *Пугача-Чокрак* и *Пугачанын-Чокрак* ²⁸. Подобный разнобой мог возникнуть вследствие того, что внутренняя форма этнопонима постепенно забывалась, а изафетные сочетания связывались с определенными смысловыми оттенками.

3. Конечный элемент некоторых родовых имен, аффикс множественного числа *-лар/-лер* (*-дар/-дер*, *-тар/-тер*, *-нар/-нер*), обозначает множественность, окружение: люди такого-то рода или отделение данного рода (например, *дали* и *далилер* у туркмен, *сарт* и *саттар* у башкир). Поэтому в любом родовом имени с *-лар//лер* и т. д. должна существовать (и мы имеем право ее восстановить) основная форма без данного аффикса. И наоборот, если есть этнопоним с аффиксом множественности, а соответствующее родовое имя не имеет его, мы

²⁷ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

²⁸ Термин *чокрак* в крымских гидронимах, в отличие от *чешме*, почти никогда не имеет аффикса принадлежности, возможно, потому, что *чокрак* — это естественный родник, а *чешме* — каптированный источник, или фонтан, т. е. кем-то благоустроенный.

можем предполагать существование производного имени. Таким образом, сопоставление топонимов типа *Мама-лар, Бурлархар, Кача* с родовыми именами *мама, бурлак, качалар* представляется вполне правомерным.

В качестве показателя множественности в тюркской и монгольской этнонимии могут выступать также аффиксы²⁹ *т* и *с*. Поэтому такие топонимы, как *Бурус (Борус)* и *Алма* могут быть связаны с морфологическими вариантами родовых имен *бору* и *алмат*.

4. Усложняет исследование также то, что в состав многих родовых имен входят аффиксы *-ла/-лу, -лы/-ли, -ы/-и, -шик/-чик, -джы/-чи* и другие, которые иногда могут свидетельствовать о принадлежности данного подразделения к более крупной родоплеменной общности: *кабе, кабели* (киргизы), *бор, борлу, боршы* (киргизы, монголы, казахи), *кур, курчик* (среднеазиатское племя и хакасы), *кем, кемшик* (туркмены). Иногда, как в приведенных выше примерах, удается обнаружить оба названия, в редких случаях — только производное.

Названия более мелких родоплеменных подразделений могут образовываться и с помощью вторых компонентов. Цветовые определения *ак, кара, кок, сары* в некоторых случаях символизируют страны света (*кара* — северные, *кок* — восточные и т. д. родоплеменные группы); *кара* может относиться также к покоренным племенам. *Куль* обозначает потомков рабов или усыновленных иноплеменников; *бала, оглу, уул (уулу)* — потомков основателя рода или отделение рода. В качестве примеров можно назвать *черик* и *кара-черик* (киргизы), *чоудор, кара-чоудор* и *кул-чоудор* (туркмены), *казан* и *казан-увлы* (туркмены и ногайцы), *кала* и *калабаалы* (киргизы).

Если исключить случаи, когда сочетания подобных компонентов семантически неразрывны (напр.: *кара-багыш* «черный лось», *кок-коз* «синий глаз» — родоплеменные названия киргизов), то можно предположить существование основных названий, не содержащих добавочных элементов. И как в предыдущих случаях, правомерно считать сопоставимыми топонимы *Кок-Асан, Карабер-*

²⁹ *Лебедева Е. П.* К вопросу о родовом составе монголов. — В кн.: Филология и история монгольских народов. М., 1958.

Бунар, Самарли, Самар-Кая, Софу-Узень и родоплеменные названия *асан* (каракалпаки, казахи, киргизы), *карабар-оглы* (кыпчаки), *самарчик* (древний тюркский род), *софулу* (турецкие кочевники).

Многие названия родоплеменных подразделений этимологически прозрачны, часто связаны с флорой, фауной, ремесленничеством и проч. В тех случаях, когда мы встречаем соответствующие топонимы, не исключается и то, что они могут непосредственно восходить к обозначениям данных реалий, например: *Айвалык* 'место, где растет айва', *Хузгун* 'ворон', *Чермалык* 'место, поросшее плющом', *Ташлыкыр* 'каменистая возвышенность'. Тем не менее наличие родоплеменных наименований *авалы* (*ейвалы*), *кузгун*, *черманлу*, *ташлы* и других допускает толкование упомянутых названий как этно-топонимов.

Этнотопонимия Крыма представляет большой интерес для исследователя. Дальнейший анализ этнотопонимов позволит решить или по-новому осветить ряд исторических вопросов, связанных, в частности, с пребыванием в Крыму предков современных туркмен, каракалпаков, черкесов и других народов.

А. НУРМАГАМБЕТОВ (Алма-Ата)

О КАЗАХСКИХ ЭТНОНИМАХ *АДАЙ И ШЕРКЕС*

С незапамятных времен у казахов существовал устный способ передачи из поколения в поколение сведений о своем происхождении. Это — родословная (шежре), которая дошла и до наших дней. Подвергнутая значительным изменениям при устной передаче, она часто искажа-

ла действительное положение вещей. Ф. Энгельс писал: «...родословная рода уходила так далеко в глубь времен, что его члены не могли уже доказать действительно существовавшего между ними родства, кроме немногочисленных случаев, когда имелись более поздние общие предки»¹. Это обязывает исследователя критически относиться к материалам родословной.

По мнению многих известных исследователей, первоначальной родиной тюркских племен являлся Алтай и степи Монголии. Академик А. А. Куников писал: «Алтай, первоначальное гнездо тюркских племен, стал высылать орду за ордой на Западную Азию и Черноморье»². Это высказывание не отрицается другими не менее известными исследователями. Н. А. Аристов, в частности, писал: «Вообще, состав Малой орды весьма пестрый, ибо в нее, видимо, вошли многие части разных тюркских племен, закинутые судьбою из Монголии и с Востока степи на Запад»³.

Отсюда следует, что названия казахских родов и племен уходят корнями в язык тех мест, где эти роды и племена обитали в древние времена, т. е. в степи Монголии и вокруг Алтая.

Проследим историю образования некоторых из них.

Адай. Как определяют шежере, это один из крупных родов в составе племенного союза байулы.

В своей «Географии» Страбон указывал, что большая часть скифов, расположенных на территории от Каспийского до Аральского моря, называлась Дай, а они в свою очередь делились на *Апарна*, *Ксанфия*, *Писсур*⁴. На этом основании С. Аманжолов адайцев Младшего жуза относит к Даям, но, по его убеждению, адайцы вовсе не пришельцы с Алтая, а аборигены. Такого же мнения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3-х т. М., 1981. с. 300.

² Куников А. А. О тюркских печенегах и половцах по мадьярским источникам. — Записки ИАН, 1855, т. 3, с. 715; см. также: Ядринцев Н. М. Об алтайцах и черновых татар. Спб., 1881, с. 3; Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Спб., 1897, с. 64; Руденко С. И. [Выступление]. — В кн.: Первый всесоюзный тюркологический съезд. Баку, 1926, с. 92.

³ Аристов Н. А. Заметки..., с. 76.

⁴ География Страбона в семнадцати книгах. М., 1879, с. 521.

придерживается и А. Абдрахманов⁵. Дайское происхождение адаев у нас вызывает сомнения по ряду причин. Во-первых, нужно еще доказать причины появления *a* перед словом *дай*. Во-вторых, в современном составе адайцев мы не находим ни одного рода, похожего по своему звучанию на *Апарна*, *Ксанфия* и другие, входившие когда-то в состав Даев. В-третьих,стораживают сомнения Н. П. Толля в достоверности сведений Страбона⁶. Все это дает нам основания рассмотреть вопрос о происхождении адайцев Младшего жуза в ином плане, привлекая для этого и другие источники.

В китайских источниках вместе с родом Баегу в составе Гаогюй мы находим и Аде⁷. Н. А. Аристов упоминает, что один из родов Гаогюй был Аде⁸. Не может не привлечь внимание и то, что в книге М. И. Иванина рядом с родом Баюты находится Меркиты⁹. И если учесть сведения Рашид ад-дина о том, что *Меркиты* еще называется *Одоют*¹⁰, это — любопытный факт. В труде М. И. Иванина мы опять видим с Баегу если не *Аде*, то тождественный ему *Одоют*. В исследовании В. В. Радлова встречаем в составе Гао-гю наряду с другими родами и Бае-гу и *Ады*¹¹. Л. П. Потапов пишет, что в составе Теле в VI—VIII вв. кроме прочих родов был и *Адье*¹². Л. Н. Гумилев в составе телесцев упоминает тот же *Адье*, иногда *Аде*¹³. В некоторых более поздних источниках мы встречаем историческую личность по имени *Адай*, который в 1425 г. объявил себя ханом¹⁴. Однако вести род

⁵ Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 98—160; Абдрахманов А. Қазақстанның жер-су аттары. Алматы, 1959, 104-б.

⁶ Толль Н. П. Скифы и гунны. Прага, 1928, с. 56.

⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Спб., 1851, ч. 1, с. 426, 437.

⁸ Аристов Н. А. Заметки..., с. 22, 23.

⁹ Иванов М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и средне-азиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане. Спб., 1875, с. 18.

¹⁰ Березин Н. История монголов: Сочинение Рашид ад-дина. — Зап. Имп. археол. об-ва. Спб., 1858, т. 14, с. 216, 217.

¹¹ Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Спб., 1893, с. 90.

¹² Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 151.

¹³ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 62, 266.

¹⁴ Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монг. кочевьях. Спб., 1895, с. 162.

адай Младшего жуза от этого имени было бы неправильным. Как видим, в вышеупомянутых источниках этот этноним встречается в самых различных звуковых вариантах: *Ады, Аде, Адйе*, что не может быть отнесено к фактам случайного характера. У Бернштама мы читаем: «...в конце V века племена Гаогюй оказались разбитыми на две части, причем одна часть Жужанским каганом Дэулунем и Ногай-ханом была вытеснена в степи Казахстана...»¹⁵. Можно предположить, что именно эта часть и оказалась родом Баегу, а уже на казахской земле в составе этого Баегу (мы отождествляем Баегу с Байулы Младшего жуза) оказался и род *Адйе*, в котором мы также усматриваем предков современных *адайцев*.

Фонетическая трансформация звуковых вариантов *Аде, Ады, Агйе, Адйе* и *Одоют* в форму *Адай*, как нам представляется, произошла уже в тюркской языковой среде, что нетрудно доказать на основе фонетических закономерностей. Так, например, преимущественно в западных говорах казахского языка встречается соответствие *а ~ ы*: *қажарлы* вм. лит. *қажырлы* — сильный, *арқалы* вм. лит. *арқылы* — через и т. д. На этой основе изменение *Адйя* в *Адайа* при выпадении конечного гласного после сонанта *й* считается вполне закономерным. Ср. тув. *тевене* 'большая игла' и каз. *тебен* или *шөмелей* 'копна' вм. лит. *шөмеле* и т. д.

Что касается этнонима *Одоют* (<*Одой*+т), то в нем можно выделить корень *Одой*, а -т, -ут следует рассматривать как окончание множественного числа в монгольских языках.

Все это дает нам право предполагать, что род или племя *Адай* издавна существует самостоятельно, параллельно с Баегу > Байулы, а не в его составе, как определяют казахские шежере и легенды. Однако характеристика Адая как неродного сына Байулы имеет некоторые основания. Именно о таких случаях писал в свое время Н. А. Аристов: «Женское или незаконное происхождение в генеалогических сказаниях народов с родовым бытом есть верный признак того, что речь идет о частицах совершенно чуждых родов и племен, вошедших в родовые

¹⁵ Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. — Советская этнография, 1943, т. 6—7, с. 154.

союзы вследствие различных случайностей исторической жизни»¹⁶.

Несколько слов об этимологии этнонима *Адай*. В свое время Вамбери связывал название одного из племен туркменов — *Адали* со словом *ада*, что означает 'остров'. В этой связи Н. А. Аристов писал: «Имя это мне кажется, тождественным с адай, байулыным родом малой орды»¹⁷. Такое же мнение было высказано и С. Аманжоловым¹⁸.

Однако факты, приведенные из указанных источников, подсказывают, что этноним *Адай* трудно увязать со словом *ада* в значении 'остров' и предполагать на этом основании, что носители этого этнонима обитали когда-то на востоке. Н. Березин связывает этноним *Одоют* с монгольскими словами *отуй* 'карлик' или *одо* 'звезда'¹⁹. В тюркских языках слово *адай* и похожие звуковые варианты имеют массу значений. Например, в алт. кроме значения *ата* 'дед', имеются еще: *одои* 1) старший из родственников; 2) зрачок глаз; в телеутском языке: *адү* — почтение, уважение²⁰, в як.: *агдай* (о человеке) 'иметь широкие плечи, развитое туловище и длинные ноги'; *Уодай* 'длинноногий, великородный'²¹.

Сказать что-либо определенное о значении этнонима *Адай* на основе приведенных примеров мы затрудняемся. Остается предполагать, исходя из исторических фактов, что изучаемые нами адайцы не аборигены этого края, а пришельцы из степей Монголии или окрестностей Алтая, в известной степени смешавшиеся с другими тюркскими племенами и народами. Так, в XVII в. в составе якутского народа были такие роды, как *Одей*, *Одугей*, *Одай*. Последний из них даже сохранился до наших дней: «До сих пор население района р. Амги продолжают называть *Одайцами*. В этом мы могли убедиться, — пишет историк Б. О. Долгих, — когда находились в 1945 г. в районном

¹⁶ Аристов Н. А. Заметки..., с. 82—83.

¹⁷ Там же, с. 140.

¹⁸ Аманжолов С. Вопросы..., с. 160.

¹⁹ Березин Н. История монголов..., с. 137.

²⁰ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1893, т. 1, ч. 2, с. 1123.

²¹ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. М., 1958, т. 1, с. 19; 1959, т. 2, с. 1791; 1959, т. 3, с. 3028.

центре Таттинского района, поселка Ытык кюэль»²². Такое же название рода мы встречаем и в книге В. Л. Серошевского²³.

Шеркес. В исторических записях о племени *Шеркес* имеются очень скудные и вдобавок противоречивые сведения, что не дает возможности выявить определенно его происхождение. Один из источников указывает, что в X в. черкесы Кавказа назывались косогами²⁴. В другом источнике читаем: «Во время знаменитого Ногай-хана были вызваны черкесы из Кавказа и они расположились около города Рыльск, сами себя назвали казаками»²⁵. Однако другие исторические сведения противоречат вышеприведенным.

Наблюдая элементы тюркских языков в речи аборигенов западной части Кавказа (в частности, Кабарды), Н. А. Аристов приходит к следующему предположению: «Можно подозревать, что и самое имя Черкесов принесено к подножиям Кавказа союзами тюркских родов того же имени»²⁶. Судя по этому, в союзе тюркских родов или племен издавна существовал род под названием *Черкес*. Это подтверждают некоторые географические названия на территориях, некогда населенных тюркскими племенами. Например, правый приток реки Катунь, впадающей в Обь, называется *Черкиш*²⁷.

Киргизы, ранее проживавшие по рекам Енисей, Обь, Иртыш, к берегам реки Урал и далее к Западу пришли раньше, а не после XVI в., как это предполагали ученые в начале XX в.²⁸

Ссылаясь на данные Абилгазы и в особенности Рюбрюкса, по которым в горах Кавказа живут киргизы, аланы и акасы (абкасы), И. Е. Фишер сделал следующий вывод: «...и ясно видно, что у него (у Рюбрюкса. — А. Н.) под именем Кергиз разумеются Черкесы. Литер «к» имеет

²² Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 365, 542—544.

²³ Серошевский В. Л. Якуты. Спб., 1896, т. 1, с. 248.

²⁴ Баргольд В. В. Сочинения. М., 1963, т. 2, ч. 1, с. 848.

²⁵ Сейфуллин С. Шыгармалар. Алматы, 1964, т. 6, 146.

²⁶ Аристов Н. А. Заметки..., с. 37.

²⁷ Аманжолов С. Вопросы..., с. 41.

²⁸ Добрынин А., Белугин Ф. Прикаспийские степи. М., 1906, с. 154.

особливый жребий, что она у иностранных народов пременяется в сиповатый голос. Так, монголы Китайскую столицу Пекин называют Печейн; Несторианский (catholicus)... назывался Чателик...»²⁹ Такое соответствие звуков присуще не только монгольским, но и тюркским языкам. Об этом С. Е. Малов писал: «Из фактов языка упомяну чередование «к» и «ч» (например, *чим/ким* 'кто')»³⁰.

Приведенные факты говорят в пользу того, что *черкеш* и *киргиз* — имена одного и того же племени. Однако есть аргументы, отвергающие эти факты. Во-первых, вышеприведенное географическое название по «Заметкам» Н. А. Аристова не позволяет отождествить *киргиз* и *черкес*; во-вторых, родословная казахов гласит: *шеркес* и *керкеш* родственные, последние остались около страны Китайцев. Хотя это — легенда, но нам кажется, в ней есть доля правды, ибо сходные названия родов и племен *черкесов* на Кавказе и племен *шеркесов* в составе Младшего жуза казахского народа мы встречаем среди других тюркских народов. Например, *сәргәччи* — название рода в бывшем третьем Жехсогонском наследии³¹.

Таким образом, большинство приведенных фактов подтверждают, что среди тюркских племен, кроме киргизов, существовало самостоятельное племя, называемое *шеркес*.

Этноним *шеркес* можно было бы связать с вышеприведенным названием реки *Черкиш*. Но обратимся к значению данного слова. В языке османских турков: *сәркәш* 1) смелый, самовольный; 2) бунтарь. По В. В. Радлову, слово заимствовано из персидского языка³². К удивлению, в якутском языке: *чәргәс* 1) смелый, резвый; 2) настороженный³³, у башкир: *сәркәш* — драчун³⁴.

Название реки и этноним, по-видимому, связаны с указанными значениями. В казахском языке есть слово *шәлкес*, подходящее и по звуковому составу, и по значе-

²⁹ Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири: до завоевания сей земли русским оружием. Спб., 1774, с. 57, 58.

³⁰ Малов С. Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961, с. 4.

³¹ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, т. 2, с. 2174.

³² Радлов В. В. Опыт..., т. 4, ч. 1, с. 465.

³³ Пекарский Э. К. Словарь..., т. 3, с. 3610.

³⁴ Башкирско-русский словарь. М., 1958.

нию к слову *шеркес*, с разницей соответствия звуков *p~л*, присущей тюркским языкам.

Все это и многие другие факты нельзя считать случайным совпадением. Ибо: «языковое единство тюркских народов и их родство между собой — реальность»³⁵.

Т. А. ИНСЕБАЕВ (Караганда),
Е. З. КАЖИБЕКОВ (Алма-Ата)

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ И АНАЛИЗА НАЗВАНИЙ РОДОПЛЕМЕННЫХ ГРУПП АДАЙ И СУЙИНДИК

Одним из актуальных вопросов этнонимии, истории и этнографии республики является изучение родоплеменной структуры и этнического состава древнего Казахстана, решение вопросов локализации, расселения и взаимопроникновения, смешения, частичной диффузии относительно самостоятельных родоплеменных групп, позднее составивших казахский этнос¹. Этот аспект этногенеза

³⁵ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, с. 112.

¹ Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968; Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974; Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, ч. 1; Муканов М. С. К вопросу о родорасселении казахов на территории Казалинского и Перовского уездов Сырдарьинской области. — Труды/Ин-т ист., арх. и этнографии АН КазССР, 1961, т. 12, с. 147; Захарова И., Ходжаева Р. Составные и задачи изучения этнографии Казахстана. — Советская этнография, 1960, № 2, с. 183; Валитова А. А. Этнонимы в тюркоязычном памятнике XI века «Кутадгу-билиг». М., 1964, с. 1; см. также: Абрамзон С. М., Потанов Л. П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории. — Советская этнография, 1975, № 6, с. 28—42; и мн. др.

казахского народа особо важен, ибо, как писал Н. А. Аристов, «роды не только пользовались всеобъемлющим значением в бытовой жизни тюркских кочевников, но играли весьма важную роль в их политической истории. Естественно, что при таком значении родов, когда вся жизнь и судьбы кочевника определялись принадлежностью к роду, родовые имена должны были пользоваться необыкновенной прочностью. Роды могли входить в различные союзы целиком и частями, но должны были твердо сохранять свои исконные имена»². Это значительно повышает ценность работ по изучению тюркской этнонимии. Анализ родословных таблиц (*шежере*) казахских племен, изучение их генеалогических преданий и легенд, несомненно, должны способствовать выяснению немаловажных аспектов формирования казахской народности, более точно уяснению сложной картины взаимоотношений и миграционных процессов различных казахских племен.

То же самое, что было сказано выше по поводу относительной консервативности тюркских этнонимов, можно с полным основанием отнести и к тюркским родовым и племенным тамгам, являющимся свидетельством-обозначением принадлежности к строго определенному племенному союзу, племени, родовому объединению, родовой группе или подроду в каждом отдельном случае. Сопоставительное «рассмотрение тамг показывает, что киргиз-казахцы (т. е. казахские. — Т. И., Е. К.) колена и роды более или менее значительно перемешаны, ибо тамги разных типов и их производные нередко встречаются в одном и том же колене, роде и даже отделении в разных подразделениях»³.

² Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — Живая старина, 1896, вып. 3 и 4, год 6, с. 285.

³ Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. — Живая старина, 1894, вып. 3 и 4, год 4, с. 421.

Анализ казахских этнонимов дает более конкретные данные о связях родов, их подродов и колен⁴.

Анализируя родовые подразделения Младшей орды, Н. А. Аристов выделяет два принципа или критерия их сопоставления в комплексе с историческими сведениями: сходство по имени и сходство по тамге. После более чем подробного разбора этнонимических данных (часть которых в свете нынешних сведений не подтверждается), Н. А. Аристов пришел к выводу, что «вообще состав Малой орды весьма пестрый, ибо в нее, видимо, вошли многие части разных тюркских племен, закинутые судьбою из Монголии и с востока степи на запад»⁵. На странице 319-й у ученого есть конкретное указание о наименовании «отделившихся от племен Средней орды родов и племени *алчин* — Младшею ордою».

Пестрота этнического состава характеризует большинство родоплеменных образований. По многочисленным казахским легендам и преданиям, три жуза казахов восходят к единому корню⁶. «По некоторым известиям, предки киргизов (т. е. казахов. — Т. И., Е. К.), — повествуется в одной из легенд, — были три родные брата: *Улуос*, *Уртаос* и *Кичиос*, вышедшие ...для отыскивания потерявшихся лошадей и по незнанию мест заблудившиеся...»⁷ Подобные легенды в отдельных случаях подтверждаются материалами сопоставительного изучения казахских родоплеменных названий. Причем факты о связях родов казахских жузов можно значительно пополнить. Рассмотрим значение (этимологию) этнонимов, структуру родов (последовательность расположения имен поколений) и общий пласт названий родоплеменных групп *адай* и *сүйіндік*.

⁴ Там же. Далее при передаче данных разных источников мы, во избежание искажения оригинала и по некоторым другим причинам, сохраняем во всех случаях написание этнонима по цитируемому труду без изменений. — Т. И., Е. К.

⁵ Аристов Н. А. Заметки..., с. 384—385.

⁶ См.: Казанцев И. Описание киргиз-кайсака. Спб., 1867, с. 30; а также: Логутов Н. А. Очерк родового быта казаков и распределение основных казахских родов на территории бывшей Семипалатинской губернии. — Зап. Семипал. отдела об-ва изучения Казакстана, Семипалатинск, 1929, т. 1, вып. 18, с. 36; и мн. др.

⁷ Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. — Сибирский Вестник, Спб., 1820, 4 сентября, с. 74(54).

Адай. По мнению одних ученых, *ай* в родоплеменных названиях *ад-ай*, так же как и в *қыз-ай*, *кер-ей*, *өт-ей*, топонимах *торғ-ай*, *ай-қыз*, *ай-рық*, *ай-тағы* и других, — древний этноним⁸. Другие видят в *ай* (так же как и в *мат-ай*, *өт-ей*, *шөмек-ей* и др.) суффикс *-ай*, *-ей*, *-и*⁹. В обоих случаях конкретное значение *ай* в *адай* не уточняется. В последнее время определенную популярность получила гипотеза о происхождении *адаев*, «которые становятся известными на Мангышлаке в IX—X вв.»¹⁰, непосредственно от кочевых *даев* (*дахов*)¹¹ — древнего племени, обитавшего на берегах Каспийского моря и по Амударье¹². С. А. Аманжолов, также полагая в свое время, что *адаи* являются потомками древних *даев*, «которые упоминаются рядом с саками или массагетами»¹³, считал возможным связывать происхождение этнонима *адай* с огузским словом *ада* 'остров' > *адаи* 'островитяне'. Его поддержал ряд ученых¹⁴. Полная сводка форм лексемы *ада*, *ата*, *атау*, *атақ*, *адақ* и других в значении 'остров, полуостров, мыс' дана в «Этимологическом словаре тюркских языков» Э. В. Севортяна¹⁵. К сожалению, автор этимологию слова *ада* практически не дает. Не отмечается и гомогенность *ада* общетюркскому *арал* 'остров', несмотря на ее очевидность. Тем не менее можно констатировать, что в *ада*, *арал* и других

⁸ Нұрханов С. Этнолингвистикалық этюд. — Қазақстан мектебі, 1967, № 1, 74—76 б.

⁹ Әбдірахманов А. Қазақстан этнопонимикасы. Алматы, 1979, 124-б.

¹⁰ Турсунова М. С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX века. Алма-Ата, 1977, с. 3.

¹¹ Геродот. История: В 9-ти кн. Л., 1972, с. 52, 92.

¹² Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов, с. 84—87; Сейдімбеков А. Күңгір-күңгір күмбездер. Алматы, 1981, 227-б.; Ахинжанов М. Б. К вопросу об этногенезе казахского народа. — Уч. зап. КазГУ. Сер. историч., 1957, т. 31, вып. 3, с. 91, где рядом ставятся этнонимы (как представители северо-западной группы): *сарматы*, *аланы*, *дайи*, *алимулы*, *жетыруы* и часть *кипчаков*; а также: Ахинжанов М. Б. Происхождение и формирование казахского народа: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Алма-Ата, 1971, с. 11, 17, 47, 57 и др.

¹³ Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, с. 160.

¹⁴ Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов, с. 84—86.

¹⁵ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, т. 1, с. 87—88.

мы имеем древний корень *ад-/ат-/ай-/аз-/аж-/аш-/ар-* и т. д. с глагольной семантикой 'отделять(ся), выделять(ся), разделять(ся), делить, разъединять(ся)', сохранившийся в казахских *арал* 'остров' (<*'нечто отделенное от берега'), *ара* 'промежуток, расстояние (между чем-либо)', *ажыра-/айыр-* 'делить, разделять, отделять', *аша* 'развилка, развилка', *ыдыра-* (*ад-/ыд-*) 'разветвляться, рассеяться, разойтись, разделиться' и других словах; ср. др.-тюрк. *адар-* 'разделять'¹⁶.

Следует, однако, заметить, что несмотря на заманчивость, две последние этимологии — возведение *адай* к *даям* Геродота или к (огузскому в основном¹⁷) *ада* 'остров' — исключают друг друга вследствие хронологической несовместимости. Древность этнонима *адай*, как нам кажется, может косвенно подтвердить параллель с *адай* 'собака'¹⁸ — реликтом тотемного отношения к данному животному, довольно четко сохранившимся в скифосакских и гуннских преданиях и верованиях, а также в генеалогиях древних тюрков, ведущих свое происхождение или непосредственно от священного животного пса-волка или в некой связи с ним. Подобные привязки образования казахских этнонимов к соответствующим прото- или дотюркским эпохам практикуются в последнее время все чаще¹⁹. Так, А. Нурмагамбетов связывает происхож-

¹⁶ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 9.

¹⁷ Туркменско-русский словарь. М., 1968, с. 27; Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1941, с. 8.

¹⁸ Ср.: хак. *адай* 'собака' (Русско-хакасский словарь. М., 1961, с. 804); этнограф А. И. ван Виндекенс убедительно обосновывает вариант этимологизации имени *сак* в значении 'собака' (см.: Чеснов Я. В. О социальной мотивированности древних этнонимов. — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 50); ср. также башк. этноним *этимген эйзе* 'айлинец, вскормленный собакой' (Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 196); и т. п.

¹⁹ На связи казахского (и туркменского) родового этнонима *абдалы* с эфталитами указывали С. П. Толстов, А. Ю. Якубовский, Б. Г. Гафуров, В. В. Востров, М. С. Муқанов и др. См.: Еремеев Д. Е. К семантике тюркской этнонимии. — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 140; о туркм. роде *абдал* (<*чавдур*<*тюркмен*) см.: Навишринов З. Ш. Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге Руси и в Крыму. — Изв. Таврич. об-ва истории, археологии и этнографии, Симферополь, 1929, т. 3 (60-й), с. 98; Джанузаков Т. Д. Очерк казахской ономастики. Алма-Ата, 1982, с. 63—64; о связи казахского племенного этнонима *алишын* со скифским *ализон*, *алазон* см.: Джанузаков Т. Д. Этюды о казах-

дение этнонима *адай* с древнейшими племенами *атйе*, *адйе* по китайским источникам, предполагая трансформацию *адйе* > *адыйа* > *адайа* > *адай* ²⁰.

Нельзя также сбрасывать со счетов возможность возникновения этнонима *адай* извне, со стороны. Наиболее близкими соседями адаев были туркмены. Исторически легко объяснимо наличие определенного общего пласта родовых названий у казахов Младшего жуза и туркмен: туркм. *тана* (от *емут*) и каз. *тани* (от *байулы*), туркм. *шейх* (от *чавдур*) и каз. *шихлар* (< *шейх*+афф. -лар) (от *байулы*), туркм. *чавдур/чавдор* (от *тюркмен*), *кара чаудур* (от *чавдур*) и каз. *чаудар* (от *турум* — *дюрткара*) и т. п. ²¹ По одному из казахских родословных преданий, туркмены и казахи — кровные братья ²². У туркмен сохранилось выражение *аслыңы йитирсең газак ал, одуңуң гугарса тезек ал* 'если ты утратил физический облик своих предков, то женись на казашке, и если у тебя кончились дрова (топливо), то топни кизяком' ²³, свидетельствующее о весьма тесных взаимоотношениях адаевских казахов и мангышлакских туркмен в прошлом. Монголоидные черты у туркмен служили веским доказательством принадлежности человека к категории *иг*, т. е. к «чистокровным» туркменам ²⁴. В этой связи интересно сопоставить с *адай* туркменское слово *дайы* 'дядя по материнской линии' ²⁵. Вполне возможно, что некогда туркмены так именовали казахов — родственников с материнской стороны. Позже слово, обозначающее родственную связь, употребляясь по отношению ко всем мангышлакским казахам, могло стать названием рода или родоплеменной группы, обитавшей в этих районах.

ских этнонимах. — В кн.: Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980, с. 22—23; и др.

²⁰ *Нурмагамбетов* Э. Қазақ тілі говорларының батыс тобы. Алматы, 1978, 17—21-б.

²¹ См. соответствующие имена в кн.: *Навишрванов* З. Ш. Предварительные заметки..., с. 98; *Муқанов* М. С. К вопросу о родорасселении..., с. 145; *Аристов* Н. А. Заметки..., с. 379, 380 и т. д.

²² См., к примеру: *Мұқанов* С. Халық мұрасы. Алматы, 1974, 28-б.

²³ *Джикиев* А. Очерк этнической истории и формирования населения Южного Туркменистана. Ашхабад, 1977, с. 155—156.

²⁴ Там же, с. 4, 155—156.

²⁵ Там же, с. 19.

Казахский Младший жуз²⁶ делился, как известно, на три родоплеменных объединения: *байулы*, *алимулы* и *жетыру*. Род *адай* восходит к *байулы*²⁷, включающему в себя 12 или 13 составляющих²⁸. *Адай* подразделяется на *келимберды* и *кудайке*. *Келимберды* включает в себя подразделения *акбан* (*акпан*), *кунанорыс*, *бузау*, *балыкшы*, *тобыш*, *мугал*. *Кудайке* состоит из *тажике* (*тазеке*) и *косай*²⁹. Потомков *кудайке* называют *туркменадаями*, что свидетельствует о включении в состав адаевцев туркменских родовых подразделений. Уран рода *адай* — *бекет*, тамга У, называемая *оқ* 'стрела' или *садақ* 'лук'³⁰. В середине XV в. адаевцы в составе казахов, подвластных Джанибеку и Гирею, откочевывают в районы западного Семиречья. Лишь через три столетия адаевцы возвращаются на Мангышлак. В начале XVII в. они обитают по Сырдарье (близ Саурана)³¹. В начале XIX в. адаевцы своими кочевьями занимали на западе восточные берега Каспийского моря, на востоке — территорию от западных берегов Аральского моря до Мугоджарских гор, на юге — южные склоны Устюрта и район Кендерлинского залива, на севере — пески Тайсойгана, реки Орь, Эмбу, Сагыз, Ойыл³². Своеобразие климатических и географических

²⁶ «Младший жуз... занимал территорию около 850 000 кв. верст... Население Младшего жуза в начале XIX века по некоторым данным насчитывало более полумиллиона человек...» (Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1982, с. 11 и др.).

²⁷ *Байулы* 'богатый сыновьями' (Харузин А. К вопросу о происхождении кирг. народа — Этногр. обозрение. М., 1895, г. 7, кн. 26).

²⁸ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1979, т. 2, с. 250; Аристов Н. А. Заметки..., с. 379, 384—385 и др.; Муканов М. С. К вопросу о родорасселении..., с. 145.

²⁹ Ср. другие генеалогии: Аристов Н. А. Заметки..., с. 380; *Благрамберг*. Земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. — Военно-статистическое обозрение Российской империи. Спб., 1848, т. 14, ч. 3, с. 11, 84; Евреинов А. Внутренняя, или Букеевская, киргиз-казацья орда. — Современник, 1851, т. 29, № 10, с. 73.

³⁰ Ср. тамгу *адаев* † (Ищенко М. М., Казбеков И. С., Ларин И. В., Щелоков Б. К. Особенности сельского хозяйства адаевского уезда. Л., 1928, с. 101).

³¹ Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов, с. 86—87.

³² Турсунова М. Из истории казахов Мангышлака в первой половине XIX века. — Тр./Ин-т ист., арх. и этнографии АН КазССР, 1961, т. 11, с. 174.

условий наложило отпечаток и на хозяйство адаевцев, которое «здесь было более отсталым, чем в других районах Казахстана»³³. В 1870 г. адаевцев насчитывалось около 14 тыс. кибиток³⁴.

Сүйіндік. Т. Д. Джанузаков среди этнонимов, не потерявших связи с апеллятивами, отмечает и *сююндик* '(мы) восхищались, восторгалась'³⁵. Сходную этимологию записал в свое время Н. Я. Коншин («на основании слов одного очень известного в Семиреченской области киргиза, не пожелавшего, чтобы его фамилия была напечатана») ³⁶. Позже М. И. Фетисов установил, что информатором Н. Я. Коншина был Абай Кунанбаев³⁷.

Не следует, однако, исключать возможность этимологизации данного этнонима в другом направлении. Род *сююндык* входил в состав крупного племени Среднего жуза *аргын*, которое занимало территорию (большую часть) Центрального Казахстана. В конце XIX — начале XX в. казахи рода *сююндык* проживали в Павлодарском уезде (нынешняя Павлодарская обл.). До нашествия джунгаров *аргыны* кочевали на юге Средней Азии — на Сырдарье, затем частично ушли на юг, к Самарканду, часть — на север, в районы Центрального Казахстана³⁸.

В составе рода *сююндык* имеются следующие подразделения: *токшара*, *мажик*, *кулболды*, *жанболды*, *орманшы*, *каржас*. Поколение *токшара* состоит из ветвей: *та-наш*, *мурат*, *рыскул*. К поколению *мажик* относятся под-

³³ Там же, с. 181; интересно сравнить: в 1851 г. среди родов, «в которых почти всякий богат» (в Букеевской орде) есть и адаевцы (*Евреинов А.* Внутренняя, или Букеевская, киргиз-казачья орда, с. 87).

³⁴ *Турсунова М. С.* К вопросу о восстании казахов-адаевцев на Мангышлаке в 1870 г. — Изв. АН КазССР. Сер. ист., 1958, вып. 1, с. 45 и др.

³⁵ *Джанузаков Т. Д.* Очерк казахской ономастики. Алма-Ата, 1982, с. 76.

³⁶ *Коншин Н. Я.* Заметка о происхождении родов Средней киргизской орды. — Памятная книжка Семипал. области на 1900 г., Семипалатинск, 1900, вып. 4, с. 119—126.

³⁷ *Фетисов М. И.* Зарождение казахской публицистики. Алма-Ата, 1961, с. 235—242; см. также: *Масанов Э. А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966, с. 253—254.

³⁸ *Востров В. В., Муқанов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов, с. 69—70.

роды *малай, жадыгер, койлыбай, шагырбай*. *Кулболды* объединяет *айдабол, кулюк, кабан, майлытон, акбура, тулпар, наурыз* и *шегыр*. В поколении *орманшы* имеются подразделения *кайдаул, отек, тылес*. Родовые подгруппы *алтынторы, кулке* и *сатылган* входят в поколение *каржас*³⁹. Уран и тамга *сюондыков* общеаргынские.

Уже предварительное сопоставление имеющихся в нашем распоряжении⁴⁰ родословных схем-таблиц родов *адай* и *сүйіндік* показывает некоторую общность их этнического состава, или иначе — наличие общего пласта этнонимов. Приведем конкретные примеры совпадений, часть которых может быть случайной, выделяя только общие (совпадающие) названия и в некоторых случаях указывая варианты *сюондыковских* этнонимов. В скобках приводятся указания на место этнонима в структурной лестнице рода, ср. *жаубасар (тобыш — ораз — шегем — жаубасар)* у адаевцев и *джаубасар (тошкара — алимбет — алтай — тортсары — мурат — джаубасар)* у *сюондыковцев*. Вначале даем название адаевского подрода, затем его предполагаемую параллель из рода *сюондык*:

жаубасар (тобыш — ораз — шегем — жаубасар) и *джаубасар (тошкара — алимбет — алтай — тортсары — мурат — джаубасар)*;

³⁹ Ср.: *Аристов Н. А.* Заметки..., с. 362, 363.

⁴⁰ Нами были использованы генеалогии вышеназванных родов из следующих источников: Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей: Семипалатинская область. Т. 4. Павлодарский уезд. Воронеж, 1903; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей: Акмолинская область. Спб., 1907. Т. 3. Акмолинский уезд; *Красовский М.* Область сибирских киргизов. Спб., 1868. Часть 1. Материалы для географии и статистики России, с. 329—386. Раздел «Происхождение жителей, их разделение и размещение на местности в различные времена года. Кочевое население области; Казаки: Антропологические очерки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Л., 1927, вып. 3. Сер. Казакстанская, с. 58—82; *Тынышпаев М.* Материалы к истории киргиз-казакского народа. (Читаны в Туркестанском отделе РГО в 1924 и 1925 гг.). Ташкент, 1925; *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968; *Турсунова М.* Из истории казахов Мангышлака в первой половине XIX века. — Тр./Ин-т ист., арх. и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1961, т. 11, с. 179—180.

кошкар (келимберды — жамбай — кошкар) и кошкар (токшара — алимбет — алтай — рыскул — кошкар), ср. аккошкар (кулболды — акбура — акксикар);

айдабол (келимберды — жамбай — айдабол) и айдабол (кулболды — айдабол);

кайдаул (келимберды — жантуган — жортыс — тоныс — шегембай — кайдаул) и кайдаул (урманчи — кайдаул);

бегей (тобыш — бегей) и богай (?) (урманчи — утек — богай);

жангозы (мугал — али — жангозы) и джангозы (кулболды — айдабол — джангозы);

коскулак (мугал — жаулы — коскулак) и коскулак (кулболды — айдабол — джангозы — толебай — коскулак);

базар (мугал — жаулы — жары — базар) и базар (кулболды — клюк — сексен — базар);

наурызек (мугал — жаулы — коскулак — наурызек) и науруз (кулболды — клюк — науруз) (?);

раймберды (мугал — баимбет — раймберды) и рай, раймбек (кулболды — клюк — сексен — рай, раймбек) (?);

жаулы (мугал — жаулы) и жаулыбай (каржас — кулуке — анай — жаулыбай);

ораз (тобыш — ораз) и оразкельды (сююндык — оразкельды);

кокан (тобыш — ораз — шегем — кокан) и кокон (кулболды — акбура — кокон) (?);

кенже (келимберды — бузау — айтумас — шылым — ордек — кенже) и кенже (кулболды — акбура — кенже);

есен (келимберды — бузау — айтумас — шылым — ордек — есен) и есен (кулболды — акбура — джетыбай — есен);

жеменей (келимберды — бузау — жеменей) и джаманай (айдабол — джаманай) (?);

назар (мугал — жаулы — жары — назар) и назар (алтынтуре — джулембет — назар), ср. бай-назар (айдабол — тангельтар — бай-назар);

кунанорыс (келимберды — кунанорыс) и урус (айдабол — малгозу — урус) (?);

баимбет (мугал — баимбет) и баимбет (айдабол — малгозу — баимбет);

жолай (мугал — шогы — жолай) и жолай (джангозу — тюлебай — жолай [джолан?]);

kozyбах (тобыш — ораз — шегем — козыбах) и козубак (айдабол — джангозу — козубак);

кул (тобыш — альмамбет — кул) и кулбай, кулболды (каржас — кулуке — анай — кулбай);

альмамбет (тобыш — альмамбет) и мамбет (кулболды — шегыр — мамбет), мамбет (каржас — кулуке — сатылган — мамбет);

утекул (тобыш — альмамбет — утекул) и утек (урманчи — утек) (?);

атамбек (келимберды — баимбет — раимберды — текей — атамбек) и атамбек (каржас — сатылган — атамбек);

мырза (кудайке — косай — мырза) и сарымурза, бекмурза (кулболды — клюк — науруз — шалабай — акай — сарымурза, бекмурза); акмурза (каржас — кулуке — анай — акмурза);

есенгул (кудайке — косай — байбол — есенгул) и есенгул (урманчи — кайдаул — есенгул);

косай (кудайке — косай) и косай (урманчи — тлес — арыкпан — косай);

кедей (келимберды — бузау — жеменей — кедей) и кедей (мажик — жадыгер — сары — кедей);

жедыгер (мугал — баймбет — раимберды — жедыгер) и жадыгер (мажик — жадыгер);

мамбеткул (кудайке — тазыке — байбол — мамбеткул) и мамбеткул (мажик — жадыгер — ауэк — сейткул);

байбол (кудайкул — тазыке — байбол) и байбол (мажик — жадыгер — косан — байбол);

ырысай (келимберды — баимбет — раимберды — ырысай) и рыспай (?) (мажик — жадыгер — косан — есембай — рыспай) и т. д.

При детальном сопоставлении более полных шежере *адай* и *сүйіндік* можно, очевидно, выявить большее число схожих этнонимов. Так, по одной из рукописных родовых словных рода *сүйіндік*, находящихся у нас, в составе поколения *каржас* отмечен этноним *кудайкул* (<анай<

<тели < кулке < каржас). Последний этноним ассоциируется с наименованием поколения рода *адай* — *кудайке*⁴¹. Так же подрод *малай* поколения *мажик* рода *сююндык* (по схеме М. Тынышпаева) можно сравнить с адаевским этнонимом *малай* в поколении *келимберды* (*келимберды* — *тобыш* — *ораз* — *шегем* — *малай*). Конечно, совпадение названий типа *базар*, *есен*, *кенже*, *кул*, *мырза*, по-видимому, совершенно случайно. Тем не менее совпадения типа *жаубасар*, *айдабол*, *кайдаул*, *коскулак*, *коккан*, *kozyбак* и т. п. позволяют предположительно считать некоторую их часть неслучайной.

Общий пласт этнонимов в родоплеменных группах *адай* и *сүйиндик*, возможно, сигнализирует о некоей общности их происхождения. В материалах по этнографии других тюркских народов этноним *адай* нам не встретился. Этноним же *сүйиндик* отмечен в составе племени *ктай* каракалпаков — *сүйиндик*⁴², племени *ак-ногай* — *суйундик* — у ногайцев⁴³, в структуре узбекского племени *локай*⁴⁴, туркменского племени *йомут* (*союзджек*)⁴⁵ и пр.

В пользу древности происхождения этнонима *сүйиндик* свидетельствует следующее. Согласно родословным якутов их генеалогия выглядит так: *өксуһу* — *майәрәм сүпнү* — *хорохой* — *айал* — *өрөс куөл дьулдъыгын* — *туортугул* — *хайаран* — *омогой*⁴⁶. Имеется и другой вариант генеалогии: *өксүсү* — *майәрәм сүпнү* — *хорохой* — *аргын* — *ајал* — *өрөс күүл Жулжыгын* — *түөртүгүл* — *хайаран* — *омогой*, *älliäi*⁴⁷. *Омогой* и *Эллей* считаются ле-

⁴¹ Ср. род *кудайкул* (<курман < кутлучатам < маскар < байулы) у Н. А. Аристова (Заметки..., с. 380).

⁴² *Жданко Т. А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. — Тр./Ин-т этнографии АН СССР, 1950, т. 9.

⁴³ *Баскаков Н. А.* Ногайский язык и его диалекты. М.; Л., 1940, с. 135 и др.

⁴⁴ *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.

⁴⁵ *Васильева Г. П.* Из истории туркменского населения западных районов Ташаузской области. — Тр./Ин-т ист., этнографии и археологии АН ТуркмССР, 1963, т. 8, с. 10—35.

⁴⁶ *Эргис Г. У.* Исторические предания и рассказы якутов. М.; Л., 1960, ч. 1, с. 302 (родосл. табл. № 1).

⁴⁷ *Пекарский Э. К.* Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими. — Зап. ИРГО по отделению этнографии: (Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина), 1909, т. 34, с. 145—156 (см. Приложение).

гендарными прародителями всех якутских племен. В приведенных перечнях наше внимание привлекли следующие этнонимы: *майрам суппу*, *аргын*, *туорт-угул* и *орос куол жулжыгын*. Казахское племя *аргын* состоит из шести родовых объединений: *мейрам* (*мейрам сопы/софы*), *аксофы*, *карасофы*, *сарысофы*, *темирсофы* и *надирсофы*⁴⁸ (везде *софы/сопы*). Родовое объединение *мейрам сопы* подразделяется на *куандык*, *сююндык*, *бегендык*, *шегендык* и *каракесек*. *Сююндык* в свою очередь распадается на *токшара*, *оразкельды*, *каржас*, *оразкельды* делится на *тортуул* и *мамык*, от *тортуул* — *урманчи*, от *мамык* — *кулболды*, *джанболды* и т. д.⁴⁹ В вышеприведенных шежере якутов и казахского рода *сююндык* сопоставимы *оразкельды* и *ороскуолдулдыгын* (?), *тортуул* и *туорт-угул*, *мейрам* (варианты: *мейрам сопы/мейрам софы*) и *майрам суппу*.

Оногой (вариант *Омогой*) и другие якутские племена, по Н. А. Аристову, выходцы с юго-востока Байкала. Подтверждением тому, по мнению автора, является название деревни *Онохой* на реке *Аргун*⁵⁰. По материалам «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского, *Аргын*, *Мәҗәрәм сүппү*, *Өрөс Күөл Жул-Жыгын* — имена предков якутов⁵¹, причем, по-видимому, имена непереводимые⁵². *Аргун* встречается также и в хакасском⁵³ и некоторых других языках.

Еще одним косвенным свидетельством раннего происхождения *сүйүндик* (по сравнению с *адай*) является тот факт, что в составе рода *сүйүндик* отсутствует этноним *адай*, тогда как в генеалогии адаевцев имеется родовая подгруппа *суйндык* (*келимберды* — *жамбай* — *суйндык*).

Якуты в течение ряда столетий были изолированы от других тюркских народов тунгусскими, палеоазиатскими

⁴⁸ Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов, с. 70.

⁴⁹ См.: Материалы по киргизскому землепользованию... Воронеж, 1903.

⁵⁰ Аристов Н. А. Заметки..., с. 333.

⁵¹ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Спб.; Л., 1907—1930, т. 1—3, с. 43, 145, 1543, 1962.

⁵² Там же, с. 859: *Жул-Жыгын* часть имени *Өрөс Күөл Жул-Жыгын* и т. п.; для *күөл* ср. *күөл* 'озеро' (на с. 1314).

⁵³ Джанузаков Т. Д. Очерк казахской ономастики, с. 55.

и другими племенами. Разделение древних тюркских племен на восточных и западных, как известно, проходило в несколько этапов. Первый этап был связан с распадом хуннского племенного союза на восточных и западных хунну. Второй этап дробления тюркских племен был вызван падением Тюркского, Уйгурского и Кыргызского каганатов. Третий этап был обусловлен завоевательными походами Чингисхана. После XIII в. контакты между западными тюрками, в составе которых находились племена, вошедшие позже в структуру казахского народа, и восточными, к числу которых причисляют якутов, прекратились.

На основании вышеприведенных данных сопоставления двух родоплеменных групп можно предположить, что исторические пути родов *адай* и *сүйіндік* некогда перекрещивались. Вполне возможно, что тамга адаевцев была ранее иной (сююндыковской?). На эту мысль наталкивает поразительное внешнее сходство адаевских (под названием *оқ* 'стрела' или *садақ* 'лук') и туркменских тамг (под названием *газаяклы*). Причем по материалам М. Кашгарского, Рашид ад-дина, Абулгазы и других достоверно известно, что тамга *газаяклы* была основной у туркменских племен, начиная с XI в. В результате специального сопоставления тамг к такому же выводу приходит А. Джикиев: «Вероятно этот знак, как и некоторые другие знаки, был ими (адаевцами) позаимствован от живших здесь до них туркмен»⁵⁴.

И, наконец, приведем еще один интересный факт. В 1871 г. некий казах из рода *жагалбайлы* Младшего жуза поведал К-ну А-ву легенду о происхождении казахов, которую тот опубликовал в печати. По данным неизвестного нам информатора, *Улы (жуз)* составили племена *дулат, джалаир, атбан-суван, Урта (жуз)* — *аргын, кипчак, адай* (sic! — Т. И., Е. К.) и прочие, *Кичи (жуз)* — *чумекей, чикли, дюрткара, алчин, табын, бокай* и *джегалбайлы*⁵⁵.

⁵⁴ Джикиев А. К истории расселения туркмен-салыров в XVI — начале XX в. — В кн.: Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965, с. 4—5.

⁵⁵ К-н А-в. Предание киргиз-кайсаков о своем происхождении. — Воскресный досуг, 1871, № 32, 15 августа, с. 107.

Вполне возможно, что *адай*, указанный в составе племен Средней орды выходцем из Младшего жуза во второй половине XIX в., есть всего лишь результат небрежности или ошибки. Также возможно, что совпадение нескольких десятков этнонимов сопоставляемых родов — чистая случайность. Не менее вероятен и прямо противоположный вывод. Но еще вернее — не торопиться с выводами. Для более или менее полного уяснения реальной картины взаимоотношений конкретных родов, родовых групп или родовых объединений необходим фронтальный обзор их структур (*шежере*) с привлечением данных этимологического анализа, фольклора, истории и этнографии. Об этом убедительно говорят вышеприведенные материалы, выявленные в результате изучения двух казахских родов в плане рассмотрения этнонимических данных.

Г. Ф. САТТАРОВ (Казань)

МОНГОЛИЗМЫ В ТОПОНИМИИ ТАТАРИИ

Исключительно благоприятно географическое положение Татарии, находящейся на слиянии двух крупных рек Восточной Европы — Камы и Волги, по которым проходили важнейшие пути, соединявшие Азию с Европой, юг с севером, восток с западом, с древнейших времен являвшейся местом «стыка», местом обитания и активных исторических действий многочисленных и разноязычных племен и народностей. На этой территории сконцентрировались топонимы, относящиеся к разным языковым семьям, в том числе и антропотопонимы, связанные с личными именами, а также с лично-индивидуальными и семейно-родовыми прозвищами. Как справедливо указал профессор В. И. Абаев, «народы и племена, сменяя друг друга на определенной территории, не исчезают бесследно. Каждое новое племя получает и сохраняет кое-что от своих предшественников. Это «кое-что» может быть малым и скромным, скажем, какое-то количество топонимов, но может быть и весьма значительным...»¹.

Особенности лингво-этнической истории Татарии обусловили наличие здесь разнообразных по языковой принадлежности наименований: тюркских (собственно татарских, болгарских, башкирских, чувашских и др.), финно-угорских (марийских, удмуртских, мордовских и др.), славянских (главным образом, русских), в небольшом количестве иранских и монгольских, многочислен-

¹ Абаев В. И. О происхождении фонемы в славянском. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 115.

ных смешанных или гибридно-контаминационных, наконец, названий пока с невыявленной языковой принадлежностью.

В настоящее время наиболее мощный пласт наименований, бесспорно, составляют топонимы собственно татарского происхождения. Так, в частности, они преобладают среди названий населенных пунктов. Из всех 3708 названий населенных пунктов Татарии² 1987 (53,6%) являются собственно татарскими по происхождению.

Основную часть антропотопонимов Татарии также составляют оригинальные, собственно татарские образования, количество же наименований иноязычного происхождения не превышает одной пятой всего собранного материала³. В абсолютном своем большинстве татарскими по происхождению оказываются и микротопонимы, известные лишь местному населению.

Единицы выявленных и описанных топонимических монголизмов распределены на территории Татарии неравномерно. «Островки» обнаруженных топонимических, этно- и антропотопонимических монголизмов находятся, главным образом, в Нагорной стороне (на территории современных Апастовского и Буинского р-нов) и в Закамье (на территории современных Высокогорского, Балтасинского и Кукморского р-нов). Их значительно меньше в Закамье.

Монголизмы в системе топонимии Татарии мы разделяем на три группы: 1) общие для татарского и монгольского языков географические наименования общеалтайской номенклатуры и производные от них топонимы (древний период); 2) топонимы, этно- и антропотопонимы, возникшие в золотоордынский период (XIII—XV вв.); 3) антропотопонимы, образованные от антропотопонимических монголизмов (от монгольских личных имен, вошедших в татарский антропотопонимикон) послезолотоордынского периода (с начала XVI в. по настоящее время). Рассмотрим подробно каждую из них.

1. В татарском языке имеются географические тер-

² См.: Татарская АССР: Административно-территориальное деление на 1 января 1972 года. Казань, 1973.

³ См.: Саттаров Г. Ф. Татарская антропотопонимия и этнолингвистические связи. — Советская тюркология, 1978, № 3, с. 23.

мны и производные от них наименования, восходящие к общеалтайской географической номенклатуре, общей для татарского и монгольского языков. К таковым относятся: монг. *гол* река, речное русло; долина; овраг; бур. *гол* 1) река, долина реки; 2) середина, центр, сердцевина, стержень, ось; 3) станова жила (у животных); калм. *гол* русло, речная долина, река; др.-тюрк. *qol* долина⁴; азерб. *гол* приток (реки); башк. *кул* (диал. *гол*) низина, лощина, овраг; к.-к. *кзол* небольшой арык, берущий начало от основного канала и подающий воду на участок; тув. *хол* сухое русло; туркм. *гол* низина, низменность (маленькая); долина; хак. *хол* долина; сухое русло реки; лог; тат. диал. (в мензелинском, бирском и златоустовском говорах) *кул*, *кол* ~ *гол* низина, овраг; долина (ср. *қулар* долина, углубление между холмами, лощина — в говоре уральских татар⁵).

Отсюда микротопонимы: *Яманкул*, досл. 'Дурной овраг' — у села Сармашбаш Сармановского р-на (ср. *Яманкул чокыры* 'овраг Яманкул' в романе Г. Ибрагимова «Глубокие корни»), *Тарангол* — назв. глубокого оврага у села Большие Ачасыры Зеленодольского р-на. (из чув. *таран* глубокий + монг., тат. диал. *гол* река, овраг).

Топонимический формант *гол/кол/кул* употребляется не только в рамках монгольских и тюркских языков, но и шире. Он имеет место и в тунгусо-маньчжурских языках: *гол/голо* (<монг.) 1) стержень, основа; 2) река; сущность, основание; маньчж. *гзоло* 1) стержень, русло, фарватер (реки); 2) долина; 3) полоса земли между двумя реками; 4) дорога; 5) страна между двух рек; 6) гряда; 7) шов; 8) область; кор. *кол* долина⁶.

Таким образом, можно с достаточным основанием считать, что географический номенклатурный термин *гол/кол/кул* является общеалтайским и очень древним по генезису.

Монг. *ов̄/ов̄о* отдельная горка, холм; гряда камней; пограничный знак; бур. *обоо* 1) куча, груды; насыпь; курган; 2) устар. *обо* сопка, где совершался религиозный

⁴ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 453.

⁵ См.: Татар теленен диалектологик сүзлеге. Казан, 1969, с. 209.

⁶ См.: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975, т. 1, с. 160.

обряд; маньчж. *обо* холм, сопка (на верху горы); тур. диал., карaim., карач. -балк., ног. *оба* 1) куча камней; 2) курган, холм, горка; кирг. *обача* ~ *обочо* бугор, холм, курган⁷; башк. *уба* курган, холм; тат. диал. 1) в говорах нагайбаков и камышлинских татар *уба* — небольшая возвышенность, в языке сибирских татар *уба* — возвышенное место; 2) в говорах мензелинских и оренбургских татар *уба* — небольшая яма, нора. Ср.: *Уба* — название татарской деревни Бавлинского р-на, *Убабаш* — название поля (село Ибраево — Каргали Черемшанского р-на), *Убатал кыры* — поле Убатал (дер. Курмашево Апастовского р-на), *Уба чокыры* — овраг *Уба* (село Деушево Апастовского р-на, село Юртыш Высокогорского р-на). Топонимы *Обо*, *Обота*, *Обо-Аршан*⁸, *Шандалиин обоо*, *Хабчилай обоо*, *Адагилигай обоо*, *Хан уула 'Хан-гора'*⁹ и т. п. довольно широко распространены в Бурятии.

Монг. *жалга*, бур. *жалга/ялга*, эвенк. *дэлгэ*, тув. *джалга* овраг, ложбина, лог, падь, ров; каз. *жилга* ручей, река в овраге; башк. *йылга*, тат. *елга/жылга* река, в казанских говорах среднего диалекта татарского языка *жылга* — сухой овраг. В Татарии довольно много рек и селений, в состав наименований которых входит общепалта́йский по-своему происхождению географический номенклатурный термин *жылга/елга* 'река': *Кара Елга* Черная река, *Зур Елга* Большая река, *Тирэн Елга* Глубокая река и т. п. (реки); *Таш-Елга*, *Ташлы Елга* Каменная река, *Карамалы Елга* Вязовая река, *Олы Елга* Большая река, *Кече Елга* Малая река, *Елгабаш*, букв. Исток реки, *Куш-Елга* букв. Сдвоенная, спаренная река, *Чума-Елга* букв. Окунуться, нырнуть река, *Нарат-Елга* букв. Сосна-река, *Үгез-Елга* букв. Бык-река и другие (селения).

2. Монгольские топонимы, антропо- и этнонимы Татарии в целом восходят к XIII—XV вв., т. е. к золотоордынскому периоду. Одни исследователи связывают это с тем, что нагнавшие на Волжскую Булгарию золо-

⁷ См.: Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 398.

⁸ Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969, с. 146.

⁹ Дамдинов Д. Г. О топонимике бассейна реки Онон. — В кн.: Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976, с. 191—192.

тоордынские феодалы, баскаки и другие представители служилого сословия имели в основном монгольское происхождение, монгольское имя, соответствующие монгольские названия различных профессий и административных должностей, свой язык. Как известно по историческим источникам, монголы в Батыевом юрте составляли «военно-административное ядро» и оказывали большое влияние на все стороны жизни в пределах завоеванных территорий¹⁰, в том числе и в Среднем Поволжье.

Другие исследователи полагают, что в составе монгольского войска собственно монголы были представлены в незначительном количестве: «нет сомнения, что (в последующем. — Г. С.) в улус Джучи ушло немалое количество монголов с семьями и со всем своим имуществом, в первую очередь со скотом»¹¹. Поэтому влияние монголов на завоеванных территориях (в интересующем нас аспекте) не могло быть сильным.

В условиях жестокого золотоордынского гнета народы Булгарии стремились сохранить свою национальную самобытность, отказывались от насильственно распространяемого на них имени «татары». Население Булгарии называло себя булгарами, суварями, казанцами (казан кешесе. — Г. С.) или бесермянами. Об этом свидетельствуют многочисленные этнографические памятники с упоминанием этнической принадлежности — «аль-Булгари», «аль-Сувари», а также и то, что большинство ученых и поэтов к своему имени всегда прибавляли и этническое имя — «аль-Булгари»¹². Предположение же, что якобы завоеватели (т. е. татаро-монголы. — Г. С.) перебили булгар и на их месте остались сами, исторически вообще не оправданно¹³.

Естественно, что проживание определенного количества монголов в золотоордынский период в Среднем Поволжье не могло не найти отражения в топонимии Тата-

¹⁰ Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940, с. 54.

¹¹ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950, с. 65.

¹² История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань, 1968, с. 65.

¹³ Закиев М. З. Об истоках основных компонентов языка казанских татар. — Уч. зап. КГПИ, вып. 186; Вопросы татарского языкознания. Казань, 1978, с. 32.

рии. Монголизмы в географических названиях Татарии представлены такими наименованиями, как *Кыят* — русское село в Буинском р-не, которое восходит к монгольскому племенному наименованию (этнониму) *кыят* (у узбеков и каракалпаков и поныне бытует этноним *кайат*¹⁴); *Кулганы* — татарская деревня¹⁵ Апастовского р-на, в основе данного антропотопонима лежит монгольское личное имя *Хулгана* (в татарском произношении *Қолгына*), восходящее, в свою очередь, к монгольскому апеллятиву *хулгана* 'мышь'. Ср. *Сыскан*, *Сысканбай* (от башк. *сыскан* 'мышь') — башкирские личные имена; *Чычкан* — татарская мишарская деревня Комсомольского р-на Чувашской АССР, *Ширка* (от коми-перм. *шыр* 'мышь') — коми-пермяцкое языческое личное имя и т. д. В Нагорной стороне во времена Казанского ханства была татарская деревня *Ундоры*¹⁶, название которой происходит от монгольского апеллятива *ундэр/өндөр* 'высота, возвышенность' (ср. *Ундоры* — название высоты (горы), селения и пристани в Ульяновской области¹⁷). В Монголии широко распространены топонимы и оронимы типа *Ундэр-Улан*, *Ундэр-Шил*, *Баян-Ундэр-Обо*, *Ундыр*¹⁸ и др. В «Сокровенном сказании» встречается упоминание местности *Тэргунэ ундур*¹⁹, букв. 'Высота быстрой'.

Документально известно существование в Заказанье во времена Казанского ханства татарской деревни *Байлангар* на Арской дороге²⁰ (ныне в Кукморском р-не ТАССР). Это название восходит к монгольскому апел-

¹⁴ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 226.

¹⁵ О существовании деревни *Кулганы* во времена Казанского ханства свидетельствует Писцовая книга Свияжского уезда 1565—1567 гг. См.: Списки с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда 1565—1667 гг. Казань, 1909, с. 65.

¹⁶ Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам). — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 291.

¹⁷ Барашков В. Ф. Монголизмы в топонимии Среднего Поволжья. — В кн.: Ономастика Поволжья. Уфа, 1973, 3, с. 252.

¹⁸ Дарбикова В. Д. Оронимия МНР. — В кн.: Ономастика. М., 1969, с. 200.

¹⁹ Козин С. А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941, т. 1, с. 92.

²⁰ Чернышев Е. И., с. 284.

лятиву *байлангир*, бур. *булангир* — мутный, грязный (о воде), калм. *булинггар* — мутноватый, грязноватый. Этот населенный пункт и ныне расположен в среднем течении речки Байлангар, воды которой всегда имеют желтоватомутный цвет.

На Алатской дороге тех же времен известна татарская деревня Сая²¹ (Высокогорский р-н ТАССР). Генезис ойконима *Сая* восходит к монгольскому личному имени тибетского (ламанистического) происхождения: *са-йя/зау-а* — миллион²².

Татарская деревня *Салаусь* на Арской дороге известна также со времен Казанского ханства²³. Ныне в Балтасинском р-не имеются татарские села *Иске Салауч* 'Старая Салаусь' и *Яна Салауч* 'Новая Салаусь'. В Муслюмовском р-не (в Закамье ТАССР) есть татарское село *Салауз-Мухан*. В основе названий селений *Салауч/Салаусь/Салауз* лежат гидронимы *Салауч/Салаус*, происхождение которых генетически связано с монгольскими гидрографическими номенклатурными терминами: монг. *салаа* ветвь, отдел, часть; разветвление; бур. *һалаа* развилина, разветвление; рукав у реки; приток (ср. каз. *сала* 1) приток реки; 2) межгорное понижение типа узкой долины, лощины, ущелья; кирг. *салаа* 1) ложбина (в горах), ложбинка (по которой стекает талая или дождевая вода); 2) промежуток между пальцами; 3) палец; кк. *сала* 1) разветвление (напр., рек); отрог (гор); 2) промежуток между пальцами; перепонка на лапах; тув. *салаа* палец, *салаа сайгыт* кисть руки; хак. *салаа* 1) палец; 2) ветка; як. *салаа* 1) ветвь, ветка; лист; 2) приток, рукав; протока²⁴; небольшая река, являющаяся притоком более крупной реки, реже — исток, верховье реки²⁵ + монг. *ус(ан)* вода, река, бур. *уһа* ~ *уһа(н)* — вода, воды, река. Следовательно, наименования *Са-*

²¹ Там же, с. 288.

²² *Джанузаков Т. Дж.* Основные проблемы ономастики казахского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1976, с. 40.

²³ *Чернышев Е. И.*, с. 287.

²⁴ *Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979, с. 87.

²⁵ *Гриценко К. Ф.* Названия рек и озер Якутии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1967, с. 3.

лауч/Салаус/Салауз означают 'разветвление, приток реки'. Происхождение наименования татарской деревни *Салагыш* Агрызского р-на ТАССР, по всей вероятности, связано с названием башкирского рода *салагыш* племени *байлар* ²⁶.

Ф. Г. Гарипова в Заказанье обнаружила два гидронима монгольского происхождения. Это названия рек *Чаган* (бассейн реки Шошмы) и *Далбасар* — приток реки *Ашит* ²⁷.

В татарском литературном языке и в диалектах татарского языка слово *чаган* значит клён, в монгольском языке *цагаан/чагаан* 1) белый; 2) клён; в бурятском — *сагаа/н/* белый, светлый, *сагаан үлтэнэг* клён (досл. белый дуб), в башкирском — *саган* клён. Считают, что слово *чаган* в татарском языке заимствовано из монгольского ²⁸.

Основу гидронима *Далзабар* составляет диалектное слово *далзабар*, которое в дубъязско-атнинском говоре заказанской группы говоров среднего диалекта татарского языка значит 'просторный, широкий, большой'. Это слово встречается в монгольском, бурятском и киргизском языках. В монгольском и бурятском *далбагар*, в киргизском — *далбагай* употребляется в значении 'широкий' ²⁹.

В Черемшанском р-не (в Закамье) имеются татаро-мишарские села: *Югары Чыгдай* 'Верхняя Чегодайка' и *Түбэн Чыгдай* 'Нижняя Чегодайка'. Антропотопоним *Чыгтай* восходит к монгольскому личному имени *Чагатай*.

3. К антропотопонимам послезолотоордынского периода образования, восходящим к пришедшим в татарский антропонимикон монгольским личным именам, мы относим единицы, которые возникли со второй половины

²⁶ См.: *Саттаров Г. Ф.* Этнонимы в топонимии и антропонимии Татари. — В кн.: Исследования по татарскому языку. Казань, 1977, с. 42.

²⁷ *Гарипова Г. Ф.* Гидронимия Заказанья Татарской АССР (бассейнов рек Ашит, Казанки, Меша, Шошмы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1975, с. 14—15.

²⁸ *Фасеев Ф. С.* Татар телендә терминология. Казан, 1969, с. 189.

²⁹ *Садыков С. С.* Тюрко-монгольские параллели. — В кн.: Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе, 1966, с. 145.

XVI в. по настоящее время. Такими антропотопонимами в нашем регионе являются:

Сарман (в официальном русском употреблении *Сарманово*) — название татарского села (основано в XVIII в. татаринном *Сарманом*, имя которого восходит к монгольскому личному имени *Сармандав*: монг. *сар* луна + *мандав* взошла) и района ТАССР.

Корчи — название речки (притока Ика) в Азнакаевском р-не, восходит от татарского личного имени *Корчи* (по данным татарских шеджере, на берегу этой речки татарин *Корчи* жил 200 лет тому назад), происходящего от монгольского апеллятива *корчи* 'стрелок' (корчи составляли род гвардии при ханах³⁰). У карачаевцев и балкарцев личное имя *Курчи* бытует и в настоящее время³¹. Ср. также: *Курчи* — название гагаузского села на юго-западной Украине³².

Чыңгыз — название поселка в пригороде Казани, где первым в 1948 г. поставил свой дом татарин *Чыңгыз*. И ныне бытующее у татар личное имя *Чыңгыз* восходит к монгольскому апеллятиву *чынгыз* 'великий', 'сильный'.

Как видим, рассмотренные антропотопонимы возникли уже в XVIII—XX вв. на татарской (хотя и монгольской по происхождению) антропонимической основе.

По сведениям Г. К. Конкашпаева, на территории Казахстана имеется свыше 200 собственно монгольских топонимов³³. По А. Дз. Цагаевой, тюрко-монгольский слой в топонимии Северной Осетии включает свыше 150 географических названий³⁴. По нашим данным, число собственно монгольских топонимов, этно- и антропотопонимов на территории Татарской АССР фактически не превышает 20.

Результаты историко-лингвистического исследования монголизмов в топонимии Татарской АССР подтвержда-

³⁰ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941, т. 2, с. 302.

³¹ Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1965, с. 143.

³² Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973, с. 695.

³³ Конкашпаев Г. К. Географические названия монгольского происхождения на территории Казахстана. — Изв. АН КазССР. Сер. филол. и искусствовед., вып. 1(11), с. 85—98.

³⁴ Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971, ч. 1, с. 145—155.

ют мнение историков о том, что «...не монголо-татары, основатели Золотой Орды, составили основу современного татарского народа. Исходный момент его образования — это, помимо давнишних аборигенов Среднего Поволжья и Приуралья, пришельцы из степных пространств, особенно же тюркоязычные болгарские племена, с которыми смешались другие племена, прибывшие на Среднюю Волгу в разное время: хазары, печенеги и особенно кыпчаки. Некоторая помесь монголо-татарских этнических элементов не «пошатнула» уже сложившейся тюркской основы народности, складывавшейся в Среднем Поволжье»³⁵.

А. А. АБДРАХМАНОВ (Алма-Ата)

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТОПОНИМОВ КАЗАХСТАНА

Этимологические исследования топонимов в Казахстане начались сравнительно недавно — с 50-х гг. И хотя проблемами топонимики вообще занимаются относительно давно и притом представители различных наук, единого и универсального метода этимологизации не было.

Топонимами занимались и географы, и историки, и лингвисты, и каждый из них решал задачи своей науки. Но поскольку топонимы являются категорией языка, они прежде всего должны исследоваться лингвистами. Однако для глубокого анализа семантики, структуры, этимологии топонимов необходимы данные географии, истории, археологии, этнографии, фольклора, а иногда даже

³⁵ Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972, с. 47.

биологии и геологии. Если же за такие исследования возьмутся географы и историки, археологи и этнографы или представители других наук, то они должны знать закономерности образования топонимов и те изменения фонетического и грамматического характера, которые происходят в языке согласно законам его внутреннего развития или под влиянием других языков. Ибо без таких знаний невозможна научная этимологизация топонимов и установление их древней формы в языке-оригинале, а также выяснение следующих вопросов в каждом конкретном случае: адаптированные или искаженные формы и значения данных топонимов, являются ли они субстратом языка коренного населения или заимствованным из других языков.

По нашему мнению, для лингвистического исследования этимологии топонимов необходимо провести (чтобы яснее представить себе лексико-семантические и лексико-грамматические закономерности в образовании топонимов определенной территории) предварительную работу в синхронном плане. Только после такой подготовительной научной разведки можно приступить к этимологическому изучению топонимов. Но как? Нужен метод исследования. Проблема метода исследования этимологии топонимов еще не решена. Основной теоретический спор между топонимистами ведется вокруг вопроса, как вести исследование этимологии топонимов: каким-то особым методом или методом, которым этимологизируются обычные лексические единицы.

По нашему убеждению, в этимологическом исследовании топонимов могут быть дифференцированно применены различные методы. Если топоним образован от географического термина или апеллятива, то этимологическое исследование таких топонимов, на наш взгляд, не должно отличаться от этимологизации обычных слов. Приведем ряд примеров.

Бөген — название реки в Южно-Казахстанской и Джамбулской областях. Корнем слова является глагол *бөгө//бөгө* 'остановить, запрудить', к которому добавлен суффикс *-н*, образующий от глагола существительное.

Этот суффикс функционировал еще в XI в.: от глагола *йамла* 'грызть, глотать' образовано название одного из

видов грызунов — *йамлан* 'грызун' ¹. Казахское слово *жалман* 'хорек' также образовано от этого слова путем метатезы: *жалма* 'грызть, глотать' + -н. Аналогичных слов в казахском языке немало: *ақ* 'течь' + *ын* (суффикс) = *ағын*, *толқы* 'волноваться' + -н (суф.) = *толқын* 'течение' и т. д. Таким образом, данный гидроним образован следующим путем: к *бөге* 'запрудить, остановить' + -н (словообразующий суф.) = *бөгөн//бөген* 'пруд'. Надо полагать, что на таких речках когда-то делали запруды. Как видим, топоним может быть создан из обычного географического термина.

Жем (русский вариант *Эмба*) — название реки в Актюбинской и Гурьевской областях. Этот гидроним в средневековье имел форму *Гем* ². В словаре В. В. Радлова ³ слово *кем* переведено как 'река' (из саянского, сагайского, койболского, качинского наречий). Известно, что тюркские народы Сибири называют Енисей *Кем//Гем* ⁴. *Кем//кан* (с фонетическими вариантами *хем//гем, кен//ген, кан//кен*) в значении 'река' широко распространено на громадной территории: от Дальнего Востока до Индии ⁵. Таким образом, древней формой названия р. *Жем* может быть *Гем*, употреблявшееся в значении 'река'. Доказательством этому может быть наблюдаемое в этом регионе соответствие согласных *г* — *ж*. Например, старое название Аральского моря *Гургон*, *Гурганж*, *Гузон* позже произносилось *Жургон*, *Журганж*, *Жузон* ⁶. Таким образом, древнее *Гем* > *Жем* могло, в сущности, обозначать просто 'река', что было характерно вообще для топонимов того периода.

Қапшағай — название ущелья и города в Алма-Атинской области. Корень слова — *қап//қып*. От него в тюркских языках образованы следующие слова: в киргиз-

¹ Девону луготит турк. Индекс. Тошкент, 1967, с. 442.

² Левшин А. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Спб., 1832, ч. 2, с. 33.

³ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1899, т. 2, ч. 2, с. 1203.

⁴ Там же.

⁵ Мурзаев Э. М. Местные географические термины. — В кн.: Транскрипция географических названий. М., 1960, с. 75.

⁶ Хасанов Х. Урта Осне жой номлари тарихидан. Тошкент, 1965, с. 11.

ском — *капчал* 'скалистое ущелье', *капчыгай* 'горное ущелье', в казахском — *қапшагай* 'ущелье' и т. д. В монгольском языке *хавцал* — 'ущелье', *хавцгай* — 'скала. вершина'. Б. Орузбаева считает, что *кап* является древней формой глагола, от которого и были образованы вышеперечисленные слова. По ее наблюдениям, от данного корня образованы в киргизском языке *кыпчы* 'теснить', в якутском — *хапчай* 'теснить, узить', *хапчан* 'теснота, ущелье' и в монгольском *хабчил* 'узкое ущелье'. По ее мнению, слово *капчыгай* образовано путем прибавления к слову *капчы* суффикса *-гай*, образующего от глагола имя существительное⁷.

Корень *қап//кып* встречается в древнетюркских словах: *қапуғ* 'дверь, ворота', *капчак* 'устье реки', *капга* 'ворота'⁸.

В казахском языке есть словосочетание *қыпша бел* 'тонкая, узкая талия'. Здесь в слове *қыпша* синкретическим корнем является также *кып* 'узкий'. Из вышеизложенного вытекает, что топоним *капшагай* мог быть образован из корня *кап+ша* — суффикс, образующий отглагольное имя, *+гай* — древний суффикс, образующий в тюрко-монгольских языках отыменное имя⁹.

Пройдя такой долгий путь образования, географический термин *қапшагай* стал топонимом.

Мукыр — очень часто встречающееся в Казахстане название рек. По мнению Г. Конкашпаева, это слово монгольского происхождения: 'короткий, замкнутый'. Такие названия часты также и в Монголии и в Китае¹⁰.

На наш взгляд, оно не является заимствованием из монгольского, а термином, общим для тюрко-монгольских языков. В монгольско-казахском словаре второе значение слова *мухар* — 'короткий'¹¹. В казахском языке

⁷ Орузбаева Б. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964, с. 137.

⁸ Девону луготит турк. Индекс, Ташкент, 1967, с. 349.

⁹ Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 184—185.

¹⁰ Конкашпаев Г. Географические названия монгольского происхождения. — Изв. АН КазССР. Сер. филол. и искусствовед., 1959, № 1, с. 93.

¹¹ Хабшай С., Минис Э. Монголша-казакша сөздік. Уланбатор, 1954, 114-б.

имеются слова *мұқыр*, *мұқыл* (имеющие общий корень с монгольским *мухар*) в том же значении. Общеизвестно наличие в монгольском и тюркских языках соответствия *р — л*. Казахское слово *мықыр* (*мықыр кісі* 'человек невысокого роста', букв. 'человек короткий') имеет тот же корень.

Нұра — название реки, протекающей через Карагандинскую и Целиноградскую области. Э. Мурзаев утверждает, что это монгольское слово, означающее 'овраг', 'балка'¹². В современном монгольском языке *нураа* 'изрыть', 'падать', *нуур* — 'озеро'. На наш взгляд, монгольское *нура* и казахское *жыра* — слова однокорневые, имеющие тюрко-монгольскую языковую общность. Еще одним доказательством этого является чередование звуков *н ~ ж* в начальной позиции в монгольском и казахском языках, например:

МОНГ. ЯЗ.

КАЗ. ЯЗ.

нас

наслах

нийлэх

нүдрага

× *нудраглах*

нүүрмаг

жас 'молодой'

жасау 'делать'

жиылу 'собираться'

жұдырык 'кулак'

жұдырықтау 'колстить'

жырма 'канавка' и т. д.

Рассмотренные выше топонимы образованы на основе географических терминов, т. е. апеллятивов. И их этимологизация не имеет принципиальных различий с этимологизацией обычных слов. Кроме того, мы убедились, что этимологические поиски нельзя вести только в одном направлении. По своим целям они достаточно разнообразны: в одних случаях раскрывается значение слова, в других — прослеживаются фонетические изменения корня слова, в третьих — определяются все компоненты (корень, суффиксы) топонима. Например, в этимологическом разборе гидронимов *Жем*, *Мұқыр*, *Нұра* выяснены их семантика и фонетические показатели, а в географических названиях *Бөген*, *Қапшағай* их этимология (корень, суффиксы) раскрыта полностью. При раскрытии семантики топонима учитывалась роль географического фактора, реалий в его формировании.

¹² Мурзаев Э. М. Природа Синьцзяна. М., 1966, с. 348.

В итоге можно заключить, что этимологический поиск велся из обычного или традиционного метода. И поэтому мы предлагаем назвать его **обычно-традиционным методом** исследования этимологии топонимов.

Но в некоторых случаях использования его бывает недостаточно. Он не способствует раскрытию специфических сторон топонимов, которые необходимо учитывать в первую очередь. Приведем примеры.

Казахское название *Алматы* образовано следующим путем: *алма* 'яблоко' + *ты* — суф. производного прилагательного в древних тюрко-монгольских языках, показывающий наличие какого-либо предмета — яблоневого, т. е. место, где растет много яблонь. Данная этимология мотивируется тем, что, во-первых, в Казахстане очень много названий такого типа: *Оленты*, *Шидерты*, *Силеты*, *Ыргайты* и т. д., во-вторых, сочетание согласных *рт*, *нт*, *лт* характерно для древнетюркских языков, в-третьих, древние формы часто сохраняются в топонимах, потому что имеют способность консервироваться. Очевидно, оформление топонима *Алматы* преходило на протяжении большого отрезка времени. При этимологических исследованиях топонимов все это необходимо учитывать.

Общим для географических названий *Ойыл*, *Кыыл* (реки), *Орал* (гора) является то, что здесь к глаголам *ой* 'зарой, копай', *қи* 'отрезай', *ора* 'огнибай, обмотай' прибавляется суффикс *-ыл//л*. Первоначально такие названия, надо полагать, употреблялись в виде *Ойыл өзен* 'Уил-река', *Кыыл өзен* 'Кыыл-река', *Орал тау* 'Урал-гора'. Последнее название в «Книге Большого чертежа» (XVII в.) зафиксировано как гора *Уралтавы*.

Дополнительным доказательством правильности данной этимологии могут служить следующие отглагольные существительные: *құра* 'собирай, шей' + *-л* суф., образующий отглагольные существительные = *құрал* 'орудие, инструмент', *қам* 'загоняй' + *-л* = *қамал* 'крепость', *болжа* 'предлагай' + *-л* = *болжал* 'предположение, гипотеза' и т. д. В современном казахском языке этот суффикс не является продуктивным.

Шайқұрық — название села в Джамбулском р-не Джамбулской области. Топоним состоит из двух компонентов: *чай* в азерб., тур., туркм. языках огузской группы

'река, речка'; каз. *сай* 'балка, овраг, речка' — фонетический вариант данного географического термина + *құрық* 'сухой, высыхающий'. Корнем слова *құрық* является лексема *құр*, общая для тюрко-монгольских языков, от которой в данных языках образованы слова: *куруғ*//*куру* (в др.-тюрк. языках)¹³, *куру* (в тур.), *гуру* (в азерб.), *гуры* (в туркм.), *куру* (в кирг.), *құрғақ* (в каз.), *кургак* (в алт.), *кургаг* (в тув.). Самая древняя форма данного слова — *курук* — сохранилась в узбекском и уйгурском языках. Слова *хуурай* 'сухой' в бурято-монгольских языках и *хуурэ* в калмыцком — однокорневые.

Итак, в огузской группе языков первый компонент топонима *Шайқұрық чай*//*шай* имеет значение 'речка, балка', а второй — *курук* — в древнетюркских языках значил 'сухой, высыхающий'. Топоним расшифровывается таким образом: 'высыхающая речка' и 'сухая балка'.

Согласно грамматическому строю современных тюркских языков название должно иметь форму *қуруқчай*//*қурықшай*.

Чем же объяснить обратный порядок этих лексем?

Ответ на этот вопрос мы находим в трудах проф. Х. Жубанова, который писал: «Общеизвестно, что в казахском предложении существует довольно строгий порядок расположения слов. Незыблемый закон размещения членов предложения, общий для всех тюркских языков, может быть сформулирован в следующем виде: определение предшествует определяемому, дополнение дополняемому и все члены предложения — сказуемому.

Однако этот порядок расположения слов, очевидно, не был изначальным. Ибо в самом современном казахском языке налицо значительные перебои, что заставляет задумываться над причинами подобного нарушения норм существующего синтаксиса языка и видеть в них образцы норм, некогда господствовавших, но затем вытесненных новыми»¹⁴.

Исследователь для подтверждения своей мысли приводит не только устойчивые словосочетания типа *күн ұзаққа* 'день долгий', *сүт кенже* 'молоко'+ 'младший из

¹³ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 469.

¹⁴ Жубанов Х. Исследования по казахскому языку. Алма-Ата, 1966, с. 33.

детей', имеющие отклонение от синтаксической нормы современного казахского языка, но и ярко выраженный ономастический материал, сохраняющий древние формы языка. Как полагает он, имена людей, например: *Күнсұлу* 'солнце красивое', *Айсұлу* 'луна красивая', *Таңсұлу* 'утренняя заря красивая', *Күнжарық* 'солнце светлое', *Айжарық* 'луна светлая', *Таңжарық* 'утренняя заря светлая' — не могут быть синтаксически расшифрованы в пределах норм современного казахского языка. По современной синтаксической норме они должны быть построены в виде *Сұлу күн* 'красивое солнце', *Сұлай* 'красивая луна' и т. д. По мнению автора, такой порядок слов был первичным, что и подтверждается на примере топонима *Шайкурык*, ибо здесь определение (*құрық* — сухой) находится после определяемого слова (*шай/чай* — речка).

В пользу данной этимологии можно привести еще два доказательства: во-первых, огузские племена в VIII—IX вв. действительно жили вдоль Сырдарьи и на юге Казахстана, во-вторых, в данной местности имеется старое речное русло, по которому весной идут талые воды. Вся эта совокупность лингвистических, и дополнительных исторических и географических сведений убедительно доказывает достоверность этимологии данного топонима.

Подобный подход в этимологических исследованиях мы, опираясь на теоретические положения известного советского лингвиста Б. А. Серебренникова по этому вопросу¹⁵, предлагаем называть специфическим топонимическим методом.

Другим, не менее рациональным путем исследования этимологии топонимов является применение комплексного метода. На его преимущество указывали В. Абаев, А. Белецкий, А. Дульзон, А. Искаков, Э. Мурзаев, А. Матвеев, В. Никонов, А. Попов, Б. Серебренников, Э. Севортян и некоторые другие исследователи.

Комплексный метод этимологизации топонимов предполагает использование данных лингвистических, географических, исторических и других наук. Приведем примеры.

¹⁵ *Серебренников Б. А.* О методах изучения топонимических названий. — Вопросы языкознания, 1959, № 6.

Баянжурек — название горы в Талды-Курганской области. Этот ороним, заимствованный из монгольского языка, состоит, на наш взгляд, из двух компонентов: *баян* 'богатый' + *зураг* 'рисунок, наскальное изображение'. Данная этимология опирается на то, что, во-первых, переход монгольского *з* в *ж* в казахском языке закономерен:

монг. яз.	каз. яз.
<i>зисар</i>	<i>жапсар</i> 'шов'
<i>зайдагнау</i>	<i>жайдақтау</i> 'расседлать'
<i>залгаа</i>	<i>жалғау</i> 'соединить'
<i>зар</i>	<i>жар</i> 'известие'
<i>засах</i>	<i>жасау</i> 'делать' и т. д.

Во-вторых, второй компонент данного топонима — *зураг* 'рисунок' — не совсем случаен, ибо по материалам эпиграфических экспедиций Института языкознания АН КазССР эта гора богата наскальными изображениями. Здесь налицо соответствие географической **реалии** (термин В. Абаева) содержанию названия. Таким образом, этимология оронима раскрыта не чисто лингвистическим путем, а при помощи дополнительного географического фактора.

Гурьев (казахское название *Уйшик*) — название города и области. Этимология его прозрачна: «Гурьев или Гурьев-городок. Основан в первой половине XVII в. рыбопромышленником Гурием»¹⁶. А вот казахское название города (*Уйшик*) не совсем ясно. У местного населения существует легенда, что якобы очень давно в этих местах стоял чей-то *уйшик* 'домик, балаган'. Отсюда название города. Здесь мы имеем образец народной этимологии, ибо в год основания населенного пункта, т. е. в 1640 г. казахов в данной местности не было. Здесь было место кочевья сначала ногайцев, затем калмыков¹⁷.

Что же тогда означает это слово? По нашему мнению, оно происходит от русского слова *учуг*. Так называли большое речное каменное сооружение для ловли рыбы.

¹⁶ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Спб., 1893, т. 9а, с. 918.

¹⁷ Гр. Оренбург. уч. арх. комиссии, 1900, вып. 7. Исследования Н. Чернявского, вып. 4, с. 43.

Устроить такое препятствие для рыбы было нелегко, ибо оно требовало усилий сотен людей¹⁸.

Известный исследователь XIX в. П. И. Рычков писал, что в 1760 г. в Гурьеве существовал *учуг*¹⁹. Фонетические изменения *учуг* > *уйшик* возникли, во-первых, благодаря вышеупомянутой народной этимологии, во-вторых, в казахском языке звук *ч* отсутствует, в-третьих, по той причине, что казахские слова на звук *г* не оканчиваются и поэтому в конце слова в казахском языке в подобных случаях появляется звук *к*. Таким образом, этимология данного топонима найдена комплексным методом, т. е. объединением данных лингвистики и истории.

Қордай — перевал между Алма-Атой и Фрунзе в Чу-Илийских горах. По мнению Г. Конкашпаева, данный топоним восходит к монгольскому *хуртай* 'дождливый'. На наш взгляд, корень слова *қордай* суть *хор//қар//қор* (последний вариант принадлежит узбекскому языку), общий для тюрко-монгольских языков. В монгольском языке *хор* — глубокий снег, сугроб, буран, гора снега после бурана²⁰. В тюркских языках данное слово встречается в формах *қар//қор* 'снег'.

Вторая часть названия *-дай//тай* является наиболее древней формой, имеющей многочисленные варианты: *лы//лы, лу//лу, ты//ті, ды//ді, ту//ту* и т. д., которые сегодня являются суффиксами производного прилагательного. Форма *дай//тай* сохранилась в монгольском языке²¹.

Как видим, название оронима дает точную информацию о том, что здесь зимой часты бураны, которые заваливают все снегом. Топоним образован, очевидно, в период общности тюрко-монгольских языков, о чем говорит сохранившаяся в данном названии застывшая древняя форма *тай//дай*.

Таким образом, этимологическая характеристика топонима такова: *хор//қар//қор* 'снег' + *тай//дай* (древний словообразующий суффикс производного прилагательно-

¹⁸ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь, т. 25, с. 122—123.

¹⁹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, с. 252.

²⁰ Хабшай С., Минс А. Указ. словарь, с. 290.

²¹ Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 205.

го, означающий наличие или обилие чего-либо). Значение его — 'снежный' (перевал), что вполне соответствует географическому и метеорологическому положению объекта.

Шардара — название древнего городища, ныне так называется районный центр Кызылкумского р-на Южно-Казахстанской области. В городище (впоследствии оставшемся под Чардаринским водохранилищем) в 1959—1963 гг. велись археологические работы. Топоним, на наш взгляд, образован на основе двух иранских слов: *шар*//*чар* 'четыре' + *дара* 'каньон, овраг, яма, канава'. Археологические исследования местных городищ Актобе 1, Актобе 2 и Шаушукумтобе показали, что они были окружены рвами с водой. Археологи установили, что Актобе 2 существовал в I—IV вв. нашей эры²². Исторические данные свидетельствуют о том, что в раннем средневековье эти места частично населяли согдийцы (предки современных таджиков), язык которых относится к иранской группе языков. Термин *дара* часто встречается в составе топонимов Ирана, Кавказа, Средней Азии и Турции²³.

Как видим, этимология приведенных нами топонимов подтверждается лингвистическими, историческими и археологическими исследованиями одновременно, т. е. изучена комплексно.

Все приведенные примеры убедительно доказывают рациональность использования комплексного метода в изучении этимологии топонимов.

Выбор обычно-традиционного, специфически-топонимического и комплексного метода этимологического исследования топонимов зависит от характера материала и необходимости изучения образования и развития топонимов в определенных исторических условиях. Однако эти методы-приемы неотделимы друг от друга и могут быть применены комбинированно или смешанно.

Здесь мы не выделяем отдельно методов сравнитель-

²² Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

²³ Мурзаевы Э. и М. Словарь местных географических терминов. М., 1959, с. 70.

но-исторических исследований²⁴, поскольку они применяются во всех вышеуказанных методах этимологического исследования топонимов.

И. Г. ДОБРДОМОВ (Москва)

ТЮРКСКАЯ ТОПОНИМИКА В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Названия населенных пунктов (городов) тюркского происхождения в старейшей русской летописи «Повесть временных лет» в подавляющем большинстве имеют притяжательный суффикс (-*ј*-, -*ин*-, -*ов*-), хотя иногда встречаются названия без этого суффикса. Ср. колебание в оформлении: *Шарукань* и *Шаруханъ* в Ипатьевской летописи под 1111 и под 1116 гг. Вероятно, притяжательные местоимения передают тюркскую изафетную конструкцию типа *Шарукан балыгы* (*шаһры*), в которой первый член соответствует славянскому родительному падежу принадлежности или притяжательному прилагательному. Получая суффиксы притяжательных прилагательных, тюркские названия городов формально сближались с русскими. Ср. в «Повести временных лет» *Ярославль*, *Киевъ*, *Мискулинъ* и т. п.

В данной статье мы попытаемся дать историко-этимологический анализ названий более десяти городов тюркского происхождения.

Балинъ. Половецкий город, упоминаемый «Повестью временных лет» под 1116 г. в Ипатьевской летописи и близких к ней Хлебниковском и Погодинском списках.

²⁴ *Тенишев Э. Р.* О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков. — Советская тюркология, 1973, № 5, с. 119—124.

В Ермолаевском списке, очевидно ошибочно, стоит *Бались*. В Лаврентьевской летописи и близких к ней списках — *Галинъ* (см. далее). Не исключена возможность, что *Галинъ* и *Балинъ* являются разными городами¹.

В основе названия может лежать тюркское *бала* 'детеныш, птенец' или также отмечаемое Махмудом Кашгарским *бала* с переводом-толкованием: *بلا هو اعوان الرجل في امورہ واکثر ما يستعمل في امور يتعلق بالزراعة* «Это помощники кому-нибудь в его трудах; большей частью используются в работах, которые связаны с земледелием»². Если принять связь с *бала* 'помощник при сельскохозяйственных работах', то гипотетическое имя половецкого князя **Бала*, по имени которого назван город, можно сравнить с именем другого половецкого князя, который, по данным летописей, впервые привел половцев на Русскую землю в 1054 г. — *Болушь* досл. 'помощь'. Также не лишено интереса сравнение с древнерусским названием кремля — *дЕтиньць, дитиньць, дЕтиниць* — от *дЕти*³. Но, очевидно, делать какие-то заключения из этого параллелизма (др.-рус. *дЕти* и *дЕтиньць*// //половецк. **бала* 'дитя' и **Бала* 'название города') пока преждевременно. Ср. также среднеазиатский топоним *Баласагун* с первым компонентом *Бала-*.

БЕлая Вежа. Название хазарского города, взятого в 965 г. Святославом, вторично упоминается в «Поучении Владимира Мономаха» и третий раз под 1117 г. Некоторые исследователи летописей видят в этих названиях различные города.

Впервые упоминаемое под 965 г. древнерусское назва-

¹ О проблемах, возникающих в связи с неустойчивостью названий половецких городов, см.: *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М., 1948, с. 119—122. Некоторые тюркские топонимы «Повести временных лет» почему-то рассмотрены в статье: *Роспонд Ст.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. — В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 9—89.

² Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 80; *محمود الكاشغري*. كتاب ديوان لغات الترك، جلد ۳. استانبول، ۱۳۳۵، ص. ۱۷۰—۱۷۶.

³ *Фасмер М. Р.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964, т. 1, с. 608. [Букву *Е* читай как букву «ять». — *Ред.*].

Калина-царя, хотя половецкого князя с соответствующим именем летопись не отмечает. Начальный согласный звук *z* указывает на огузский характер названия. Возможно, это имя тюркского происхождения попало к летописцу через торков.

Корсунь. Название греч. города $\chi\epsilon\rho\sigma\omega\nu$ в Крыму. Здесь трудно предположить непосредственное заимствование из греческого, ибо в результате первой палатализации из начального заднеязычного спиранта *x*-получился бы звук **ш*-, или же в начале слова сохранился бы исходный *x*-. Изменение же *x* > *к*- (деспирантизация) невозможно на восточнославянской почве, ибо *x* в славянских языках встречается во всех позициях в слове. Вполне возможно предположить тюркское посредство. Дело в том, что тюркские языки в основной своей массе не знают звука *x* в исконных словах и заменяют его в старых заимствованиях звуком $\kappa(q)$ в словах с задними гласными или звуком *к* в словах с передними гласными. Встречающийся во многих современных тюркских языках звук *x* обычно сохраняется только в орфографии и речи интеллигенции и заменяется в обыденной речи звуком $\kappa(q)$. Ср. произношение казахами слов *хабар*, *халық*, *хат*, *хош* как *қабар*, *қалық*, *қат*, *қош* ⁶. В других же языках звук *x* встречается только в заимствованных словах, его даже можно считать самостоятельной фонемой, хотя и слабо дифференцированной с фонемой $\kappa(q)$ ⁷. Следова-

тельно, при заимствовании греч. $\chi\epsilon\rho\sigma\omega\nu$ изменилось в тюркском (очевидно, печенежском) языке в **Qorsun* (или менее вероятно в **Körsün*), особенно если учесть обычную в тюркских языках последовательность гласных в корнях *o — y* (или соответственно *ö — ü*). Мягкость конечного согласного в древнерусском языке, очевидно, можно объяснить тем, что к заимствованному **Qorsun* был присоединен суффикс притяжательного прилагательного — *ь* (ср. *Володимерьь*, *Суздальь* или более поздние заимствования *Казань*, *Астрахань*, *Тамань*). Не исключена возможность, что конечный согласный получил мягкость из первоначальной формы **Körsün* в результате таких из-

⁶ Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1954, 131—132-б.

⁷ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. М., 1952, II, с. 57.

менений вокализма и консонантизма, подобные которым наблюдаются в северо-западном каранмском говоре, где в результате совпадения задних и передних гласных в одном заднем варианте признак палатальности был передан согласными, которые в пределах одного слова могут быть или только твердыми, или только мягкими (палатальными) ⁸. **Körsün* > *K'or'sun'* дало в восточнославянском *Кърсунь*, ибо, очевидно, мягкое *к'* перед *о* (или *у*) воспринималось как разновидность *к* твердого; мягкого же *с* в то время тоже, по-видимому, не было, и оно совпало с твердым (ибо в это время, возможно, еще не было в наличии *с* < *х* в результате 2-й и 3-й палатализации заднеязычных). *Р* мягкое совпало с твердым *р* под ассимилятивным влиянием соседних звуков. Мягкость же конечно-го согласного *н* оказалась релевантной и способствовала осмыслению названия *Кърсунь* как притяжательного прилагательного. Впервые тюркское посредство в получении этого топонима славянами предположил И. Н. Березин в 1854 г. ⁹

Осенева. Название половецкого города, взятого русскими войсками в 1111 г. (дата по Ипатьевской летописи, в Лаврентьевской — 1112 г.), упоминается только в списках, близких к Лаврентьевскому (Радзивилловский, Академический). В Ипатьевском списке вместо этого города упомянут *Шарукань* (см. далее). К. В. Кудряшов считает, что несоответствие этого названия в разных летописях связано с тем, что «половецкие города назывались по имени своего хана (как это наблюдалось и у печенегов). Со сменой хана, владельца города, менялось и название последнего» ¹⁰. О смерти половецкого князя по имени *Осень* летописи сообщают под 1082 г. Вероятно, город был назван в его честь и потом переименован в честь

⁸ *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 91, 120.

⁹ *Березин И. Н.* [Рец. на кн.:] Игорь, князь Северский: Поэма/Перевод Николая Гербеля. Спб., 1854. — Москвитянин, 1854, № 22, отд. 4, с. 71.

¹⁰ *Кудряшов К. В.* Половецкая степь, с. 119.

Шарукана. Под 1116 г., по-видному, этот же город назван *Чешлюевом*.

Сугровъ. Половецкий город, который дважды был взят русскими князьями в 1111 (по Лаврентьевскому списку 1112) и в 1116 годах: *Сугровъ*. В Новгородской первой летописи младшего извода это название передается *Сугровъ* (под 1111 г.), только в Толстовском списке явно ошибочно — *Сугробъ* в противовес Академическому списку, с которого он списан, где стоит *Сугровъ*. Сильно уклоняется написание в Новгородской первой летописи старшего извода по Синодальному списку, в котором написано *Суртовъ*. Вероятно, исходной формой было *Сугровъ*, остальные формы — результат ошибок при переписке. Название восходит к имени половецкого князя *Сугра*, не *Сугры* (как это имя ошибочно дано у К. В. Кудряшова)¹¹. Ср. *Суртов*.

Сула. Название реки в Харьковской и Полтавской областях. Упоминается многократно в «Повести временных лет» и «Слове о полку Игореве». Образование аналогично названию *Каяла* в «Слове о полку Игореве» (<**qajaly* из более древнего **qajalyu* от древнетюркского *qaja* 'скала' — осталось в алт., саг., сойонск.; в каз. изменилось в *қия* (или устар. орф. *қыя*, т. е. *қыйа*) + суф. *-луу*, изменившийся в *-лу*)¹².

Слово *Сула* является преобразованным в древнерусском языке по образцу существительных на *-а* тюркским прилагательным *сулы* (от тюрк. *су, сув, суб* 'вода' + суф. *-лы* < *-лык*) с первоначальным значением 'полноводная, имеющая воду'. Изменение конечного тюркского *ы* в *а* основано на морфологическом процессе вхождения слова в состав существительных женского рода. Ср. прежде всего общее апеллятивное название *река* (ж. р.)¹³.

Суртовъ. Если это написание названия половецкого города, отмеченное в самом старом из дошедших до нас Синодальном списке Новгородской первой летописи

¹¹ Кудряшов К. В. Половецкая степь, с. 119.

¹² Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1969, с. 131—132.

¹³ О возможности других этимологий на индоевропейской почве см.: Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. М., 1971, т. 3, с. 799—800; Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1958, с. 138—139.

старшего извода под 1111 г., является древнейшим и не возникло в результате ошибки или опески, то его можно возвести к тюркскому названию возвышенности *сырт* (каз., кирг., тур., тат., уйг., азерб., крым.-тат., алт. с разными отклонениями в значении). Ср. еще чув. *сърт* и русское заимствование из тюркских языков — *сырт*¹⁴. В таком случае для половецкого языка мы можем ожидать произношения с лабиализованным гласным. Ср. отмечаемое в «Опыте словаря тюркских наречий» Радлова (т. IV, 825) лебединское *сърт* 'поверхность'. В таком случае *Суртовъ* городъ буквально значило 'окраинный город' или 'город на возвышенности, на холмах'. Ср. *Суровъ*.

СутЕнь. Топонимическое название *СутЕнь* (орф. варианты *Сутень*, *Сутинь*, *Сутинъ* в разных летописях) упоминается летописцем при описании большого антиполовецкого похода русских в 1103 г.: «и поидоша на конихъ. и в лодьяхъ. и придоша ниже порогъ. и стаща в протол-

че. в Хортиче ^мостровЕ и всЕдоша на конЕ и пЕши из лодей выше. идоша в поло^д 4 дни и придоша на СутЕнь». В других источниках этот топоним не упоминается. Специалисты по русской исторической географии отождествляют летописную *СутЕнь* с рекой *Молочной*, которая впадает в Азовское море. Расстояние от Молочной до Днепровских порогов соответствует четырем дням пути¹⁵.

В таком случае в топониме отражена не сохранившаяся в тюркских языках архаическая форма множественного числа на *-(ä)n*¹⁶, которая уже во времена Махмуда Кашгарского не была продуктивной и сохранилась лишь в нескольких словах. Ср. тюрк. название молока *сүт* (як. *үт*) и монг. *сүүн*, бур. *һү(н)*, маньчж. *сунь*. В тюрк. *сүт* некоторые лингвисты обнаруживают другой архаичный аффикс множественного числа *-т*¹⁷. Написание *Е* и

¹⁴ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, с. 184.

¹⁵ Кудряшов К. В. Половецкая степь, с. 91—94.

¹⁶ Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961, с. 92—93.

¹⁷ Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, с. 93, со ссылкой на Д. Шинора (Д. Синор).

и в конечном слоге указывает на тюркское происхождение суффикса *-Ень, -инь, -ень*. На это же указывает и мягкость конечного согласного.

Тьмуторокань. Древнерусский город на Таманском полуострове, впервые упоминается под 988 г., когда летописец рассказывает о том, где были посажены Владимиром его сыновья. Последнее упоминание в летописи содержится под 1094 г. (*Лаврентьевская*), когда Тьмутороканское княжество было отрезано от остальной Руси половецкими ордами.

Наиболее правдоподобной является этимология М. Р. Фасмера, подробно обоснованная К. Менгесом¹⁸, согласно которой название этого города восходит к тюркскому титулу *Таман-тарқан*. Это тюркское название, по-видимому (об этом не упоминает К. Менгес), попало в древнерусский язык через болгарскую языковую среду, о чем свидетельствует редукция гласного *a* первого слога слова в *ъ*. Второй слог был закрытым и содержал носовой звук, отсюда изменение *-ан-* перед согласным в носовой звук *о* с последующим его изменением в *у* на восточнославянской почве. Дифтонгическое сочетание гласного *a* с плавным *p* тоже подверглось на восточнославянской почве изменению в полногласное сочетание *-оро-* между двумя согласными. Конечное *-н* смягчилось по морфологическим причинам: к имени города обычно присоединялся суффикс притяжательного прилагательного, ср. *Шарукань* < тюрк. **Шаракан*.

Небулгарский язык передал позднейшее название *Тамань*, которое отражает первую часть сложения *Таман-тарқан*. Небулгарский вариант отражен также и в византийском *Тацатаруха*¹⁹.

Исторические данные позволяют отнести создание русского Тьмутороканского княжества к середине X века (944 г.)²⁰. Возможно, что знакомство с названием могло произойти несколько раньше, чем было создано русское

¹⁸ Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве», с. 150—156; ср. также: Добродомов И. Г. Тьмуторокань и Тамань.— Русская речь, 1973, № 5, с. 129—133.

¹⁹ *Moravcsik Gu.* Byzantinoturcica: Bd. II, Berlin, 1958, S. 297.

²⁰ Насонов А. Н. Тьмуторокань в истории Восточной Европы X в.— Исторические записки, 1940, № 6, с. 79—99, особенно с. 90—93.

княжество. Но даже это знакомство едва ли может относиться ко времени более раннему, чем конец IX века. Следовательно, это название позволяет установить, что образование носовых гласных и развитие полногласия могло осуществляться в восточнославянском языке конца IX — начала X в.

Торцьскъ. Город, расположенный южнее Киева, где-то в районе реки Рось. Упоминается в летописях начиная с 1093 г., когда его впервые осадили половцы. По-видимому, этот город получил свое название от поселенных здесь *торков* — тюркского народа южнорусских степей.

Название отмечено обычно в полной форме: *Торчеський* (иногда с отражением цоканья *Торцьский*, в Ипатьевской летописи с отражением второго полногласия: *Торочьский*; особняком стоит форма, встречающаяся один раз в Лаврентьевской летописи, *Торцинский*). Изредка топоним встречается как прилагательное в краткой форме (в Хлебниковском и Погодинском списках): *Торцьскъ*.

Чешлюевъ. Половецкий город, взятый русскими во время похода 1116 г., упоминается только в Лаврентьевской летописи: *Чешюевъ*. Близкая к Лаврентьевской летописи Радзивилловская дает другое написание: *Чешлюевъ* (аналогично в рукописи б. Московской Духовной Академии см. ПСРЛ, т. I, изд. 2-е, с. 291). В соответствующем месте Ипатьевской летописи упоминается вместо него градъ *Шарукань* (см.). Возможно, новое название вместо старых *Осенева* и *Шарукана* возникло после смерти *Осеня* и *Шарукана*.

Половецкого князя со сходным именем летописи не упоминают. Дать этимологию затруднительно из-за неясности исходной формы. Если предположить, что последняя форма (*Чешлюевъ*) ближе к тюркскому названию, чем форма из Лаврентьевской летописи, то и в ней можно заметить несоответствие тюркской — сочетание трех согласных *-вшл-*. Если допустить, что в этом слове *v* вставлено по ошибке, то тогда восстанавливается первоначальная форма **Чешлюевъ*, образованная от тюркского **чешли*, **чешлю* 'обильный бирюзой (*чеш*)'²¹. *й* перед русским суффиксом *-ев-* (*-ов-*) возник на русской почве для устранения зияния. Форма *Чешлюевъ* встречается в поздних списках летописи.

²¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 144: *ces* 'бирюза'.

Шарукань. Половецкий город *Шарукань* упомянут в «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку под 1111 г., когда под предводительством Владимира Мономаха был предпринят победоносный большой поход против половцев. Этот город упоминается также под 1116 г. В соответствующих местах Лаврентьевской летописи упоминаются города *Осеневь* (поход 1111 г. в этой летописи описан под 1112 г.) и *Чешюевъ* (под 1116 г.).

Несомненно, что этот топоним получил название по имени половецкого князя (*Шаруканъ*), как это наблюдалось также и у печенегов²². Интересно отметить, что под 1116 г. название этого города дано в собственно половецкой форме *Шаруканъ* — без суффикса *-j-* притяжательных прилагательных. Эта же форма — и в Новгородской первой летописи младшего извода (Комиссионный список); в Новгородской же первой летописи старшего извода (Синодальный список) — форма *Шарукань*.

Хотя названия половецких городов и отличались известной неустойчивостью, можно полагать, что наиболее устойчивым было название *Шарукань*. Было сделано несколько попыток определить местонахождение этого города. Но все эти попытки не вполне убедительны. Отождествление *Шаруканя* с *Харьковом* малоубедительно в фонетическом отношении. Если этимология половецкого (?) личного имени *Шаруканъ* от тюркского названия дракона²³ верна, то, очевидно, половецкий город *Шарукань* можно отождествить с городом *Змиевом* в Харьковской области (ныне *Готвальд*), тем более, что он находится в том районе, куда специалисты по русской исторической географии помещали этот половецкий город²⁴.

²² Аристов Н. Я. О земле половецкой: (Историко-географический очерк). Киев, 1877, с. 10.

²³ Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, с. 172.

²⁴ Впервые это отождествление сделано мною в 1966 г.: *Добродомов И. Г.* История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966, с. 12. Ср. далее: *Добродомов И. Г.* Отражение двух разновидностей ротацизма в болгарских заимствованиях славянских языков. — Вопросы языкознания, 1974, № 4, с. 109—110. Независимо от этого аналогичные мысли высказал О. Пришак: *Pritsák O.* From the Sibir to the Hungarians. — *Hungaroturcica. Studies in Honour of Julius Németh.* Budapest, 1976, p. 28.

Как укрепление *Змиев* создан в XVII в., может быть, на старом *Змиевом городище*, в котором отразилось его старое название — **Шарукань городъ*, половецк. **Шарукан шаары*.

Одно время под влиянием комментариев к популярному изданию «Повести временных лет» в серии «Литературные памятники» я в число топонимов тюркского происхождения включал и слово *обров* из «Поучения Владимира Мономаха», но в последнее время пришлось вернуться к точке зрения еще Н. М. Карамзина, который древнее слово *обровъ* толковал как 'окоп'. Это толкование заслуживает гораздо большего внимания²⁵.

Топонимика «Повести временных лет» нуждается в подробном анализе во всех ее генетических пластах, и данная статья должна рассматриваться как очерк ее тюркской части.

О. Т. МОЛЧАНОВА (Ярославль)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЮРКСКОГО ТОПОНИМИКОНА ГОРНОГО АЛТАЯ

Предметом настоящего исследования стали 3143 тюркских топонима Горно-Алтайской АО, которые соотносятся с 5322 географическими объектами территории. Нетюркские и гибридные образования в указанном количестве не учтены. 3143 тюркских географических названия, взятых для наблюдения, образованы 1846 исходными тополексемами (отдельными и самостоятельными тополексемами считаются нами также диалектные варианты, типа *чың ~ шың* и т. п.). В таком количестве

²⁵ Подробнее см.: *Добродомов И. Г., Кучкин В. А.* Этимология и старые географические объекты. — В кн.: *Топонимика на службе географии* (= Вопросы географии, сб. 110). М., 1979, с. 157—158.

один раз в топонимах зафиксировано 1205 лексем¹, два раза — 270 лексем, три раза — 113 лексем, четыре раза — 57 лексем, пять раз — 44 лексем, шесть раз — 20 лексем, семь раз — 20 лексем, восемь раз — 19 лексем, девять раз — 12 лексем, десять раз — 9 лексем, одиннадцать раз — 10 лексем, двенадцать раз — 5 лексем, тринадцать раз — 7 лексем, четырнадцать раз — 4 лексем, пятнадцать раз — 7 лексем, шестнадцать раз — 3 лексем, семнадцать раз — 4 лексем, восемнадцать раз — 2 лексем, девятнадцать раз — 1 лексема, двадцать раз — 1 лексема, двадцать два раза — 1 лексема, двадцать три раза — 1 лексема, двадцать пять раз — 2 лексем, двадцать шесть раз — 1 лексема, двадцать семь раз — 3 лексем, двадцать восемь раз — 3 лексем, тридцать один раз — 2 лексем, тридцать четыре раза — 1 лексема, тридцать девять раз — 1 лексема, сорок девять раз — 1 лексема, пятьдесят раз — 1 лексема, пятьдесят один раз — 1 лексема, пятьдесят три раза — 1 лексема, пятьдесят четыре раза — 1 лексема, пятьдесят семь раз — 1 лексема, шестьдесят два раза — 1 лексема, шестьдесят три раза — 2 лексем, семьдесят раз — 1 лексема, семьдесят три раза — 1 лексема, семьдесят шесть раз — 1 лексема, семьдесят девять раз — 1 лексема, восемьдесят семь раз — 1 лексема, девяносто четыре раза — 1 лексема, сто семь раз — 1 лексема, сто восемь раз — 1 лексема, сто одиннадцать раз — 1 лексема.

Определим частотность употребления выявленных лексем. Перечислим из 1205 раритетных лексем (встретились в топонимах один раз) лишь единицы на букву *а* с тем, чтобы продемонстрировать характер подсчитанных слов: *аалы, аба, абаканның, абаның, абачак, абдыралу, абрачак, абыгай, абыл, абым, абыс, абыстың, абышка, авай, агашту, агылык, адабаган, адагашту, адай, адалды, адамыш, адан, адар, ады, адыҗак, адыңа, адырган, адырлу, адышту, ажы, ажыг. ажык, аза, азыраткан, айгыр, айдым, айдыңаш, айран, айрууш, айрыган, айрык, айрыктың, айрычак, айтбаган, айутының, айыл, акуна,*

¹ Общее число тополексем (1846), как и взятое количество топонимов, не включает повторяющихся названий, отсюда и разница между всеми учтенными реалиями с тюркскими именами (5322) и самим количеством этих имен (3143).

аламык, аланчыкту, алаңыш, албага, албан, албас, алды 'взял', алкызы, алмарту, алмасту, алтай, алты 'шесть', алтымат, алыбай, амалдай, аман, амбарлу, амыр, анай, аңгалу, аңгалык, аңгачак, аңгыстаң, аңдаба, аңчы, аңылу, апан, аптыра, аптырга, арајан, арал, аралу, арасан, арбайылган, арбалу, арбамай, арбачак, аргамай, аргамджы, аркытту, аргар, арттың, арту, артылаш, артылаштың, арчын, арчынду, арын, арыскан, арышту, аскан/азган, аскырган, аспаан, аспак, аспакча, аспан, астыкан, аташ. атлу, аттың, атышту, ачу, ичылман, аштар².

Д в а ж д ы употреблены (даем полный список только на буквы а и б): аач, агыш, адак, адаккы, адалык, адырлар, айа, аяк, айдың, аламбай, аланчык, алды 'нижний', аңырлу, аржанду, ас, аскыр, аспаку, ашкан, баарчык, баатыр, бажыңты, байбыш, байлу, бак, бака, бакты, балкаш, балкашту, балтырган, балыкчы, бас, башту, бектү, беле, белтирдиң, берген, берди, бичей, бова, бос, бош, букачак, буланак, булукту, буурыл

Т р и р а з а (даем полный список только на буквы а и б): аал, адалу, азалу, аныяк, апиыйак, аркыт, арты, артыш, ары, арык, балык, белге, бий, боочылу, борбок, бөрү, бөрүлү, бука, буландык.

Ч е т ы р е р а з а: ада, ажызы, ай, арбай, аржан, аткан, бар, башка, бичиктү, букалу, булан, дөргүн, јаалаң, јаман, јери, јышту, казак, кайалу, калар, калбалу, калың, кар, коо, көжөөлү, көңдөй, куран, күр, кыйулу, кыйыг, мөңкү, огош, ойто, орус, өштү, саадак, сайлу, сеер/сеегер, сойок, соок, сорулу, сөөктү, сугат, сүйүри, тайалу, тарбан/тарбаган, текелү, төрт, туура, түрген, уйазы, улус, үлүлү, үст, чопош, чөл, шибилик, элбек.

П я т ь р а з: абай, аяң, алты 'нижний', бийик, буре, јеерен, јоон, јулуш, јыраа, ийин, кайыңчы, катан, коргон, корум, көлдиң, кујурлу, кулагаш, кургак, кыс, межелик, мойын, мыйрык, он, оос, өзө, сара, суг, сур, тай, таракай, теле, темир, терек, тобрак, токой, туралу, түдек, уй, үзүк, чал, чаңкыр, четтү, чоку, чың.

Ш е с т ь р а з: белтир, јазы, кадыр, кайым, калбак, камлак, куба, кызыы, мөбн, мөштү, орыкту, өбн, салаа, тар, тегерик, теректү, төргүн, түшкен, элдү, эр.

² Значение лексем см.: Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979, с. 112—357.

Семь раз: *адыр, ала, ара, боро, жайлу, жаңыс, жыланду, карагай, каш, корбо, кос, кулак, кум, сас, суузы, тошту, төң, үйттү, чиби, ээлү.*

Восемь раз: *агач, бараан, берт, жарлу, жер, кабак, кайың, как, кечү, көлдү, куганду, кыйу, ойбок, сору, тас, терең, тогус, төш, чадыр.*

Девять раз: *айу, алтын, ару, жолду, жүрек, кам, ортогы, сыны, тала, талду, чаргы, ыйык.*

Десять раз: *айулу, балыкту, жети, каан, корумду, кыры, мѣш, суугаш, туйук.*

Одиннадцать раз: *беш, булак, жар, кайыңду, кайыр, кышту, мукур, сай, сал, тал.*

Остальные лексемы по степени возрастания частотности распределились таким образом: *аң, куу, өзөн, суулу, чет* (12); *ажу, жалбак, жол, кан, орто, тура, тытту* (13); *арка, бут, орой, эки* (14); *ачык, жок, кат 'слой', кујур, узун, үч, чичке* (15); *бай, кош, меес* (16); *агаш, арт, кичинек, улу* (17); *бел, јул* (18); *ат* (19); *ташту* (20); *тыт* (22); *тайга* (23); *боочы* (25); *көк* (25); *кыр* (26); *жарык* (27); *куру* (27); *өзөк* (27); *баш* (28); *боом* (28); *ой* (28); *төбө* (31); *оозы* (31); *карасу* (34); *кайа* (39); *кызыл* (49); *сары* (50); *кем* (51); *ойык* (53); *кичү* (54); *айры* (57); *алтыгы* (62); *коол* (63); *суу* (63); *бажы* (70); *таш* (73); *үстиги* (76); *кобы* (79); *ак* (87); *жаан* (94); *туу* (107); *кара* (108); *көл* (111).

Выявление частотности лексем на топонимическом уровне подтвердило мысль Л. Блумфильда о том, что «во всех обычных случаях семантические, а не формальные факторы вносят вклад в одобрение или неодобрение формы. Естественно предположить, однако, что форма, которая поразительно отличается от других форм сравнимого значения, будет не одобрена»³.

В то же время подсчитанная частотность лексем заставила обратить пристальное внимание на семантическое изучение основ топонимов, так как даже при учете только тополексем обнаруживается следующая картина: наибольшей частотностью в тюркской топонимии Горно-Алтайской АО обладают географические номены, лексемы-ориентиры и лексемы-цветовые прилагательные.

³ Bloomfield. L. Language. London: George Allen and Unwin Ltd. 1973, p. 395.

Анализ семем, к которому мы теперь приступаем, дает более детальную и впечатляющую картину распределения смыслов в тюркской топонимии территории и хорошо иллюстрирует высказывание Э. Пулгрэма: «Я могу согласиться, что в собственных именах звук, а не словарное значение делает их значимыми. Но неправомерно утверждать, что некоторые имена менее, строго говоря, собственные имена из-за их очевидного словарного значения, которое может дать ключ к характеру названного объекта. В конце концов, в основе каждого имени имеется словарное значение, которое, каким бы узнаваемым или переросшим оно ни выступает сегодня, в одно время было явно говорящим»⁴.

Определенная организация тюркской топонимической лексики подтверждается наличием лексико-семантических полей, которые поддаются сравнительно несложному построению⁵.

Прежде чем приступить к описанию и выявлению семем на уровне основ, сделаем несколько предварительных замечаний.

1. Вследствие того, что для исследования нами взято вполне определенное количество тюркских топонимов области (3143) и соответствующее им число тополексем (1846), топонимический словарь (особый способ организации знаков-набора тополексем во всей их совокупности) является таким, что объем его определен и конечен. Естественно, что в общем плане количество тополексем является открытым, оно может увеличиваться с увеличением числа географических имен, сохраняя, по-видимому, хотя бы приближенно общую пропорцию их соотношения: 10 : 17 (что нужно понимать так: на 10 имен приходится в среднем 17 объектов). Топонимический словарь может служить языковой моделью мира и отражать коллективный опыт носителей языка.

⁴ Pulgram E. Theory of Names. Berkeley, California, 1954, p. 193.

⁵ Наличие лексико-семантических полей (ЛСП) в топонимической лексике какого-то тюркского языка и региона считается нами неоспоримым фактом, хотя существуют и другие мнения о соотношении «ономастических» и «лексических» полей для языков, где денотация в топонимике преобладает над коннотацией. — См.: Nicolaisen W. T. Lexical and Onomastic Fields. — Nomina appellativa et nomina propria: Резюме рефератов. Краков, 1978, с. 178.

2. В языке нет и не может быть слов, изолированных в семантическом отношении. Каждое слово десятками и сотнями иптеи связано со значениями многих других. Это связи разного рода: синонимические, антонимические, словообразовательные (семантическая связь дериватов), связь значений полисемантического слова и т. п. Те же явления легко прослеживаются на топонимических полях. При построении лексико-семантических полей нами учитывается только семантика основ. Семантике аффиксов следует посвятить отдельный анализ, поэтому в то или иное семантическое поле включаются основы как именные, так и глагольные, наглядно иллюстрирующие не только внешние, но и внутренние связи, более упорядоченные у именных форм.

3. Вся процедура разбивки топонимического словаря на семантические поля состоит из поэтапного выделения этих полей, работы с каждым в отдельности, укрупнении полей, упорядочении их внутреннего состава и взаимоотношений. В определенные связи в семантическом поле вступают не слова-основы во всей совокупности их значений, а основы в своих определенных, фиксируемых топонимией значениях. Если эти значения представить как некоторые множества дифференциальных семантических признаков, или компонентов значения, то эти множества могут находиться в следующих оппозициях друг с другом⁶:

а) нулевая оппозиция, или отношение равенства между множествами. Основные содержательные компоненты значений сравниваемых основ одинаковы. Таковы *кӧлей* 'старая оставленная пашня' — *кӱзӱле* 'старая пашня, залежь'; *кыра* 'пашня, пахотное поле' — *сабан* 'пахота, пашня';

б) привативная оппозиция, или отношение строгого включения. В таком отношении находятся родовые и видовые наименования. Это соотношение называют также гипонимией. Например: *агаш* 'дерево, лес, подлесок' — *аспак* 'осина'; *аң* 'зверь' — *айу* 'медведь'; *куш* 'птица' — *каракуш* 'орел'. Здесь оппозиция привативна в пользу *агаш*, *аң*, *куш*, т. е. *аспак*, *айу*, *каракуш* целиком вклю-

⁶ Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976, с. 106—108.

чаются в первые множества, выступая по отношению к ним как видовое наименование по отношению к родовому. Так, *аспак* 'осина', *балан* 'калина', *беле* 'рябина', *кайын* 'береза' — гипонимы по отношению к *агаш* 'дерево', согипонимы по отношению друг к другу, а *агаш* по отношению к ним — суперордината. То же можно сказать и об отношениях *айу* 'медведь', *бөрү* 'волк', *булан* 'лось', *камду* 'выдра', *киш* 'соболь' и *аң* 'зверь' или *акуна* 'белая высокогорная куропатка', *аңыр* 'варнавка', *баарчык* 'скворец' и *куш* 'птица';

в) эквиолентная оппозиция: два множества пересекаются друг с другом. Их пересечение составляет общую часть обоих множеств. Помимо одинаковых компонентов у сравниваемых значений есть и неодинаковые. Эквиолентная оппозиция является самой широкой по охвату, так как, в отличие от предыдущих, она возможна между основами, принадлежащими к разным частям речи. Например: *айры* 'разветвление' — *айры-* 'отделить, разделить'; *арт* 'зад, задняя сторона' — *арт-* 'навьючить, положить на спину';

г) дизъюнктивная оппозиция: у множества нет общих элементов, например, *түдөк* 'дым' — *сөөл* 'бородавка'.

Других оппозиций между множествами не существует. Устанавливая семантические связи слов-основ в поле, принимаем во внимание, что в него должны входить значения, находящиеся в нулевых, привативных и эквиолентных оппозициях.

4. Семантизация в топонимическом словаре складывается из фактов включения некоторых основ не в одно, а два и даже три (редко) поля. Отсюда возникает понятие глубины семантизации, под которой понимается число вхождений слова в семантические поля. Взятая на топонимическом уровне, семантизация даже в идеале не может приблизиться к максимальной глубине, когда число вхождений равняется числу значений данной основы. При расширении количества полей и открытии тем самым больших возможностей для полисемии она оказывается избыточной для ограниченного своей специфической топонимического словаря, а потому глубина семантизации здесь гораздо меньшая, чем в лексико-семанти-

ческих группах, не ограниченных рамками географических имен.

5. Если сравнить состав построенных нами полей с алфавитным списком слов, то даже без особых раздумий понятно, что элементы поля в высокой степени предсказуемы.

6. В литературе не раз высказывалось мнение, что однослойным группам, или группам без парцелляций, нельзя приписать статус поля (населенные пункты, части тела, имена родства и т. п.) потому, что подобные группы, всегда носящие перечислительный характер, не обладают свойством развертывания их в связный текст⁷. Возможно, что такое утверждение и верно, но нами на данном этапе рассматриваются не сами географические имена, а элементы, из которых они складываются. Кроме того, однослойные группы в топонимической лексике входят, наряду с многослойными, в более широкие объединения, которые развертываются в связный текст. А если в однослойную группу добавляются глагольные основы, то можно думать, что уже этим группа как-то расковывается и приближается к статусу поля. Трудно ожидать одинаковую специфику у всех типов полей.

7. Алфавитный порядок расположения слов внутри поля является самым простым с точки зрения техники его осуществления, но в то же время самым далеким от семантических связей упорядочиваемых таким способом слов. Он не имеет ничего общего со смысловой организацией топонимической лексики. Самым возможным и продуктивным, на наш взгляд, является расположение элементов семантического поля по их частотности в топонимии, при этом оказывается, что частотность лексем и семем (=вещественное содержание основы в нашем анализе) не совпадает. Это понятно, так как лексемы предполагали соблюдение разрядов слов; семемы же указывают лишь на содержание основ, без учета грамматического оформления. Поясним на примере: в списках лексем, составленных в зависимости от частотности, *аспак* 'осина' входит в группу с частотностью 1, *аспакча* 'величиной с осину, как осина' находится отдельной лексемой в этой же группе, а вот *аспакту* 'имеющий осины,

⁷ Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография, с. 220.

с осинами' имеет частотность 2, а потому помещена в другую группу. Если же, как мы сделали, за основу построения лексико-семантических полей брать значение основы, то остается только *аспак*. Это ограничение оправдывает себя, ибо только так можно выяснить содержательную структуру топонимического словаря.

8. Мы уже упоминали о зависимости частотности слова-элемента топонима от его содержательной стороны. Известно также, что установить сколько-нибудь отчетливую форму этой зависимости исследователям пока не удалось. Так, один из результатов самого общего характера состоит в наблюдении, что из двух слов бóльшую частоту имеет то, у которого шире понятийный объем и которое употребляется только в переносном значении.

У А. В. Суперанской читаем: «На примере наименований лунных объектов можно наблюдать не только переход одного типа номенклатуры (антропонимов) в номенклатуру другого порядка (селенонимы), но и использование географических терминов, выработанных для обозначения объектов на земле, для классификации лунных объектов. Такие чисто земные термины, как море, озеро, хребет, кратер, долина, горная цепь, горы, получили на Луне добавочные оттенки содержания, принимая во внимание специфику лунного ландшафта, где полностью отсутствует вода. Это свидетельствует о том, что указанные термины в очень высокой степени понятийны, что позволяет им даже при перенесении в другие условия сохранять основную идею, основы своего понятийного содержания и приобретать некоторые добавочные черты, продиктованные новыми условиями их применения»⁸. Интересными для нас оказываются приведенные Ю. Н. Карауловым в цитируемой книге (с. 253) данные Х. Майера о том, что первое место по частотности занимает полностью обособленная группа, состоящая из 30 односложных частиц, затем появляются служебные слова, а далее вспомогательные глаголы и ряд существительных с очень широкой семантикой — *Zeit, Herr, Leben, Recht, Liebe, Welt*.

9. Топонимический словарь является заданным как по

⁸ Суперанская А. В. Апеллятив-Онома. — В сб.: Имя нарицательное и собственное. М., 1978, с. 20.

своему объему, составу, так и по внешним и внутренним семантическим связям. Именно заданностью словаря объясняется ряд его особенностей, среди которых — имя поля, или его ядро. При построении семантических полей мы не могли выходить за пределы того набора лексем, который строго лимитирован их присутствием в топонимиконе народа. А потому имя поля часто вводится извне и не содержится в исходном списке слов.

10. Расположение элементов семантического поля идет в порядке убывающей частотности каждого. У элемента частотность записывается цифрой внизу. Одной звездочкой обозначены основы, включенные в два поля, двумя звездочками — основы, помещенные в три поля. Если встречаются случаи, когда основа равна слову, то слово-основа записывается через вертикальную черту с производящей основой. Например, *тыт/тыт-зв* 'лиственница' означает, что элемент *тыт* в топонимии фиксируется и как самостоятельное слово, и с аффиксами, а его общая семантическая частотность равна 38.

11. Социальная обусловленность формирования поля — явление понятное, оно подтверждается именами, или ядрами, полей. Общее распределение семантических полей касается следующих сфер: **человек; то, что можно ощутить, воспринять, запомнить, осознать; фауна и все, что с ней непосредственно связано; флора и все, что с ней непосредственно связано; неорганический мир, вещества.** Всего нами выделено 70 семантических полей.

Построение всех ЛСП на материале тюркской топонимии Горного Алтая показало, что в сферу **человек** вошло 25 семантических полей с общим количеством элементов, равным 557. Сфера **то, что можно ощутить, воспринять, запомнить, осознать** включает 27 семантических полей, с числом элементов всех полей 426. Сфера **фауна и все, что с ней непосредственно связано**, объединяет 9 семантических полей с общим числом элементов 109. Сфера **флора и все, что с ней непосредственно связано**, имеет 3 семантических поля с общим количеством элементов 85. Сфера **неорганический мир, вещества** содержит 6 семантических полей с общим количеством элементов 193.

Как же распределяется частотность семем по сферам? В сфере **человек** частотность элементов невысока. Число

единиц, частотность которых составляет 10 и выше, небольшое: *тура/тура*₋₁₉; *жок*₁₅; *кам/кам*₋₁₅; *кышту/кышту*₋₁₃; *сал/сал*₋₁₃; *ыдык* = *ыйык*₁₂; *сббк/сббк*₋₁₁; *ээ/ээ*₋₁₁; *каан*₁₀. Как видим, в этом перечне нет основ, семемная частотность которых превысила бы 19, зато в указанной сфере велико количество единиц с частотностью 1—351.

В сфере **то, что можно ощутить, воспринять, запомнить, осознать** количество элементов с частотностью 10 и выше больше, чем в сфере **человек**: ***кара/кара*₋₁₁₄; *ја-ан* = *наан*₉₆; ***ак*₈₇; *ўст* = *ўсти* = *ўстиги* = *ўстў/ўстў*₋₈₃; *алды* = *алты* = *алгыгы*₆₉; *сара* = *сары/-сары*₋₅₉; *кичи* = *кичик* = *кичў*₅₇; *кызыл*₄₉; *кур* = *куру* = *куруг* = *кургак*₃₅; *көк/көк*₋₂₆; *кос* = *кош*₂₃; *орто* = *ортогы* = *ортон*₂₃; *баян* = *бай* = *пай/бай*₋₂₁; *кадыр** = *кайыр*₁₇; *кичинек*₁₇; *улу*₁₇; *узун/узун*₋₁₆; *чичке/чичке*₋₁₆; *ўч*₁₅; *эки*₁₄; ***жалбак*₁₃; *моко* = *мук* = *мукур*₁₃; *бес* = *беш*₁₂; ***куу*₁₂; *чаргы/чаргы*₋₁₁; *јети*₁₀; *туйук*₁₀. Максимальная частотность в данной сфере — 114. Количество единиц с частотностью 1 меньше, по сравнению со сферой **человек** — 223.

В сфере **фауна и все, что с ней непосредственно связано**, число семем с частотностью 10 и выше наименьшее: *ат/ат*₋₂₁; *айу/айу*₋₁₉; **балык/балык*₋₁₃; *аң*₁₂. Максимальная частотность — 21. Количество элементов с минимальной частотностью (= 1) — 55.

В сфере **флора и все, что с ней непосредственно связано**, число семем с частотностью 10 и выше больше, чем в сфере **человек**, и особенно в сфере **фауна и все, что с ней непосредственно связано**: *тыт/тыт*₋₃₈; *јагач* = *аач* = *агач* = *агаш* = *агыш* = *агаш*₋₃₁; *кадың* = *кайың/кадың* = *кайың*₋₂₅; *мөш* = *тўрўк* = *мөш*₋₂₀; *тал/тал*₋₂₀; *чиби* = *шиби* = *тееген* = *чиби* = *шиби*₋₁₉; **төргўн* = *дөргўн* = *төргўн* = *дөргўн*₋₁₈; *чет* = *чет*₋₁₇; *куган* = *кууган* = *кога* = *куган*₋₁₂; *терек* = *терек*₋₁₂. Максимальная частотность — 38. Количество единиц с частотностью 1—25.

Сфера **неорганический мир, вещества** выделяется из остальных высокой частотностью элементов входящих в нее семантических полей, меньшим, по сравнению с другими сферами, количеством единиц с минимальной частотностью (56) из общего числа элементов всех семантических полей данной сферы. Количество высокочастотных семем здесь наибольшее: *көл/көл*₋₁₂₈; *туу* = *таг* =

=тав=туу-¹¹⁹; суу/суу-¹⁰⁹; **баш=бас/паш=баш-¹⁰⁵;
 таш=даш/таш-⁹⁵; кобы/кобы-⁸²; *адыр=айры/адыр=—
 =айры-⁷²; *коол/коол-⁶⁸; ойык/ойык-⁵⁴; кем/кем-⁵²; кайа/
 кайа-⁴⁵; кыр/кыр-³⁹; карасу=карасук³⁶; *оос/оос-³⁶; *тө-
 бө/төбө-³⁶; *өзө=өзөк/өзөк-³⁴; ой/ой-³³; *тайга/тайга-³¹;
 боом/боом-²⁹; боочы/боочы-²⁸; *jul/jul-²⁸; *jarык²⁷; jar=—
 =чар/jар=чар-²⁶; jол/jол-²⁴; *арт/арт-²¹; *бел/бел-²¹;
 ажy=ажы=ажыг=ажык/ажy-²⁰; куjур/куjур-²⁰; кат/
 кат-¹⁶; кыйу=кыйыг/кыйу-¹⁶; меес¹⁶; сай=чай/сай-¹⁶;
 ачык¹⁵; *бут=пут¹⁵; jер=чер/чир=jер-¹⁵; корум/ко-
 рум-¹⁵; **арка¹⁴; *орой¹⁴; булак¹³; кан¹³; өзөн¹²; сору/со-
 ру-¹²; *jүрек/jүрек-¹¹; кум=кумак/кум-¹¹; *сын/сын-¹¹;
 *белтир/белтир-¹⁰; как/как-¹⁰; *мөөн/мөөн-¹⁰; чың=шың/
 чың=шың-¹⁰. Максимальная частотность — 128.

Из сопоставления всех выделенных семантических полей и сфер, к которым они отнесены, видно, что наибольшее количество семем включено в сферу человек, наименьшее — в сферу флора и все, что с ней непосредственно связано. Наибольшее количество семем с минимальной частотностью, рассчитанное исходя из общего количества семем сферы, приходится на сферу человек. Наибольшее количество высокочастотных семем входит в сферу неорганический мир, вещества.

Тюркский топонимикон Горного Алтая складывался исторически. Он динамичен, одни слова в нем потеряли свою изначальную семантическую структуру, другие сохранили. Топонимический словарь пополняется вновь, но основу его составляет некоторое количество лексем с высокой (86 в нашем материале), средней (555 единиц) и низкой (1205 единиц) частотностью. Высокочастотными мы считаем лексемы, встретившиеся в топонимиконе свыше десяти раз, среднечастотными — те, что повторяются от двух до девяти раз, и низкочастотными являются единицы, отмеченные только раз.

Чем определяется широкая употребительность одних лексем и раритетность других? Если в общей лексике высокочастотность вызывается больше актуальностью обозначаемых предметов, а раритетные слова, как правило, входят в подъязыки науки и техники, то в топонимике срабатывает экстралингвистический фактор—рельеф той местности, с которой собраны и подсчитаны данные,

наряду с чисто лингвистическими причинами, например с принципом экономии.

Высокочастотность лексем *кӧл*, *суу*, *коол*, *айры*, например, объясняется довольно просто: в Горном Алтае на площади в 92,6 тысяч км², по последним данным, 7000 озер, а число рек и водотоков составляет 20188.

Вполне понятно, что *ойык*, *айры*, *коол* по частотности приближаются к основному гидронимическому номену *суу*: 95% всего количества рек приходится на реки длиной менее 10 км, среди которых преобладают реки с летним половодьем на высотах свыше 2500 м и реки с грунтовым питанием в зоне 500—3000 м. Приведенные данные частично объясняют высокочастотность *кара* (водотоки с грунтовым питанием) и *ак* (реки с летним половодьем) в гидронимах.

Горный характер рельефа дает нам высокую частотность *туу*, *кайа*, *тӧбӧ*, *боом* и др. Высокая частотность *тытту* тоже имеет свои основания: самое широкое распространение в горах Алтая имеют лиственничные леса.

А вот высокую частотность *јаан*, *ӱстиги*, *алтыгы*, *кичӱ* определяют уже лингвистические факторы, а среди них — принцип экономии.

Экстралингвистическая заданность топонимического словаря лежит в основе его фактической неисчислимости и открытости. Культурно-историческое освоение территории непрерывно вызывает к жизни новые номинации. Язык же предоставляет возможности для возникновения имен асимметрией своих словесных знаков, инвентарными моделями построений, способами комбинирования слов, наличием обобщенных словесных комплексов и т. д.

Структура апеллятивного и топонимического вокабуляра определяется соотношением различных классов слов со своей семантикой и внутренней организацией, а потому апеллятивный и топонимический словарь отличаются: 1) своим составом и объемом, 2) охватом семантическим картированием реального мира, 3) распределением лексикой на различные семантические поля, предметные группы и терминологические микросистемы, 4) частотностью своих элементов, 5) объемом содержания отдельных лексем, 6) степенью терминологизации, 7) распределением смыслового содержания между элементами словопроиз-

водства, 8) моделями словообразования, 9) типами синтаксических структур, 10) количеством частей речи и свойственных им грамматических категорий, значений и форм, 11) особенностями контекстуального употребления, 12) функциями в языке и речи, 13) социальным статусом и т. п.

Таким образом, топонимы — один из видов номинативных, называющих и обозначающих единиц языка. При всей разнице между топонимическим и апеллятивным словарями топонимия все же не является языком в языке, это особый лексический слой языка, обслуживающий нужды номинации, различения, опознания предметов и регулируемый теми же закономерностями, что и остальные слои языка.

В. У. МАХПИРОВ (Алма-Ата)

**«ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК»
МАХМУДА КАШГАРСКОГО И ВОПРОСЫ
ТЮРКСКОЙ ТОПОНИМИКИ**

Большое значение при изучении собственных имен имеют исторические памятники, сохранившие древние имена и их формы. Изучение их способствует выяснению многих затемненных вопросов образования и развития системы собственных имен. Одним из замечательных памятников тюркской культуры является «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского, который в настоящее время является почти единственным источником информации о жизни тюрков в XI в.

Среди данных «Дивана» весьма ценным представляется историко-географическое наследие Махмуда Кашгарского, которое привлекает пристальное внимание

ученых и высоко оценивается ими¹. Так, известный узбекский топонимист С. Караев утверждает, что «Диван» Махмуда Кашгарского «является ценнейшей топонимической работой XI века» и представляет собой «неисчерпаемый источник как для историка-лингвиста, так и для топонимиста»².

География «Дивана» чрезвычайно обширна, несмотря на желание средневекового ученого познакомить читателя с собственно тюркской землей. Им упоминаются города и реки, страны и области различных районов мира. Географические данные Махмуда Кашгарского имеют два источника. Во-первых, это классическая географическая литература. Автор «Дивана» был образованнейшим человеком своего времени и использовал в своем труде огромный опыт географической литературы. Таковы, например, сведения об упоминаемых им странах *Şararka* (I, 29)³, *Yemen* (I, 86), *Rum* (I, 28, 30), *Rus* (I, 32, 2—48) и др. Вторым и наиболее ценным источником географических данных словаря были наблюдения самого Махмуда Кашгарского, сделанные во время многолетнего путешествия, в ходе которого автор «Дивана» изучал не только языки тюрков, но и их города, реки, селения и т. д. Всего в его работе насчитывается 175 топонимов.

Автор «Дивана» провел большую исследовательскую работу по определению основных терминов, употребляющихся в географических названиях. Так, слово

¹ *Хасанов Х.*: Среднеазиатский географ-филолог XI века. — Изв. Узб. филнала ВГО, Ташкент, 1960, т. 5, с. 91—100; Ценный источник по топонимии Средней и Центральной Азии. — В кн.: Топонимика Востока: Труды совещания. М., 1962, с. 58—62; Махмуд Кошгарий. Хаети ва географик мероси. Тошкент, 1963; Географическое наследие ученых Средней Азии: Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. Ташкент, 1967; *Караев С.* Опыт изучения топонимии Узбекистана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1969; *Әбдірахманов А.* Махмуд Қашқари және ономастика мәселелері. — Қазақстан мектебі, 1971, № 10, 88—91б; *Караев С.* Историко-географические данные, сообщаемые Махмудом Кашгаром (по Тянь-Шаню и Семпречью). — Советская тюркология, 1972, № 1, с. 111—113.

² *Караев С.* Опыт изучения топонимии Узбекистана, с. 11.

³ Топонимы «Дивана» приводятся по изданию: *Divanü lügat-it-Türk tercümesi.* Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939 (I), 1940 (II), 1941 (III). Римской цифрой обозначен том издания, арабской — страница.

balıq, по Махмуду Кашгарскому, означало в доисламские времена у тюрков 'город'. Уйгуры также употребляют это слово и называют свои города Bes-balıq 'пятиградье', Yengi-balıq 'новый город' и т. д. (I, 379). Для обозначения города широко применялось слово kerd (I, 343). У огузов и их ближайших соседей kerd означало 'кишлак', 'селение' (I, 344). Общеизвестно, что слово kerd — иранского происхождения, но это заимствование было столь древним, что уже в XI в. связь его с иранским была утрачена для тюрков. Более того, при определении границ земли тюркской Махмуд Кашгарский проводит своеобразное ареальное исследование и считает исконно тюркскими земли от Мавераннахра на восток, ибо названия городов Taskerd, Semizkerd, Tünderd, по его мнению, чисто тюркские, образованные с помощью тюркского слова kerd 'город' (III, 150). Kasgar — главный город тюрков XI в. назывался также Ordu kerd 'город-ставка', 'город, где живет хан', так как в этом городе жил когда-то Афрасиаб (I, 343), Fergana называлась Özkerd 'свой город', а название Semizkerd 'жирный (богатый) город' по-персидски звучит Semerkand (I, 344).

Не ограничиваясь исследованиями основных географических терминов, Махмуд Кашгарский приводит большое количество географических названий, давая объяснение их происхождению. Приведены автором «Дивана» также данные о том, кто основал город, селение.

Самое серьезное внимание уделил автор Словаря вопросам местонахождения городов, селений, рек, гор и т. д. Почти каждое географическое название, упоминаемое в «Диване», сопровождается конкретными указаниями на то, чей это объект, кем основан, или кому принадлежит, где он расположен, с чем граничит и т. д.

Данные Махмуда Кашгарского о местонахождении того или иного географического объекта оказываются «заслуживающими доверия и очень часто подтвержда-

ются новыми археологическими открытиями»⁴. Кроме того, многие из топонимов, упоминаемых Махмудом Кашгарским, существуют и поныне: Bedel Art, Taskend, Etil, Ertis, Zanbi Art, Ila, Uç и многие др.

Как видим, историко-географическое наследие Махмуда Кашгарского имеет огромное значение и для современной тюркской топонимики, изучающей регионы Средней Азии, Казахстана, Синьцзяна и других районов Азии.

Попытаемся дать лексико-семантическую классификацию топонимов «Дивана».

Видный теоретик советской ономастики А. В. Суперанская пишет: «Описание и анализ собственных имен невозможны без определенной классификации, которая присутствует в ономастической работе как своеобразная платформа автора либо специально им вводится для более четкого разграничения явлений»⁵.

Топонимистами были предложены различного рода классификации топонимов, в основу которых положены и разные принципы подхода⁶.

Наиболее распространенной является лексико-семантическая классификация. Взяв за основу семантику географических названий, многие исследователи разбивали топонимы на группы по названиям животных, растений и т. д. Как указывает В. И. Топоров, подобный анализ позволил вскрыть ряд факторов, представляющих интерес для истории языка и территории, но при таком анализе всегда остаются неясности⁷.

На наш взгляд, лексико-семантическая классификация (как и любая другая) должна быть прямым продолжением этимологического анализа и, в определенной мере, служить объективным подтверждением его.

⁴ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957, т. 4, с. 268.

⁵ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973, с. 148.

⁶ Обзор топонимических классификаций см.: Суперанская А. В. Общая теория имени собственного, с. 149—160; Черняховская Е. М. История разработки топонимических классификаций. — В кн.: Развитие методов топонимических исследований. М., 1970, с. 55—65; Мурзаев Э. М. География в названиях. М., 1979.

⁷ Топоров В. И. К проблеме классификации в топонимике. — В кн.: Исследования по структурной типологии. М., 1963, с. 226—231.

Поэтому несомненно, что «классификация топонимического материала может быть только тогда удовлетворительной, когда она вытекает из самого материала, а не предпринимается автором еще до изучения его»⁸.

Как показывает этимологический анализ топонимов «Дивана», основы, от которых образованы географические названия, можно разделить на две большие группы: а) основы, представляющие собой имена собственные и б) основы — нарицательные слова⁹.

Промежуточное положение между ними занимают топонимы, основа которых — слова, связанные с древнейшими религиозными представлениями и культовыми обрядами и т. д. Чаще всего эти обозначения божеств, тотемов, фетишей и др. Эти топонимы стоят все же ближе к отонимическим.

Анализ топонимов «Дивана» в лексико-семантическом плане позволяет выделить их три основных типа.

Топонимы-посвящения (меморативы). В данную группу нами включаются все отонимические топонимы и близкие к ним названия, образованные от слов, обозначающих различного рода божества, тотемы, фетиши. Иными словами, данную группу составляют географические названия в честь кого-либо, чего-либо.

1. Антропотопонимы — географические названия, образованные от различных имен людей. Чаще всего в основе подобных названий лежат имена основателей или первопоселенцев. Так, по Махмуду Кашгарскому, названия городов *Bagsgan* (III, 135) *Bagman* (III, 369), восходят к именам сыновей Афрасиаба, заложивших эти города, город *Su* был основан тюркским ханом по имени *Su* (III, 413). В основе города *Kazvin*, по Махмуду Кашгарскому, лежит словосочетание 'Каз оупи 'игра Каз' (место, где играла Каз — дочь Афрасиаба), а в названии реки *Kaz suwi* — видится значение 'вода (река) Каз' (III, 151). Название города *Kesmir* (I, 457)

⁸ Черняховская Е. М. История разработки топонимических исследований, с. 65.

⁹ Классификацию топонимов по данному признаку впервые предложил Ф. Миклошич. См.: Супранская А. В. Общая теория имени собственного, с. 149.

исследователи связывают с именем мифологического Кашьяпы: Kesmir < Kaşyara-mira санскр. 'море Кашьяпа'¹⁰, или Kesmir < Kaşyara-maḡ санскр. 'жилище Кашьяпы'¹¹ и др.

2. Этнотопонимы. В Словаре Махмуда Кашгарского приведен целый ряд топонимов, связанных с этнонимами: Bulgar — древний город тюрков (I, 456) < bulgar — этноним; Kifçak — город у Кашгара (I, 474) < kifçak — этноним, название города Harzem исследователями возводится к этнониму Xwarizam < xwarī + zam 'земля, страна' > Harzem 'земля народа хварн, народа солнца'¹². На наш взгляд, название города Minglak (I, 431) также восходит к этнониму: ming + -lak афф. > Minglak 'место, где расположено племя минг'.

Широко распространены подобные названия в гидронимии и микротопонимии: Yabaqı suwı — название реки (III, 36) 'вода (река) племени ябаку'; Hazar — название моря (III, 150) < этноним hazar; Aramut — название местности < этноним aramut (I, 157); Komuk — название местности < этноним komuk (III, 339) и др.

3. Топонимы-посвящения, связанные с первобытными культами, религиозными представлениями и верованиями. Так, названия горных озер Au köl (III, 135) 'лунное озеро' и Yulduz köl (III, 135) 'звездное озеро' связаны, по всей вероятности, с древнейшим культом небесных светил. Пережитки культа животных сохранились в названиях: Adhig — селение (I, 63) < adhig — родовое название из названия тотема, широко распространено у тюрков; Kaşka bogra — название двух местечек (I, 425) < kaşka bogra 'верблюд, с белой отметиной на лбу' — также тотемное животное.

К названию фетишей восходят Bay Yığaç (III, 158)

¹⁰ Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 185.

¹¹ Березин Н. И. Географические имена: Объяснение их в связи с историей открытия. Слб., 1894, вып. 1, с. 135.

¹² Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 117.

и Ala Yığaç (I, 82). Наконец, к числу топонимов-посвящений можно отнести Otügen — местность в татарских степях (I, 198) <монг. otügen ~ utügen 'земля-владычица', 'божество земли' < Utügän — название священного горного хребта на Енисее <тюрк. utügän 'горы, покрытые тайгой'¹³.

Топонимы-описания (дескриптивы). Это топонимы, образованные из нарицательных слов, характеризующих так или иначе местные географические условия, рельеф, месторасположение объекта и т. д. Среди дескриптивов мы выделили:

1. Топонимы, отразившие местные географические условия: Altun kap — название горы (III, 193) 'место, где добывают золото', Baqırlıq — название местности (I, 495) 'медное'; Kağa kaş öküç 'река черного нефрита' и Ütüng kaş öküç 'река белого нефрита'. По Махмуду Кашгарскому, на этих реках добывали нефрит (III, 152) и др.

2. Топонимы, в которых отразились зрительные характеристики объекта: Koçngar beşi <koçngar 'баран' + beşi 'голова' <koçngar beşi 'гора, похожая на баранью голову'. Зрительное восприятие отразилось в названиях рек: Иа/Или (I, 82) <монг. іа 'сверкающий, блестящий'¹⁴ или Иа/Или <халха-монг. іл 'ясный, открытый' > Иа 'открытая, ясная река'¹⁵. Аналогично, по мнению исследователей, название реки Кеукеп (III, 175) <монг. gägään 'светлый, ясный'¹⁶; название реки Таман (I, 38), на наш взгляд, следует связать с перс. taban 'сверкающий'¹⁷ и др.

3. В географических названиях может содержаться

¹³ *Потанов Л.* Новые данные о древнетюркском Отүкән. — Советское востоковедение, 1957, с. 106—117.

¹⁴ *Кононов В. А.* Краткий топонимический словарь, с. 154.

¹⁵ *Мурзаев Э. М.* Краткий топонимический словарь Синьцзяна. — В кн.: Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1966.

¹⁶ *Мурзаев Э. М.* Очерки топонимики. М., 1974, с. 193; *Әбдірахманов А.* Топонимика және этимология. Алматы, 1975, 101 б.

¹⁷ *Абаев В. И.* Этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973, т. 2, с. 260.

описание месторасположения объекта: Kizil öz название ущелья (I, 80), может быть kizil 'южный' или 'западный'¹⁸; Balu — город у Аргу (III, 251) <ир. balo 'верхний'; Kuz uluş (I, 62) <kuz 'часть горы, не освещаемая солнцем'+uluş 'селение'>kuz uluş 'селение на склоне горы, освещаемое солнцем'. Название страны Yemep (I, 86) исследователями возводится к арабскому yemep 'правый'¹⁹ и др.

4. К числу топонимов-описаний можно отнести также топонимы, несущие в себе субъективно-оценочную характеристику данных объектов: Агук-Тугук — название перевала (I, 380) <агук 'худой, усталый, утомленный'+тугук 'худой, усталый', название дано за труднопроходимость и выражает субъективно-оценочное описание; Bedel Art — труднопроходимый перевал (I, 392) досл. 'бессердечный перевал' или 'почетный перевал'²⁰, Қага Yalga — название оврага (III, 33) досл. 'черный овраг', перен. 'злой, ужасный овраг' и др.

Формы субъективной оценки могут быть и положительными; в частности в названиях городов: Mankend (III, 157) 'укрепленный город'; Mankislak (III, 157) <ман 'укрепленный'+kislak 'селение'>ман kislak 'укрепленное селение'²¹; Inçkend 'спокойный, тихий город' (III, 150), Tümkend 'спокойный город'. В названиях Semizkend (I, 344) 'жирный (богатый) город', Özkend 'свой город' (I, 344) также ясно прослеживается определенная оценка.

Окказиональные топонимы (собственно апеллятивные).

Образованы от апеллятивов, служащих для обозначения различных объектов. Для жителей какой-либо местности первоначально не было необходимости в выделении данного объекта в ряду других и поэтому он

¹⁸ Кононов А. Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов. — В кн.: Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.

¹⁹ Никонов В. А. Краткий топонимический словарь, с. 165.

²⁰ Мурзаев Э. Краткий топонимический словарь Синьцзяна, с. 398.

²¹ Атанязов С. Еще раз об этимологии слова «Мангышлак». — Памятники Туркменистана, 1974, № 1, с. 27.

обозначался нарицательным словом, и лишь позднее это слово стало восприниматься как топоним и перешло в разряд собственных имен, например *öküz* 'река' > *Öküz* 'название реки'. По структуре эти топонимы почти всегда односоставные, за исключением тех случаев, когда появляется необходимость обозначить два или более объекта из данного (*Старый город, Новый город, Верхний, Нижний* и т. д.) или если в состав имени входит числительное (*Bes Balıq* 'пять городов').

1. Широко распространено явление, когда название реки является нарицательным словом со значениями 'вода', 'река' на языке древних обитателей этой реки: так, по Махмуду Кашгарскому, *Seyhun, Fırot* и другие крупные реки назывались *Öküz* <др.-тюрк. *öküz* 'река'. Аналогично происхождение названия *Etil* (I, 30, 73) <*etil* ~ *itil* ~ *idil* 'река, большая река'²². Устья рек, впадающих в болото или теряющихся в песках, назывались *tağım*, отсюда и название реки *Tağım, Usmî Tağım* (I, 394).

2. Точно также слова для обозначения городов, населенных пунктов становились собственными именами, иногда включая в свой состав лишь определение *Yengi Balıq* 'новый город' (I, 113), либо количественное числительное — *Bes Balıq* 'пятиградье' (I, 113). Аналогично происхождение следующих названий: *Köçe* (III, 219) <*köçe* ир. 'улица, поселок'²³; *Xotan* (I, 29) <санскр. *xotan* 'жилище, дом, селение, город'²⁴ и *Sugnak* (I, 417) <*sugınak* 'укрепление'²⁵.

3. Процесс оптимизации нарицательных слов наблюдался и в случае, когда слово, обозначающее какой-либо (не географический) объект, переносилось на город или селение и затем закреплялось как топоним: *Buḡağa* (I, 471) <ир. *buḡağa* 'монастырь'; *Katun Sini* (III, 138) <*katun sini* 'могила госпожи' и др.

4. Онимизации подверглись и определенные географические термины: *Barḡan* — название нижнего чина

²² Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — В кн.: Тюркологический сборник, 1975. М., 1978, с. 175.

²³ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. 2, с. 616.

²⁴ Мурзаев Э. М. Очерки топонимики, 355.

²⁵ Эбдірахманов А. Топонимика және этимология, 158-б.

(I, 409) <barhan 'подвижный песчаный холм'²⁶, Saygam — название города (III, 176) <saygam 'каменистое пространство между рек' (ар. назв. данного города — Isbiçab — калька с тюрк.)²⁷; Bağgam qum — название песчаного массива (I, 477) <bağgam qum 'мелкий лечебный песок' (I, 477) и др.

5. Наконец, окказиональные топонимы образовывались и от ряда слов, обозначающих хозяйственные объекты, в основном связанные со скотоводством: Itliq > atliq 'конюшня' (на языке жителей этого города) (I, 124); Kasi > kaşi 'хлев', 'коровник' (III, 224); Suwlag 'топоним' < suwlag 'водопой' (I, 464) и др.

Таковы основные группы топонимов «Дивана».

Х. Ф. ИСХАКОВА (Москва)

СТРУКТУРА СОСТАВНЫХ ТОПОНИМОВ (на материале тюркской топонимии Крыма)

Под составными топонимами мы понимаем любые топонимы, состоящие из двух и более слов, независимо от того, пишутся они слитно (и, таким образом, формально образуют сложное слово) или раздельно.

В настоящей статье нас будет интересовать синтаксическая¹ структура топонимов, описание которой, по су-

²⁶ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на «Б». М., 1978, с. 65.

²⁷ Хасанов Х. Орта Осиё жой номлари тарихидан. Тошкент, 1965, 68-б.

¹ Говоря о синтаксической структуре составных топонимов, мы считаем возможным пренебречь слитностью/раздельностью написания их компонентов, так как во многих случаях наблюдается то слитное, то раздельное написание одного и того же топонима в разных источниках, ср., напр.: нп *Учкую*, *Учькуй/Уч-Кую*, *Учь-Кую/Учь Кую*, пещ. *Бинбаш-Коба/Бинбаш хоба/Бин-баш-хоба/Бин баш*, нп *Азберде/Аз-Берди/Аз Берди/Аз берды*. Эти и все другие примеры, приведенные в статье, взяты из картотеки Словаря топонимии Крыма, который составляется в Институте языкознания АН СССР.

ществу, сводится к описанию синтаксических отношений² между компонентами составного топонима.

Естественно, здесь будут рассматриваться только топонимы с достаточно прозрачной, с точки зрения современных тюркских языков, структурой.

Всю массу составных топонимов можно разбить на две неравные по объему группы: топонимы, представляющие собой определительные (или именные) конструкции (их подавляющее большинство), и топонимы, представляющие собой предикативные (или глагольные) конструкции (их меньшинство). Рассмотрим их по отдельности.

Топонимы, представляющие собой определительные конструкции. Среди них можно выделить три подгруппы: бинарные конструкции с однозначно определяемым синтаксическим отношением; небинарные конструкции с однозначно определяемым синтаксическим отношением; конструкции, допускающие неоднозначное определение синтаксического отношения.

1. Бинарные конструкции состоят из двух имен: второе имя является главным (определяемое), первое — зависимым (определение). К бинарным конструкциям с однозначно определяемым синтаксическим отношением относятся:

1) конструкции, в которых представлено о п р е д е л и т е л ь н о е синтаксическое отношение:

а) конструкции, оформленные по первому типу изафета (сочетание двух имен в основном падеже), напр.: г. *Ардыч-Кая* 'скала, поросшая можжевельником' (крат., тур. *арды* 'можжевельник' — Радлов, I, 323; крат., куман., тур. *каја* 'скала' — там же, II, 88), оз. *Биюк-Гол* 'большое озеро' (тур. *бүйүк, бөйүк* 'большой, высокий, великий, могучий', куман. *бик* 'высокий' — Радлов, IV, 1883 и 1739, ккар. *бүйүк* 'большой', *бийик* 'большой, высокий, великий' — Кар. сл., 144, 115; тур. *гөл*, крат. *гөл* 'озеро, пруд, лужа' — Радлов, II, 1599), ледяная пещ. *Бузлук-Коба* (тур. *бузлук* 'ледник' — Радлов, IV, 1869; ккар. *кэоба* 'пещера' — Кар. сл., 368);

б) конструкции, представляющие собой сочетание

² Точнее: поверхностно-синтаксических отношений. См.: Никитин С. Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1978, с. 291.

двух имен, из которых первое — определение — имеет аффикс прилагательного: нп *Тереклы Ас* 'Ас, имеющий тополя, поросший тополями' (куман. *tārāk* 'тополь' — Радлов, III, 1061—1062); тюрк. *-лы* — аффикс со значением наличия, обладания; *ас* — этноним, см. Аристов, 404), нп *Алгы-Пармак* 'передняя вершина', букв. 'передний палец' (тур. диал. *ал* 'перед, передняя часть/сторона' — Севортян, 124; тюрк. *-фы*, *-ги* — аффикс, образующий относительные прилагательные; тур. *пармак* 1) 'палец' 2) 'сопка' — Радлов, IV, 1160; ср. в топонимии Азербайджана *бармаг* 'остроконечная вершина, скала, пик', букв. 'палец' — Бушуева, 32—33), г. *Асма Кая* 'висячая скала' (тур. *асма* 'висячий' от *ас-* 'вешать, подвешивать' — Тур. сл., 69; ктат., куман., тур. *каја* 'скала');

2) конструкции, в которых представлено притяжательное отношение:

а) конструкции, оформленные по третьему типу изафета (сочетание двух имен, из которых первое имеет форму притяжательного падежа, а второе — форму основного падежа с аффиксом принадлежности 3-го л.): поляна *Босинин-Голи* 'озеро Боси', г. *Аганын Бурун* 'мыс старшего брата' (кар., ног., ктат. *ага* 'старший брат, лицо привилегированного сословия' — Севортян, 70; тур., ктат., куман. *бурун* 'мыс, предгорье' — Радлов, IV, 1821—1822), ур. *Аганын-Голю* 'озеро старшего брата'. Эти сочетания иногда могут встречаться и в искаженном виде: первое имя в притяжательном падеже, второе — в основном падеже без аффикса принадлежности: *Аганын-Бурун*, *Аганын-Голь*. Возможно, подобные сочетания — результат неправильной русской передачи топонима. Конструкция с искажением выступает как вариант грамматически правильной конструкции;

б) конструкции, оформленные по второму типу изафета (сочетание двух имен в основном падеже, из которых второе снабжено аффиксом принадлежности 3-го л.): пер. *Алакат-Богазы* 'Алакатский перевал' (тур. *боғаз* 'ущелье, пролив, устье реки' — Радлов, IV, 1649—1650; в топонимии Азербайджана *боғаз* 'узкий проход, перевал' — Бушуева, 38; в топонимии Крыма — 'дорога через/на яйлу' ср.: «горные проходы, называемые бгазами» — Крубер, 4), нп *Ана-Эли* 'материнская сторона' (ктат., куман.,

тур. *ана* 'мать', ктат., тур. *ай* 'племя, семья, жители одной местности', в тур. также 'страна' — Радлов, I, 226—227, 803—804, ктат. *эль* 'край, сторона, местность' — Эбасанов О. А., носитель языка), нп *Черкез-Эли* 'племя/сторона/край черкезов' (*черкес* — родовое имя, см. Аристов, 379, 392);

в) конструкции, оформленные по первому типу изафета (сочетание двух имен в основном падеже, первое имя обозначает лицо): г. *Абога Тепе* 'дядина вершина' (куман. *абага* 'брат отца, дядя' — Радлов, I, 622; ктат. *тöпй* 'вершина' — Радлов, III, 1269), пастб. *Абла-Коба* 'пещера старшей сестры' (ктат., тур. *абла* 'старшая сестра, матрона' — Радлов, I, 634, ккар. *кзоба* 'пещера'), г. *Айваз-Кая* 'скала Айваза';

3) конструкции, в которых представлено количество и синтаксическое отношение. В них определение бывает выражено количественным числительным или наречием с количественным значением. Например: балка *Бешташ* букв. 'пять камней' (тур., ктат., куман. *баш* 'пять' — Радлов, IV, 1635; тур., куман. *таш* 'камень, каменный' — Радлов, III, 931), р. *Бештерек* букв. 'пять тополей' (куман. *тәрәк* 'тополь'), кург. *Алты Оба* букв. 'шесть курганов' (тур., ктат., куман. *алты* 'шесть' — Радлов, I, 405; ног. *оба* 'курган, насыпной холм, горка' — Ног. сл., 239), нп *Коп-Кипчак* 'много кипчаков' (куман. *кõп* 'много, многочисленный' — Радлов, II, 1309, ккар. *кõп* то же — Кар. сл., 338, ног. *кõп* то же — Ног. сл., 179, *кипчак* — племенное название, см. Аристов, 286, 403).

Однако числительные, может быть, не стоит переводить буквально, так как в топонимии они могут иметь несколько иное значение, чем в обычном употреблении. Так, в топонимии Алтая, *беш* может иметь значение 'какого-то компактного количества, чего-то, находящегося вместе, как в горсти, в пятерне', а *алты* — значение 'некоего четного количества' (см. Молчанова, 154—155). Это явление отмечено также Э. М. Мурзаевым для Средней Азии (см. Мурзаев, 225);

4) конструкции, в которых представлено уподобительное синтаксическое отношение (конструкции, оформленные по первому типу изафета, всегда пишутся слитно): нп *Бакаташ* 'камень, похожий на лягушку'

{ккар. *бакъа* 'лягушка' — Кар. сл., 99; *таш* 'камень'), скала *Таракташ* 'камень, похожий на гребень' (тур. *тарак* 'гребень' — Радлов, III, 383—389, ккар. *таракъ* то же — Кар. сл., 514, ног. *тарак* то же — Ног. сл., 335), г. *Аюдаг* 'гора, похожая на медведя' (тур., ктат., куман. и др. *айу* 'медведь' — Радлов, I, 223—224; тур., куман. *даг* 'гора, горная цепь' — Радлов, III, 1611).

II. Небинарные конструкции в большинстве случаев состоят из трех имен. При этом либо первые два имени вместе образуют составное определение к третьему, либо второе и третье имена вместе выступают как составное определяемое для первого имени. Таким образом, эти конструкции можно рассматривать как состоящие из двух компонентов: простого и составного (составной компонент в примерах дается в квадратных скобках). К небинарным конструкциям с однозначно определяемыми синтаксическими отношениями относятся:

1) конструкции, в которых представлены определенные синтаксические отношения:

а) конструкции из трех имен в основном падеже: р. *Биюк* [*Карасу*] 'Большая Карасу', где *Карасу*, в свою очередь, переводится как 'земляная, т. е. родниковая, вода' — Мурзаев, 225, 'вода, получающая питание из земли, прозрачная вода' — Кононов, 84 (тюрк. *кара* 'черный', в тур. также 'земля, суша' — Радлов, II, 132—142; тур., ктат. *су* 'вода, река, ручей' — Радлов, IV, 743—745)³, дорога [*Узун Алан*] *Йол* 'Узун-Аланская дорога'/дорога, находящаяся в местности Узун Алан' (ктат., куман., тур. *узун* 'длинный'; тур. *алан* 'открытое место в лесу, поляна' — Радлов, I, 1768, 359, тур. *алан*, ктат. *алаң* 'прогалина, поляна' — Севортыан, 134—135);

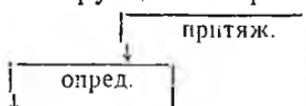
б) конструкции из трех имен в основном падеже, из которых второе имеет аффикс прилагательного: нп

³ Река *Биюк Карасу* течет с гор и имеет большую протяженность, в том числе и в степной части Крыма. Неизвестно, какая именно часть реки впервые получила данное название, на картах запись названия приходится на степную часть. Приведенная этимология *Карасу* может быть верна для этой крымской реки, если она получила это название в своем верховье, см., напр., у Рухлова, с. 134: р. *Биюк Карасу* «начинается сухоречьем длиною около одной версты, в северных отрогах горы Голь-Кая, а затем вступает в район выхода родниковых вод Карасу-Баши»; Карасу-Баши — это самый крупный карстовый источник Крыма на севере Караби-яйлы.

Биюк-[Каялы-Кенегес] 'Большой скалистый Кенегес/Большой Кенегес, имеющий скалу/скалы' (*кенегес* — племенное название, см. Аристов, 423), ср. нп *Каялы-Кенегез*;

2) конструкции, в которых представлены определительное и притяжательное синтаксические отношения:

а) конструкции из трех имен в основном падеже:

нп [Ашага Кэсэк] Аратук 'Нижняя часть Аратука' (клат., тур. *ашага* 'нижняя часть, внизу, низкий, долина, низменность' — Радлов, I, 589; ног. *кесек* 'кусок, часть' — Ног. сл., 163),

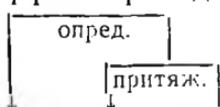
нп *Аджитатман* [Ой Кесек] 'часть Аджитатмана находящаяся в низине/ложбине' (ног. *ой* 'низина, ложбина, впадина, котловина' — Ног. сл., 241):

б) конструкции из трех имен в основном падеже, из которых третье имеет аффикс принадлежности 3-го л.:

овраг [Аджи-Су]-Эчи 'Внутренняя часть горькой/горьковатой воды' (тур. *ачы* 'горький' — Радлов, I, 518, азерб. *ачы* 'горький, горьковатый' (в гидронимах) — Бушуева, 19; клат., куман., тур. *ич* 'внутренность, внутренняя часть' — Радлов, I, 1511);

в) конструкции из трех имен в основном падеже, из которых первое имеет аффикс прилагательного, а третье — аффикс принадлежности 3-го л.

нп *Чокраклы* [Шейх Эли] 'Шейх-Эли, имеющий источник(и)' (*шейх* — родовое имя, см. Аристов, 384, 392; клат. *чокрак* 'источник' — Радлов, III, 2008);

3) конструкции с определительными и уподобительными синтаксическими отношениями (три имени в основном падеже), например:

скала *Аджи* [*мушкой*] 'Труднопроходимая скала, похожая на угол или кулак' (азерб. *ачы* 'длинный, извилистый, труднопроходимый' (в названиях долин, балок и т. п.) — Бушуева, 19; чаг. *муш* 'угол', тар. *муш* (из перс.) 'кулак' — Радлов, IV, 2209; ктат., куман., тур. *каја* 'скала'),

нп *Биюк* [*Таракташ*] 'Большой Таракташ';

4) конструкции с количественным и определительным синтаксическими отношениями:

а) конструкции из трех имен в основном падеже, первое имя — числительное:

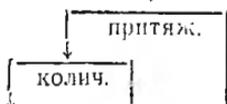
пещ. [*Бинбаш*]-*Коба* 'пещера тысячи голов' (тур. *бін* 'тысяча', тюрк. *баш* 'голова' — Радлов, IV, 1743, 1546).

нп [*Учкую*]-*Тархан* 'Тархан с тремя колодцами' (ктат., тур., *уч* 'три' — Радлов, I, 1871; ктат., куман., тур. *кују* 'колодец' — Радлов, II, 904—905; тур., чаг. *тархан* 'тархан, привилегированное сословие, племя джагатайское' — Радлов, III, 854);

б) конструкции из трех имен в основном падеже, первое имя — числительное, третье имеет аффикс принадлежности 3-го л.:

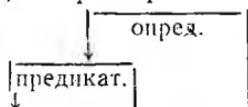
нп [*Бешуй*]-*Эли* 'Край пяти домов' (ног. *уый* 'дом' — Ног. сл., 387);

5) конструкции с количественным и притяжательным синтаксическими отношениями (конструкции из трех имен: первое — числительное в основном падеже, второе имя — в притяжательном падеже, третье имя стоит в основном падеже и имеет аффикс принадлежности 3-го л.):

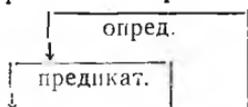

мыс [Уч Каянын]-Бурну 'Мыс трех скал';

6) конструкции, в которых представлены предикативное и определительное синтаксические отношения. Эти конструкции состоят из трех компонентов: первый (часть определения) и третий (определяемое) — имена, а второй (в отличие от компонентов ранее рассмотренных конструкций) — глагольная форма. Первое имя является подлежащим глагольной формы, а вместе они составляют сложное определение к третьему компоненту, например:

нп [Таш-Баскан]-Кой 'Деревня, покрытая (заваленная), заставленная камнями' (тур., куман. *таш* 'камень, каменный' — Радлов, III, 931; ног. *бас-* 'зарастать, покрываться' — Ног. сл., 73; ктат., тур. *көй* 'деревня' — Радлов, II, 1216; тюрк. *-кан* — афф. прош. неочевидного времени, а также причастия прош. времени),

мыс [Чобан-Басты]-Бурун 'Мыс, предгорье, куда ступал/ступил пастух' (тур., ктат. *чобан* 'пастух' — Радлов, III, 2030; тур. *bastak* '[на]ступать на что' — Тур. сл., 97, тюрк. *-ды* — афф. прош. категорического времени).

III. К конструкциям с неоднозначно определяемым синтаксическим отношением относятся бинарные и небинарные конструкции, в которых определения выражены

именами в основном падеже или причастиями. При их рассмотрении могут быть колебания по поводу синтаксических отношений.

Итак, в тюркских составных топонимах Крыма нами выделено пять различных синтаксических отношений: определительное, притяжательное, предикативное, количественное, уподобительное. Из них первые пять часто встречаются в словосочетаниях и предложениях живых тюркских языков. Грамматические формы, в которых они выражаются, также наиболее употребительны в тюркских языках. Что же касается отклонений от языковой нормы, то они объясняются иноязычным (и, в частности, русским) влиянием. Ведь все тюркские топонимы Крыма, за исключением небольшого числа турецких названий, были зафиксированы, нанесены на карту (в каком бы веке это ни происходило) не носителями соответствующего тюркского языка, а иноязычными (русскими и иностранными) географами и картографами. И, следовательно, как бы ни старались последние точно передать в записи национальное звучание топонима, не исключено, что какая-то часть топонимов с самого начала могла быть зафиксирована в искаженном виде.

Рассмотрение составных топонимов со стороны представленных в них синтаксических отношений и выражающих эти отношения грамматических форм и синтаксических конструкций наводит на мысль, что могло бы представлять интерес сопоставительное изучение составных топонимов родственных (но относящихся к разным территориям) и неродственных языков. Причем сопоставление структуры топонимов в неродственных языках должно идти по линии сопоставления синтаксических отношений (формы же их выражения могут оказаться несопоставимыми), в то время как для родственных языков важнее сопоставление грамматических форм и синтаксических конструкций (а синтаксические отношения в них, в основном, будут совпадать).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Аристов

— Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. — Живая старина, 1896, вып. 3—4, с. 277—456.

- Бушуева — Е. Н. Бушуева. Словарь русской транскрипции географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР. М., 1971.
- Кар. сл. — Караимско-русско-польский словарь/Под ред. Н. А. Баскакова, А. Зайончковского, С. М. Шапшала. М., 1974.
- Кононов — А. Н. Кононов. О семантике слов *қара* и *ақ* в тюркской географической терминологии. — Известия отделения обществ. наук АН ТаджССР, 1954, вып. 5, с. 83—85.
- Крубер — А. А. Крубер. Карстовая область горного Крыма. М., 1915.
- Молчанова — О. Т. Молчанова. Числительные и счетные слова в алтайских топонимах. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976, с. 151—155.
- Мурзаев — Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики. М., 1974.
- Ног. сл. — Ногайско-русский словарь/Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963.
- Радлов — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1893, т. 1; 1899, т. 2; 1905, т. 3; 1911, т. 4.
- Рухлов — И. В. Рухлов. Обзор речных долин горной части Крыма. Пг., 1915.
- Севортян — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
- Тур. сл. — Турецко-русский словарь/Под ред. Э. М.-Э. Мустафаева и Л. Н. Старостова. М., 1977.

Т. В. ВОДЧАК, В. Н. ПОПОВА (Чимкент)

ОТРАЖЕНИЕ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА В ТОПОНИМАХ КАЗАХСТАНА

Из наблюдений над топонимией Северного (Павлодарской области), а затем Южного (Чимкентской области) Казахстана выявилась прямая соотнесенность многих географических названий с особенностями растительного покрова местности. Мы нанесли сетку топонимов на карту растительного покрова Северного и Южного Казах-

стана и нашли путем сопоставления данных различных источников фактическое подтверждение существования закономерности в появлении названий, отражающих флору определенной местности.

Главная причина того, что названия отдельных представителей флоры послужили основой для наименования многих географических объектов, была их информационная ценность. Так, обозначение какого-либо объекта словом *жусанды* 'попынный' информировало скотовода о том, что в данной местности следует осенью выпасать овец, которые в этом случае будут быстро прибавлять в весе¹.

Проследим закономерности отражения флоры в топонимах Южного и Северного Казахстана и соответствие последних характерным чертам растительного покрова, обусловленного климатическими и ландшафтными факторами.

Для пустынь Южного Казахстана, где растительный покров из-за недостатка влаги очень изрежен, характерны заросли разнообразных колючек: *жантақ*, 'верблюжья колючка' (кирг.), *тікенек* 'колючелистник'. Эти растения, богатые белком и являющиеся основной пищей верблюдов, закреплены казахами в 16 топонимах Чимкентской области: к. *Жантақты*² 'место, где изобилует (растет) верблюжья колючка', руч. *Қаражантақсай* 'сай (овраг, небольшая речка) в густых зарослях верблюжьей колючки', 2 ур., нп. *Қаражантақ* 'густые заросли верблюжьей колючки', руч. *Тікенек* 'колючелистник' и др.

В глинистых пустынях много видов полыней. Названия ее разновидностей также вошли в состав южноказахстанских топонимов: *жусан* 'попынь (обозначение полыни вообще)', *ерменқара* 'чернобыльник', *дәрмене* 'дармина, или цитварная полынь', *боролдай* < монг. *боролда* 'попынь'³. Примеры: к. *Ерменқара* 'попынь обыкновенная

¹ Муханов Б., Мусакулов Т., Суворов Н. Растительный и животный мир Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 14.

² Распространенная казахская модель, когда от существительного (*жантак*) образуется прилагательное при помощи аффикса *-ты* (или его вариантов *-ті, -ды, -ді, -лы, -лі*), вводящего слово в топонимический ряд.

³ Конкашпаев Г. К. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата, 1963, с. 34.

(чернобыльник)', нп. *Дәрменесай* 'сай, где растет дармина, или цитварная полынь', 8 к., ур. *Жусанды* 'попынный, в зарослях полыни', ур. *Жусандық* 'место, изобилующее полынью', 17 ар. *Жусанарық* 'попынный арык, по берегам которого растет полынь'; ур., р., хр., горы, нп. *Боролдай* 'попынь, пыльная местность', руч. *Бала Боролдай* 'малый (приток) Боролдай' и др.

Для речных долин типична полудревесная растительность — разновидности саксаула: *сексеуіл*, *ақсексеуіл* (их побеги хорошо поедаются овцами и верблюдами), *қарасексеуіл* 'саксаул безлистный' (употребляется преимущественно как высококалорийное топливо)⁴. Это повлияло на появление следующих топонимов: нп *Баусексеуіл* 'вязанка (пучок) саксаула', к *Сексеуіл* 'саксаул', выс. *Сексеуілді* 'саксаульная' и др.

Растения *жантақ*, *тікенек*, *дәрмене*, *сексеуіл* типичны для пустынной флоры Южного Казахстана, а потому их названия редко встречаются в топонимии Северного Казахстана. Отмечены лишь единичные наименования с компонентом *жантақ* и *тікенек* на юге Павлодарской области.

В Северном Казахстане многие топонимы обнаруживают закономерную связь с влаголюбивой флорой, растущей по берегам рек или днищу водоемов, а также со степными травами, окружающими их. К ней из семейства злаковых относятся: *қамыс*, *құрақ* 'тростник обыкновенный'⁵ и его производные — *құрқамыс*, *ұзынқамыс*, *сарықамыс*, *суқамыс*, *тұщықамыс*, *ащықамыс*, *майқамыс*, *қияқ* 'волоснец', *сарықияқ* 'волоснец многостебельный', *сарыайғыр* 'волоснец или колосняк гигантский', *қарайғыр*, *боз* 'ковыль перистый', *бозайғыр*; *ши* 'чий', *ақши* 'чий блестящий' *құланши*; *бидайық* 'пырей', его производные — *ақбидайық*, *қарабидайық*, *орысбидайық* и *үйбидайық* 'плевел (сорняк)', *бетеге* 'овсяница бороздчатая или типчак', *қабаетеге* 'перистый ковыль'; из семейства осоковых — *өлең* 'трава', *қараөлең* 'трава озерная'; *ақөлең* 'вейник ложнотростниковый', *сарыөлең*; из семейства бобовых — *мия* 'солодка'; *шеңгел* 'чингиль' и его произ-

⁴ Чупахин В. М. Физическая география Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 68.

⁵ Словом *камыс* казахи называют и камыш и тростник.

водные — *ақшеңгел, қарашеңгел*; из семейства рогозовых: *қоға* и его производные — *аққоға, қарақоға*; из семейства лилейных: *сарымсақ* 'лук длинноостный' и 'чеснок', *пияз* 'лук репчатый'; из семейства маревых или солянковых — *алабота* 'марь белая', из семейства гречишных — *саумал* 'кисличник'; из семейства компоситал, *ошаган* 'дурнишник обыкновенный'.

Перечисленные названия растений представлены в составе топонимов Северного Казахстана (Павлодарская область): ур., оз., нп., ж/д ст. *Құрқамыс (Құрғамыс)* 'тростник'; ур., ол., нп., отд. свх. *Ұзынқамыс* 'длинный (высокий) тростник'; р. *Суқамыс* 'водный тростник'; оз., нп., отд. уч. свх. *Қамыстыкөл* 'озеро в зарослях тростника'; бол. *Қамысқона* 'болото в зарослях тростника'; оз. *Сорқамыс* 'сор (солончаковое озеро) в зарослях тростника'; ур. *Тұщықамыс* 'пресный (хороший) тростник'; ур. *Ащықамыс* 'соленый (плохой) тростник'; ур., 3 оз., нп., 3 отд. уч. *Сарықамыс* 'желтый (светлый) тростник'; оз. *Шоққамыс* '(озеро) с куртинами тростника'; оз., ур., нп., отд. клх. *Майқамыс* 'жирный (маслянистый) тростник'; оз. *Бауырқамыс* '(озеро), где сбоку тростник'; оз. *Құраққұдық* 'колодец в тростнике'; 2 оз. *Қияқкөл* 'озеро в волоснеце'; к. *Қияққұдық* 'колодец в волоснеце'; к. *Қияқтөбе* 'холм (бугор) в волоснеце'; 2 к. *Қияқтықұдық* 'колодец, где имеется волоснец'; ур., 2 род., нп. *Сарықияқ* '(местность), где волоснец многостебельный'; ур., нп., отд. свх., горы *Қараайғыр* 'местность с густыми зарослями волоснеца, или колосняка гигантского'; ур., нп. *Бозалаң* 'поляна перистого ковыля'; оз. *Бозайғыркөл* 'озеро, где стоял бозайғыр (ковыль для жеребят)'; оз., ур., нп. *Бозайғыр* 'местность, где выпас бозайғыр'; оз. *Бозайғырсор* 'сор (солончаковое озеро), где когда-то стоял бозайғыр'; к. *Шилісор* 'солончаковое озеро с зарослями чия'; 2 ур., 2 к., 2 род., нп. *Ақши* '(местность), где чий блестящий'; к. *Ақшиқұдық* 'колодец в зарослях чия блестящего'; р. *Ақшиеспе* 'еспе (пересыхающая речка) в зарослях блестящего чия'; оз. *Құланиш* '(озеро) с куланым чием'; ур., оз., нп. *Бидайық* '(местность), где понижение с пырейником'; 2 оз., ур., нп., отд. свх. *Қарабидайық* 'подножие с густой луговой растительностью'; ур., нп., отд. свх. *Орысбидайық* 'русский пырей (плевел)'; ур. *Ка-*

бабетеге '(урочище), где перистый ковыль'; к. *Өзекөлең* 'русло (пересыхающая речка) в зарослях осоки или камыша (луговой растительности)'; к. *Жаманөлең* 'плохая (несочная) осока (луговая растительность)'; род. *Ақөлең* 'родник с вейником ложнотростниковым'; ур., нп., отд. свх. *Сарыөлең* 'вейниковоразнотравный луг'; ур. *Қараөлең (урочище)* с озерным камышом'; ур., нп., 2 к., отд. свх. *Миялы* '(урочище), где имеется солодка'; к. *Миялықұдық* 'колодец в зарослях солодки'; ур., нп., 3 отг. уч. свх. *Шеңгелді* 'чингилевый'; к. *Шеңгелдіқұдық* (Шынырау) 'колодец в чингиле'; к. *Шеңгелқұдық* 'чингилевый колодец'; ур., нп., отд. свх. *Қарашеңгел* '(местность) с густыми зарослями чингиля'; ур., нп., отд. свх. *Ортақоға* '(местность), где средняя (невысокая) куга (рогоз)'; ур. *Аққоға* 'урочище с обильной кугой (рогозом)'; 2 оз., род., к., бол., нп., отг. уч. свх. *Қарақоға* '(местность) в густых зарослях куги (рогоза)'; оз. *Қарақоғалытал* '(озеро), около которого имеются заросли куги (рогоза) и тала (ветлы)'; оз. *Қоғалыпан* 'яма (старый провалившийся колодец) в зарослях куги (рогоза)'; ур. нп., отг. уч. свх. *Сарымсақ* 'лук длинноостный (чеснок)'; ур. *Алабота* '(урочище), где марь, или лебеда'; оз. *Саумалкөл* 'озеро, где кисличник',

Одни названия растений — *бидайық (ақбидайық, қарабидайық, орысбидайық, алабота, ошаған, саумал, боз, айғыр, бозайғыр, бетеге (қабабетеге))* встречаются только в составе топонимов Северного Казахстана, другие — *камыс, өлең, ши, қияқ, мия, шеңгел, қоға* являются общими в названиях и Северного и Южного Казахстана. Например: род. *Қамыстыбұлақ* 'родник в зарослях тростника'; 2 к. *Қамысқұдық* 'колодец в камыше', ур. *Сарықамыс* 'желтый (светлый) тростник', к. *Тұшықамыс* 'пресноводный (хороший, пригодный для корма) тростник', к. *Ащықамыс* 'горько-соленый (плохой, непригодный для корма) тростник (тростник, растущий в солонцеватой местности)'; бугор *Өлеңтөбе* 'холм в камыше', г. *Екінші Қараөлең* '(гора) у Второго Караолена (озерного тростника)'; к. *Шиқұдық* 'колодец, где чий'; род. *Ақшибұлақ* 'родник в зарослях блестящего чия'; кург. *Ақшиліжал* 'гребень

горы, поросший белым (блестящим) чнем'⁶; к. *Қияқ* 'волоснец'; род. *Қияқты* 'в зарослях волоснеца'; к. *Қияққұдық* 'колодец в зарослях волоснеца'; ур., нп., 3 клх., выс. *Қоғалы* '(местность), где имеется куга (рогоз)'; 2 к. *Миялықұдық* 'колодец в зарослях солодки'; ур. *Изенді* '(урочище), где растет изень' (кохня простертая, из семейства маревых); рч. *Изендібұлақ* 'родник в зарослях изеня'; ур. *Раңдытоғай* 'тугай в зарослях рана'; ур. *Сораң* '(урочище), где соран (солянка)'; ур. *Ақсораң Түйетас* '(урочище) у Түйетаса (верблюжьего камня) с обильным сораном (солянкой)'; рч. *Сарымсақ* 'лук длинноостный или чеснок'; ур. *Сарымсақты* '(урочище), где имеется лук длинноостный (чеснок)'; ур. *Пияздысай* 'овраг, где имеется репчатый лук'; г. *Пиязақ* 'лук белый репчатый', к. *Жуалықұдық* 'колодец, где растет лук'; род. *Бүлдіргенбұлақ* 'земляничный родник' (*бүлдірген* 'земляника лесная'), *Бүлдіргенсай* 'земляничный сай (небольшая пересыхающая речка)'; ур. *Көкжидек* '(урочище), где растет малина' (у Е. Койчубаева — вид земляники).

Североказахстанскую лесостепь на юге сменяет степная зона, северная часть которой представлена разнотравно-злаковой степью. Богатые кормовыми травами пастбища также отмечены в ряде топонимов: ур. *Пишенді* 'сенокосное', к. *Пишенқұдық* 'колодец около сенокоса', оз. *Шөптікөл* 'травянистое озеро' и др.

На юге Павлодарской области топонимы обозначают наличие определенных кормовых растений (ковыль, айгыр, чингиль), либо носят общий характер, т. е. указывают на ценность пастбища в целом. Примеры: ур., нп., 3 отг. уч. свх. *Шеңгелді* 'чингилевый'; ур., нп., отд. свх. *Қарашеңгел* 'густые заросли чингиля'; оз., ур., нп. *Бозайғыр* 'степной айгыр (ковыль для жеребят)'; нп. *Бозалаң* 'ковыльная поляна'; к. *Қабаетеге* 'в зарослях высокой овсяницы'; оз., к. *Жыңғылды* 'где растет много гребенщика (тамарикса)'; оз. *Жыңғылдысор* 'сор, около которого растет много гребенщика, тамарикса'.

Топонимы, созданные на базе степной флоры, нередки в Южном Казахстане. *Шеңгел* и *жыңғыл* характерны больше для долин пустынных рек Южного Казахстана,

⁶ Толкование ряда топонимов дано по «Краткому толковому словарю топонимов Казахстана» Е. Койчубаева (Алма-Ата, 1974).

где образуют, наряду с другими растениями, пойменные леса — тугай: ур., к., нп. *Шеңгелді* 'чингилевый'; рч. *Шеңгелтоғай* 'чингилевый тугай'; сух. русло *Шеңгелдісай* 'чингилевый сай'; овр. *Жыңғылдысай* 'сай, где растет тамарикс'; оз., 2 ур. *Жыңғылшыған* 'залив (озеро) в зарослях тамарикса'.

До сих пор мы рассматривали топонимы, образованные на основе названий травянистых растений, произрастание которых было наиболее важно для кочевника-скотовода. Теперь рассмотрим топонимы, образованные на основе названий древесной и кустарниковой растительности.

Обилие древесной растительности в Северном Казахстане закрепилось в ряде топонимов: 2 род. *Ағаштыбұлақ* 'лесной родник'; нп. *Ағашорын* 'лесное место'; ур., нп., отг. уч. *Ахметтоғай* 'тугай (пойменный лес) Ахмета'; оз. *Қаратоғай* 'густой пойменный лес с луговой растительностью'; нп. *Ағашүй* 'дом деревянный'.

В системе южноказахстанских топонимов также значительны группы с абстрактным указателем на целый комплекс растений (деревьев). Среди них выделяются названия, обозначающие сады (*бақ*), леса (*тоғай*). Встречаются они повсеместно. Примеры: реч. *Бақты* 'садовая'; нп. *Тоғай* 'тугай'; 2 ур. *Қарғалытоғай* 'вороний тугай'; зим. *Тертоғай* 'тугай в низине, расщелине'; род. *Орманбұлақ* 'лесной родник'; рч. *Қостоғайсай* 'сай (пересыхающая речка), где находятся две рощи'; ур. *Түгіскентоғай* 'тугай (лес) в месте соединения рек'; рч. *Қосағаш* 'пара деревьев'; род., руч., нп. *Шұбарағаш* букв. 'пестрое дерево', т. е. 'смешанный лес', ур. *Шұбарсай* 'лесистый овраг' и др.

В составе Северного Казахстана есть и названия определенных деревьев: *Майкайың* букв. 'жирная береза' (разновидность березы с толстыми листьями и прочной древесиной); род. *Қайыңдыбұлақ* 'родник среди берез'; оз. *Жарқайың* 'береза над обрывом' и т. д.

В составе топонимов горных районов Южного Казахстана обнаруживаются названия древесных, кустарниковых пород. Например: к. *Аришалы* '(колодец) в зарослях можжевельника'; рч. *Қарааршасай* 'сай, где растет густая горная арча'; ур. *Шолақарша* '(урочище), где низко-

рослая (стелющаяся) арча'; ур., рч. *Итмұрын* '(урочище и речка) в зарослях шиповника'; пер. *Ырғайлы* '(перевал) в зарослях кизильника'; г. *Ырғайлытау* 'горы, поросшие кизильником'; р. *Ырғайлық* '(река), по берегам которой в изобилии имеется кизильник'; к. *Тобылғы* '(колодец), где таволга'; горы *Пістелітау* 'горы, поросшие фисташками'; хр. *Пістелітағ* 'хребет в зарослях фисташки'; нп. *Пістелі* 'фисташковый'.

Из плодово-ягодных дикорастущих деревьев следует отметить в составе топонимов Южного Казахстана виноград (*жүзім*), алычу (*алша*), яблоню (*алма*), вишню (*шие*), миндаль (*бадам*), барбарис (*сарыағаш*). Примеры: руч., клх. *Жүзімдік* '(местность) с виноградником'; пер. *Алмалық* '(перевал), изобилующий яблонями'; рч. *Алмасай* 'яблоневого сай'; р., нп. *Бадам* '(местность) с миндалем'; нп. *Сарыағаш* '(местность), где растет барбарис'.

Типичные обитатели гор, такие, как *арша*, *қарағаш*, *ырғай*, представлены в топонимах Павлодарской области очень незначительно: род. *Қарағаш бұлақ* 'родник, где растет карагач'; ур., род. *Аршалық* '(урочище, родник) в зарослях арчи'; ур., отг. уч. свх. *Ырғайлы* '(место), заросшее кизильником'.

В долинах Иртыша растут древесно-кустарниковые породы, главным образом ольха, осина, ива, черемуха, смородина, тамарикс, тополь, изредка береза, которые входят в состав топонимов: к. *Қызылағашбұлақ* (*қызылағаш* 'ольха') 'родник около ольхи'; оз. *Қызылағашсор* 'сор (солончаковое озеро), где растет ольха'; к. *Қызылағашқұдық* 'колодец у ольхи'; к., нп. *Терекқұдық* 'колодец у тополя'; ур., нп., кордон *Аяктерек* 'нижний (в низине) тополь'; ур., нп. *Ақтерек* 'местность, где белый (серебристый) тополь'; ур., 2 нп., кордон *Көктерек* 'осина'; ур., нп., ц. ус. свх. *Қаратерек* 'черный тополь (осокорь)'; оз., род., курорт *Мойылды* (мойыл 'черемуха') 'черемуховое'; рч. *Қарақатқарасу* (*қарақат* черная смородина) 'қарасу (небольшая пересыхающая речка) в зарослях черной смородины'; оз. *Тсбылғысор* 'сор (солончаковое озеро), где растет таволга'; рч. *Бадамбике* 'возвышение, где растет бадам (бузина)'.

Особенно многочисленна группа топонимов, мотиви-

рованная названием ивы, поскольку в растительном мире степей ивовые ассоциации представлены наиболее широко: род. *Аяқтал* (*тал* ива) 'нижний (расположенный в низине, устье) ивняк'; ур., нп., лесничество *Бауыртал* 'талык на склоне (пригорке)'; оз., 10 род., к., 3 нп., отд. свх. *Қаратал* 'ива тонкосережчатая'; оз., ур., нп. *Талды* 'талыниковый'; ур., нп., отд. свх. *Мұрынтал* 'тал (разновидность)'; ур., р. *Қызылшырпы* 'красный ракитник'; 2 род. *Шілікбұлақ* (*шілік* ива пепельно-серая) 'родник среди вербы (лозняк)'; к. *Шілік* 'лоза (верба)'; к. *Шілікқұдық* 'колодец среди вербы'; 5 к. *Шіліктіқұдық* 'колодец в зарослях лозы (вербы)' и т. д.

В долинах пустынных рек Южного Казахстана название ивы включает 72 южноказахстанских топонима: 2 рч., род., 2 клх. *Талдыбұлақ* 'родник в зарослях ивы'; руч. *Көктал* 'ива голубая'; нп. *Қаратал* 'ива тонкосережчатая (южная)'; руч. *Қызылтал* 'ива остролистная'; ур., руч., клх. *Талдысу* 'речка в зарослях ивы' и т. д.

Отсутствующая во флоре Северного Казахстана и потому не нашедшая отражения в топонимии этой территории джида (*жиде* 'лох') положила начало семи топонимам Южного Казахстана: оз. *Жидекөл* 'озеро с лохом по берегам'; род. *Жиделібұлақ* 'родник в зарослях лоха' и др.

На необъятных бывших ковыльных и разнотравных пространствах в последние десятилетия растут пшеница (*бидай*), ячмень (*арпа*), хлопок (*мақта*, *пахта*) и другие культурные растения, нашедшие отражение в топонимах Чимкентской области: род. *Арпабұлақ* 'ячменный родник'; рч. *Арпаөзен* 'ячменная река'; нп. *Мақталы* 'хлопковый'; нп. *Мақтаарал* (*Пахтаарал*, узб.) 'хлопковый массив' и др.

Культурные растения в составе топонимов Павлодарской области представлены лишь одним казахским названием — *бидай* 'пшеница'. Это название населенного пункта указывает на основное направление сельского хозяйства данной местности. К этому типу можно отнести русское название нп. *Капустник*. Этим ограничивается топонимия Павлодарской области, связанная с растениеводством. Минимальность на территории Северного Казахстана — главной житницы страны — географических

названий, связанных с зерновыми культурами, следует из того, что основная часть топонимов сложилась здесь до освоения целинных земель.

Приведенные примеры подтверждают прямую мотивированность основ многих топонимов характером растительного покрова той или иной территории.

Е. А. КЕРИМБАЕВ (*Алла-Ата*)

ОБ ОСНОВНЫХ ТИПАХ ОРОНИМОВ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Оронимы, как названия естественных природных объектов, являются наиболее древними названиями, потому что, в отличие от ойконимов, они реже подвергаются переименованиям. Устойчивость оронимических названий позволяет выявить наиболее ранние субстратные слои в топонимии определенного региона.

Рассмотрение и выделение основных типов оронимов проводится нами в основном в функционально-синхроническом плане.

Удельный вес оронимов в топонимии Южного Казахстана довольно высок. Обширная система орографических терминов позволяет детализировать особенности одного и того же рода орографического объекта, малейшие различия в рельефе местности.

Орографические названия даются как орографическим микрообъектам, так и макрообъектам.

Иногда оронимическое название микрообъекта (микророним) может служить названием макрообъекта, в состав которого включен этот микрообъект.

Из множества орографических нарицательных терминов, обозначающих виды и роды орографических естест-

венных объектов, можно выделить термины, находящиеся в оронимическом употреблении. Это значит, что данный оронимический термин употребляется в составе сложного оронимического названия (имени собственного) или же сам является именем собственным какого-либо орографического объекта.

Чувашский языковед Г. Е. Корнилов, классифицируя топонимы в агглютинативных языках в функционально-синхроническом плане с точки зрения «быть СИ» (собственным именем), выделяет географический номенклатурный термин в топонимическом употреблении. Особо подчеркивает он, что семантика соответствующего апеллятива отражает обозначаемую им реалию¹.

Такие апеллятивы, выступающие в роли односоставных оронимов с нулевым грамматическим оформлением, встречаются в оронимии Южного Казахстана: г. *Биик* 'высокий, высота', ур. *Жон* 'пологая, удлиненная гора, возвышенность', г. *Босага* 'сжатая часть долины'. Видимо, значение исключительности, выделяющей этот объект из ряда однотипных топообъектов, позволяет обходиться данному оронимическому названию без обозначения (называния) дополнительных дифференцирующих признаков. В этих названиях наблюдается переход нарицательных орографических терминов в имя собственное.

К односоставным относятся также оронимы (выраженные именами прилагательными и существительными) с аффиксами *-лы, -ты, -ды*. Например: *Бор+лы* 'меловой', *Кайрак+ты* 'кремневый', *Шыбын+ды* 'место, изобилующее мухами'.

Большинство оронимов Южного Казахстана являются двухкомпонентными. Например: г. *Кара+тау*, х. *Сас+тюбе*, ур. *Жарас+кудук*, г. *Айыр+тау*, овр. *Мын+шукыр*, г. *Бес+жал*.

Эта модель является наиболее типичной в оронимических образованиях. Оронимы, относящиеся к этой модели, представляют собой атрибутивные синтагмы, один член которых является определяемым (обычно орографический термин), другой — определяющим.

¹ Корнилов Г. Е. О типах топонимов в агглютинативных языках. — Вопросы языкознания, 1967, № 1, с. 123.

Определяющий член выделяет дифференциальные признаки именуемого орографического объекта: *Кара+тау* 'черные, пустынные горы', *Тас+тобе* 'каменный холм', *Жарас+кудук* 'колодец Жараса', *Айыр+тау* 'раздвоенная гора', *Мын+шукыр* 'тысяча ям'. Определяющим членом синтагмы является слово, которое выполняет атрибутивную функцию и выражено именем прилагательным, существительным (обычно именем собственным), числительным.

Определяющий член синтагмы находится в препозиции по отношению к определяемому члену: *Жеты+унгур*, *Бес+жал*, *Кок+тал+тогай*, *Ауелбек+кудук*, *Ак+тау* и т. д.

Постпозитивным определяемым членом синтагмы (оронима) обычно являются местные географические термины, большей частью орографические.

Наиболее часто встречающимися определяемыми компонентами в двух- и трехсоставных оронимах являются термины *сай*, *тау*, *тобе*.

Классификацию различных типов оронимов по лексико-семантическому признаку целесообразно проводить по определяющему члену атрибутивной синтагмы, так как именно в этом элементе заключена основная информация об орониме, его отличительный признак.

Таким образом, можно выделить класс оронимов, включающих в себя названия растений: овр. *Жингильдысай* (*жингил* — тамарикс), т. е. овраг, в котором растет тамарикс, пер. *Ран* (*ран* — кормовая трава), т. е. перевал, на котором растет кормовая трава, ур. *Жантаксай* (*жантак* — верблюжья колючка), т. е. сай — урочище, где растет верблюжья колючка.

Ряд оронимов образован от антропонимов и патронимов: ур. *Ауелбек-кудук*, ур. *Нурпеис*, г. *Примбет*, ур. *Узуната*, г. *Мансурата*, ур. *Егембай*.

В Южном Казахстане немало оронимов, в структуру которых входят названия животных и птиц: бал. *Семизказсай* (*каз* — гусь), г. *Кабанжилкетау* (*кабан*), г. *Балыклытау* (*балык* — рыба).

Особо хочется остановиться на оронимах со словом *балык*. Внимательный лингвистический анализ в диахроническом плане, анализ с учетом географических осо-

бенностей и признаков того или иного конкретного оро-объекта показывает, что не всегда *балык* в составе оронима означает 'рыба'. В древнетюркском языке корневая основа *бал* связывала родственные слова, объединенные общим значением вяжущего липкого, нетвердого какого-либо вещества и слово *балык* имело значение 'глина-сырец', 'сырой'. Древнетюркские города строились из глины-сырца, и некоторые из них назывались *Бесбалык*, *Янгибалык*, *Илебалык*².

На территории Южного Казахстана можно встретить и этнооронимы: х. *Адай шокысы*. овр. *Ногай арык*, пастбище *Шуудак джайлау*, овр. *Сартоткен* и др.

На примере номинации некоторых орографических объектов можно предположить, что этнооронимы служили в прошлом целям «фиксации», «легализации», юридической закреплённости территории (или объекта) за определенным родом.

Значительную роль в образовании оронимов Южного Казахстана играют прилагательные, находящиеся в позиции по отношению к определяемому компоненту атрибутивной синтагмы. Например: г. *Кызыл+жар* 'красный яр', пес. *Кызыл+кум* 'красные пески', разв. *Ак+тобе* 'белый холм' ур. *Кара+сай* 'черный сай — овраг'.

Исследования А. Н. Кононова показывают, что в древних тюркских языках *ак* означало 'течь', отсюда *аксу* — текучая вода, *кара* — земля³. Е. Койчубаев также считает, что цветковые прилагательные *ак*, *ала*, *жирен*, *кара*, *кок*, *сары*, *шубар* и другие часто выступают в нецветовых значениях. Он полагает, что в ряде топонимических названий *Актобе* имеет значение 'травянистый холм', *ала* в ряде названий выступает в значениях 'великий' или 'гора'. Слово *кара* помимо основного цветового значения 'черный' употребляется в значениях 'земля', 'грунт', 'холм', 'возвышенность', 'гряда', 'даль', 'бескормица', 'частый', 'запад' и т. д.⁴

² Краткий этимологический словарь казахского языка. Алма-Ата, 1966, с. 55. На каз. яз.

³ Кононов А. Н. О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии. — Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1954, вып. 5, с. 83—85.

⁴ Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974, с. 8.

Одним из интересных типов названий являются оронимы с глагольной конструкцией: ур. *Молдаульген* 'где умер мулла', ур. *Байбеккашкан* 'откуда бежал Байбек', пер. *Бабайульген* 'где погиб Бабай' и др. Эти оронимы включают в себя названия событий. Число оронимов с глагольной конструкцией в Южном Казахстане невелико.

В оронимии юга Казахстана встретился целый класс названий, который можно характеризовать как класс оронимов-метафор. Примерами метафорических названий могут служить: *Шатыртобе* 'холм, похожий на шатер'; г. *Казанбулак*, гора получила название по роднику, который был похож на котел; гора *Клыш*, очевидно, получила свое название по сходству с клинком сабли. А такие орографические термины как *бель*, *жон*, *жал*, *бет*, являющиеся по сути дела словами анатомической лексики, уже утратили свое первоначальное значение и в данных оронимических употреблениях *Музбель*, *Каражон*, *Бесжал*, *Суыкбет* и других не воспринимаются как метафорические.

И, наконец, можно выделить ряд оронимов, в составе которых имеются слова-термины, характеризующие орографические объекты по следующим признакам: короткий, длинный, большой, малый, широкий, узкий, горбатый и др. Например: г. *Букиртау* 'горбатая гора', ур. *Жогарысай* 'верхний сай', пер. *Кишик Кумбель* 'Малый Кумбель'.

Не единично употребление слова *жаман* 'плохой' в составе оронимов: ур. *Жамантогай*, ур. *Жаманбулак*. Это оценочное прилагательное встречается не только в составе оронимов, но и в составе других сложных географических названий почти во всех областях Казахстана: оз. *Жамангуз* в Павлодарской области, оз. *Жаманкол* в Карагандинской области, р. *Жамансай* в Гурьевской области и т. д.

Данная классификация оронимов юга Казахстана в функционально-синхроническом плане по лексико-семантическим признакам не является исчерпывающей. В ней не охвачены некоторые группы оронимических названий и раритеты-оронимы, изучение которых — дело будущего, а также оронимы, которые можно было сгруппировать по каким-либо другим признакам.

Несомненно, рассмотрение основных типов оронимов Южного Казахстана было бы не полным без диахронического этимологического анализа. Такой анализ с привлечением данных истории и географии помогает выявить различные исторические этапы возникновения и формирования оронимов, выделить казахскую оронимию и лежащие в глубинах инонациональные пласты оронимов различной древности и принадлежности.

Задачей нашего сообщения не является детальное рассмотрение стратиграфии оронимии Южного Казахстана и потому коротко остановимся на принадлежности ряда оронимов к тем или иным языкам.

Большинство оронимов Южного Казахстана являются казахскими. Трудность выделения древнейшего слоя тюркских оронимов состоит в том, что современные, более поздние образования, по существу, общетюркские. Чтобы найти древние оронимы на территории Южного Казахстана или в любом другом регионе, нужен тщательный лингвистический анализ фонетической и морфологической структуры оронимических названий. Бесспорное доказательство древности оронима — наличие в нем архаичных реликтовых аффиксов.

Казахский орографический термин *тау* известен в разных фонетических вариантах и в других тюркоязычных средах: кирг. *тоо*, туркм. *даг*, у тува-кижи — *тав*. Общеизвестно, что форма *таг* является древнейшей тюркской формой, засвидетельствованной в трудах Геродота и Махмуда Кашгарского.

Формы оронимов на *таг* сохранились и в современной оронимии Южного Казахстана: г. *Хантагы*, г. *Пистали таг*, г. *Астахты* (*Ас+тах/таг+ты*, *г* перешло в *х* в результате регрессивной ассимиляции).

В оронимической системе Южного Казахстана обнаруживается более или менее значительный слой ираноязычных названий. Его следует отнести к древним оронимическим образованиям, хотя точная датировка несколько затруднительна.

Одно из урочищ Чимкентской области называется *Обтогай* (*Об+тогай*). В иранском языке *аб/об* означает воду, а в составе географических названий употребляет-

ся в значениях 'речка', а иногда 'озеро', 'канал'⁵. В орониме *Обтогай* иранский элемент *об* десемантизирован, так как местным тюркоязычным населением смысловое значение *об* 'вода' не воспринимается.

Урочище *Кокча*. В тюркских языках *кок* понимается как 'зеленый', 'голубой', 'синий', 'зелень', 'трава', 'небо'. В двухкомпонентных оронимах, первый компонент которых служит определением, вполне оправданно употребление *кок* в роли прилагательного, обозначающего цвет. Наличие *кок* во второй постпозитивной части двухкомпонентного оронима или отдельное его употребление (одиночное или осложненное аффиксом) позволяет говорить об ираноязычности оронима с *кок/кух, кох/кух*. В древнем согдийском и современном иранском *кох/кух* означает 'гора', 'холм', 'вершина', 'хребет', а *Кухестан* — это 'горная страна', 'горная местность', 'платогорье', 'горы', 'хребет'⁶. В орониме *Кокча* *кок* следует считать фонетической модификацией иранского *кох/кух*.

Одним из свидетельств древнего субстратного иноязычного слоя является название урочища *Ханбанды*. *Банд/бенд* в иранском языке означает 'вал, преграда, насыпь'. Древнейший город тюрков Отрар некоторое время, в период завоевания согдийцами в VI в. районов Сырдарьи, назывался *Отрарбанд*⁷.

Следующий этап возникновения иноязычных оронимов в Южном Казахстане связан с арабским завоеванием южных районов Казахстана (VIII—XII вв.) и распространением мусульманства.

Э. М. Мурзаев пишет: «Арабское завоевание было связано с распространением ислама, это позволило мусульманской церкви внедрить ряд арабских религиозных терминов в качестве названий населенных пунктов, «священных мест», урочищ с могилами или с кладбищами»⁸.

В оронимии Чимкентской области встречаются названия *Рабат*, *Мазар*, *Сенд* как в отдельном топонимическом употреблении, так и в составе сложного оронима, один

⁵ Мурзаев Э. М. Очерки топонимии. М., 1974, с. 194.

⁶ Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана. М., 1971, с. 130—131.

⁷ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Спб., 1900, т. 2, с. 179.

⁸ Мурзаев Э. М. Очерки топонимии, с. 210—211.

компонент которого является тюркским: *Мазарсай, Сеитсай* и т. д.

В XIII в. в результате появления монголов и их длительного господства в географическую номенклатуру, в орографическую терминологию проникают монгольские элементы. В частности, монгольское происхождение имеют такие термины, как *дабан* 'перевал', *ундер, индер* 'высокий, высота, возвышенность', *капчагай* (у монголов *хапчагай*) 'ущелье', *ола* 'гора' и т. д.

На территории Чимкентской области зафиксированы следующие оронимы, в структуре которых есть монгольские элементы: г. *Мулла+олы*, пер. *Дабан*, г. *Нарым+шоки* и т. д. Г. К. Конкашпаев считает, что географические названия с монгольскими элементами образовывались не только в XII—XIII вв., но и в XIV—XVIII вв.⁹

Как видим, удельный вес иноязычных оронимов, возникновение которых связано с нашествиями в различные исторические периоды согдийцев, арабов, монголов, невысок. Господство завоевателей, говоривших на нетюркских языках, не оказало решающего влияния на формирование оронимической системы Южного Казахстана.

Наиболее поздними (по времени образования) являются оронимы русские и украинские.

Следует отметить, что в отличие от ойконимики Южного Казахстана в оронимике данного региона гораздо меньше оронимов славянского происхождения. Вот некоторые из них: бал. *Хвосенкова*, пер. *Меловой*, бал. *Продольная*. Имеются оронимические названия, образованные путем наращивания русских аффиксов на казахские оронимы: пер. *Майдантальский*, хр. *Чаткальский*, выс. *Саксаульная* и др.

Классификация оронимов Южного Казахстана по структурным типам, а также по различным лексико-семантическим типам не является исчерпывающей. Углубленный историко-этимологический анализ оронимов и определение стратиграфии оронимии Южного Казахстана требует дальнейших научных изысканий.

⁹ *Конкашпаев Г. К.* Географические названия монгольского происхождения на территории Казахстана. — Изв. АН КазССР. Сер. филол. и искусствовед., 1959, вып. 1, с. 89.

В. А. НИКОНОВ (Москва)

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА СОВРЕМЕННЫХ УЙГУРОВ

С середины нашего столетия бурно развернулось изучение личных имен у тюркоязычных народов. Непростительным исключением оказались уйгуры. Пробела не заполнить одной небольшой статьей, но чьей-то попытке придется же стать первой.

Исследователи антропонимии народов Средней Азии, по старинке ошибочно принимая ономастику за науку о происхождении собственных имен, полностью игнорировали главное — употребительность имен. Именником стали называть даже голый список имен без частотности их употребления, то есть не реальность, а бумагу. Усердно составленные списки личных имен являют странную смесь выписанных из памятников за десять столетий имен как равных: большинство давно забытые, и среди мертвых те, которые живы, но кто и как их различит? А имен, действительно любимых сегодня, составители списков не знали: поразительно, что в большом списке уйгурских личных имен, приложенном к уйгурско-русскому словарю Э. Н. Наджиба (Москва, 1968) среди 864 мужских и 330 женских нет даже наиболее употребительных имен современных уйгуров — *Тимур, Шохрат, Дилмурат, Эльмира, Венера* и др. Для исследователя прошлого подобные списки обесценены полным отсутствием дат, локализации и источника, а современную картину совершенно искажают; конечно, они совсем непримлемы как рекомендательные при выборе имени.

Источник статьи — документы ЗАГС о рождениях всех уйгуров за 1971 г. в Уйгурском, Талгарском, Джамбулском районах Алма-Атинской области и в г. Алма-Ате. Привлекаемые для сопоставления данные по другим тюркоязычным народам получены сплошным подсчетом имен всех новорожденных данной национальности по следующим районам и городам (за весь указанный год обязательно полностью):

Казахи. Сельские районы: Балхашский, Джамбулский, Кегенский, Нарынкольский Алма-Атинской области — 1971 г., Алгабасский, Кзылкумский, Ленинский, Ленгерский, Свердловский, Сузакский Чимкентской области — 1969 г., Джувалинский, Мойынкульский, Меркенский, Сарыусуский, Таласский, Чуйский районы Джамбулской области; города: Алма-Ата (Ленинск., Советск., Фрунз. р-ны) — 1971 г., Чимкент — 1969 г.

Киргизы. Сельские районы: Акталинский, Кеминский, Тогуз-Тораузский, Тонский; гор. Фрунзе (Ленинск. и Свердловск. р-ны) — 1969 г.

Узбеки. Сельские районы: Алтыарыкский и Риштанский Ферганск. обл. — 1970 г., подсчет С. С. Губаевой), Вабикентский и Шафирканский Бухарск. обл. — 1971 г., Нур-Атинский и Хотырчинский Самаркандск. обл. — 1965 г., Верхне-Чирчикский, Калининский, Янгиюльский Ташкент. обл. — 1971 г.; гор. Самарканд — 1965 и 1971 гг.

Туркмены. Сельские районы: Кара-Калинский, Марыйский (без города), Сакарчэгесский, Ходжамбасский; гор. Ашхабад — 1970 г.

Рассмотрение отдельных имен тоже нужно и важно, но оно, увы, заслоняет анализ именника как целого. Сплошной учет по документам о рождениях показывает не единичное, а общее. Этот метод хотя исключает случайности, грубые ошибки, субъективизм, но и он имеет свои границы применения: каждый научный метод — ключ, а не отмычка. У документа не спросишь: «Почему выбрано это имя?» Такой вопрос и при личном общении с называющим бесполезен (и это еще в лучшем случае): ответ «нравится» — самый частый и самый худший. Наивно думать, будто каждый и всегда знает, почему что-либо ему нравится или не нравится. Представления о мотивах выбора имен довольно смутны: в память об

умерших предках, в честь известных деятелей или знаковых, из книг, с экрана и сцены, из идеологических побуждений, по фонетическим признакам (неосознаваемо для самих называющих!), по различным обычаям и т. п., но совершенно неизвестен сравнительный вес каждого из мотивов, как неизвестно и кто предлагает имя, кто решает выбор. Всего нежелательней анкеты. Надо сказать прямо: это средство выдает любителя, не имеющего представления об антропонимике как науке. Предлагаемый метод сплошного документального учета (на определенной территории за определенный год) частично выявляет даже некоторые мотивы выбора имени, но эта важная социологическая проблема — в основном вне его возможностей, она доступна лишь наблюдениям «изнутри», живущими длительно среди называющих.

Состав имен у каждого народа сформирован исторически. Он многослоен, в нем — имена из разных языков и разных времен. Большинство имен уйгуров принесено исламом, который в XIII—XVIII вв. вытеснил предшествовавшие религии; имена эти — из языков Передней Азии (преимущественно арабские и иранские). Каждая религия диктует свой набор имен. Как христианство запретило древнерусские имена, так ислам изгнал имена древнетюркские. В дошедших до нас единичных уйгурских документах X—XIII вв.¹ 34 личных имени; из них только два пережили ислам — *Тимур* и *Асан* (имя удержалось по созвучию с мусульманским именем *Хасан*). За столетия исламу не удалось полностью истребить древнетюркские имена, до наших дней дошли *Арслан*, *Тимур*, *Чолпан* и другие, но они остались в меньшинстве. Затем господствовали арабские имена с *абд-* (ар. 'раб' с последующим именем Аллаха или одним из его многочисленных эпитетов — *Абдрахим*, *Абдрашид* и проч.) или с *-дин* (ар. 'вера, религия').

Самая характерная унаследованная черта уйгурского именника, общая для тюркоязычных народов, — огромное количество употребляемых имен: 311 уйгурских мальчиков, рожденных за 1971 г. в Уйгурском районе, получили 197 различных имен; у тысячи русских мальчиков в сель-

¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, Уйгурские юридические документы, с. 201—217.

ской местности — 40—50 имен. Степень разброса или концентрации можно выразить долей десяти самых частых имен: у русских 10 самых частых имен в сельском районе охватывают 80% новорожденных мальчиков или девочек, в Уйгурском районе — 19%.

Такой разброс обусловлен обилием составных имен, образуемых сочетанием двух основ: *Алим/жан, Гуль/на-ра*. Из 30 компонентов можно получить 870 имен, а возможные «рокировки» (*Бектемир* и *Темирбек, Дилмурад* и *Мурадил*) еще увеличивают это количество. Из 516 уйгурских мальчиков, рожденных в Уйгурском, Талгарском и Джамбулском районах (1971 г.) 358 получили составные имена — почти 70%!

А в городе Алма-Ате соотношение иное: из уйгурских мальчиков, рожденных в том же году, только 25% получили имена составные. Одно сопоставление, чтоб стало ясным значение обнаруженной разницы: у узбекских мальчиков (рожд. 1965 г.) процент составных имен в Нур-Атинском районе Самаркандской области — 57, а в Самарканде — 21. За этими цифрами, бесспорно, виден широкий процесс вымывания составных имен. Еще ярче он выражен в Татарии, в Азербайджане. В городах он продвинул дальше, чем в аулах.

Наиболее частые компоненты в мужских именах уйгуров: в начальной позиции *абд-* (7%), *нур-* (3,5%), в конечной позиции *-жан(-джан)* (35%), *-дин* (11%), *-хан* (3%), *-мурат* (2%); в именах уйгурок начальные компоненты *гуль* (18%), *нур* (3%), *ай* (1%), в конечной позиции также всех чаще *-гуль* (12%), *-хан* (7%), *-биби* или *-буви* (6%).

Сопоставим частотность некоторых компонентов личных имен у ряда тюркских народов. В таблице использованы материалы только из сельских районов; цифры выражают процент компонентов имен к количеству новорожденных данного пола; все показатели округлены до 1%, тире означает отсутствие компонента, а точка — величину менее 0,5%.

Общие черты несомненны. Несомненны и различия. Уйгурские показатели (максимум *-жан*, минимум *-бек*) несколько ближе к узбекским, чем к казахским. В этом сказались, вероятно, более поздние связи с рынками Фер-

Позиция	Компонент	Уйгуры	Казахи	Киргизы	Узбеки	Туркмены
Начальная Конечная » » » »	В мужских именах					
	<i>абд-</i>	7	.	1	6	1
	<i>-жан (-джан)</i>	32	8	1	53	2
	<i>-дин</i>	11	.	1	4	.
	<i>-хан (-кан)</i>	3	1	1	.	.
	<i>-улла (-ылла)</i>	2	.	2	2	.
<i>-бек</i>	1	7	58	3	—	
Начальная » Конечная »	В женских именах					
	<i>ай- (ой-)</i>	1	10	5	1	5
	<i>гул- (гуль-, гюль-)²</i>	14	15	6	8	11
		12	22	20	2	14
	<i>-хан</i>	8	6	2	59	1
	<i>-буви (-биби, -бюбю)</i>	6	.	7	1	3

ганы и Ташкента, с медресе Самарканда и Бухары. Пока необъяснимо и одно расхождение: частотность *-гуль* в конечной позиции.

Яркая особенность имен уйгурок — окончание *-м* из притяжательного местоимения, означающего принадлежность 1-му лицу — 'моя'. Оно присоединяется и к составным именам. В сельских районах 38% новорожденных уйгурских девочек (1971 г.) получили имена в такой форме — *Алиям, Гульмирам, Зулфиям, Разиям*, даже новые не избежали его — *Кларам, Венерам, Нинелям, Надиям*. В Алма-Ате имена с этим добавлением даны 9% уйгурских девочек. По функции это сходно с русской ласкательной формой имен, также проникающей в акты записи рождений, а из них (в обязательном порядке) в паспорта: *Оля, Лена*. В 1971 г. только 16% новорожденных уйгурок сельских районов получили имена несоставные и без *-м*, но в столице такие имена охватили больше половины — 52% уйгурок.

Из упомянутых С. Е. Маловым в уйгурских юридиче-

² В тюркских языках *гуль* (*гюль, гул*) имеет значения 'цветок' и 'роза'. Большой материал об этом компоненте личных имен см.: *Баскаков Н. А.* Элемент *gül* 'роза, цветок' в составе каракалпакских женских имен. — В кн.: Ономастика Средней Азии. М., 1978.

ских документах X—XIII вв. 34 личных имен 18 — составные. Пришедший с исламом поток иноязычных составных имен нашел благоприятную почву (хотя и уничтожил все тюркские составные имена): словосложение—нередкий способ тюркского словообразования. Первоначально составные имена были достоянием привилегированной части общества, позже распространились и на другие слои населения. При этом они утрачивали свое этимологическое значение (*бек, бай, ай* 'князь', 'богач', 'луна' стали пожеланиями ребенку счастья «вообще»), а затем и всякое лексическое значение (сохраняя вне личных имен значения, известные всем), превращаясь в служебные форманты, означающие «мужское имя», «женское имя». Процесс формализации еще сильнее проходит в иноязычных компонентах имен *абд-, -дин*. В них вместо прежних этимологических значений сохранилась только конфессиональная окраска — принадлежность к мусульманству. Стертость этимологических значений породила множество сочетаний, этимологически «бесмысленных»... Правда, у охваченных подсчетом уйгуров нет таких имен, как киргизские *Съездбюбю* 'госпожа съезд' и *Советбек* 'советский князь', но возможно, что лишь из-за вдесятеро меньшего объема подсчета. Уйгурские личные имена *Ташмагамед* и *Патигуль* подобны туркменскому *Сарымурад* 'желтый' и 'цель, желание, желанный': оба компонента сочетались не в их словарных компонентах, которые могут быть даже противоположны.

Недавние годы принесли уйгурам и новые имена. Уйгуры Алма-Аты в 1971 г. дали восьми дочерям имя *Эльмира* и двум *Эльвира*, в районах появились уйгурские мальчики *Маркс, Эрнст, Марат*, а также *Эверест* и *Магеллан*, девочки *Тамара, Луиза, Клара, Нинеля, Надия*. Таких имен не могло быть в прошлом. Новые имена интернациональны, но пришли к уйгурам не из-за границы, а от русских. Чем продиктован отбор? Самими выбирающими причина не осознана, но она несомненна. Почему из бесчисленных новых имен 20-х и 30-х гг. вошли в русский именник *Светлана* и *Октябрина*? Предшествовали старые знакомки *Татьяна, Екатерина*. *Эльмире* подготовила успех *Гульмира*. В том же ряду воспринимаются *Замира, Дамира*. Их переосмысливают по звуковому совпадению

с русским словом *мир*, к которому они не имеют отношения: *Замира* — давнее арабское имя (этимологическое значение «сокровенная мысль, затаенная мечта»), в дореволюционное время были узбечки и казашки с этим именем; *Дамира* — женская форма от мужского имени *Дамир* (тюрк. *темир* 'железо'). При выборе имени большое значение имеют фонетические признаки. Тюркские языки обладают большой частотой сонорных; почти в каждом из новых уйгурских имен по 2, 3, 4 сонорных (только в двух — по одному).

Новую жизнь начинают имена, хотя и не новые, но вызванные из вынужденного отсутствия — древнетюркские (*Эркин* 'свободный' и др.)

Отчетливо видны проводники новых имен в массу уйгуров: отец, давший сыну имя *Маркс* — зоотехник в пос. Чунджа (центр Уйгурск. р-на), родители уйгурской девочки *Надиям* (из рус. Надя) — техник и кассирша, у одной из двух уйгурок *Светлан* отец — учитель, мать — счетовод, у другой отец — тракторист. Имена новые пока несет новая интеллигенция, особенно активны механизаторы. Кроме упомянутых, два шофера называли сыновей *Эрнест* и *Магеллан*, электрик назвал дочь *Ларисой*. Конечно, наивысший процент новых имен отмечается в столице. Но нет сомнения, что скоро они проникнут и в массы, хотя перечень их, вероятно, изменится.

Одновременно с появлением новых имен постепенно выходят из употребления самые частые в прошлом имена *Магамет*, *Фатима*, составные с *абд-* и *-дин*.

Самые частые мужские имена уйгуров рождения 1971 г. в районах Алма-Атинской обл.: *Алимжан*, *Бахтияр*, *Адилжан*, *Руслан*, *Дилмурат*, *Нурмагамед*, *Мурат*, *Абдрашид*, *Шохрат*; 10-е и 11-е места разделили *Муратжан* и *Тохир*. Как видим, в первом десятке еще встречаются и имена с компонентами *абд*, *магамед*, у казахов и киргизов — теперь счень редко. Иная картина вырисовывается у уйгуров Алма-Аты. Здесь лидируют *Фархат*, за ним *Ренат*, далее *Руслан*, *Анвар*, *Бахтияр*. Общее их количество невелико, поэтому последующие имена различаются лишь на 1—2 единицы, т. е. порядок их может быть случаен: *Тимур*, *Рахимжан*, *Хакимжан*.

Самые частые имена уйгурок (принимая формы с *-м*

не за самостоятельное имя, а за вариант того же имени) в сельских районах за тот же год: *Гульмира* (*Гульмирам*, *Гульмириям*), *Венера* (*Венерям* и др.), *Зулфия* (*Зулфиям* и др.), *Гульниса* (*Гульнисам* и др.), *Арзигуль*, *Нурбуви*, *Гульнар* (-а, -ам и др.), *Майгуль*, *Саньям*, *Гузьял* (*Гузель*); а имя *Патима* (*Фатима*, *Патимьям*) ушло далеко в конец именника — его получили всего три девочки из 524; в Алма-Ате: *Эльмира*, *Зульфия*, *Гульнара*, *Гулмира*, *Раушангуль*, далее *Зухра*, *Захида*, *Разия*, *Рашида*, *Саида*.

Как все тюркские языки, уйгурский не имеет грамматической категории рода. Это отразилось и на форме личных имен. В противоположность русским именам, размежеванным по окончаниям на мужские (с финальным согласным) и женские (с финальным -а, орфографически передаваемым и -я), у тюркоязычных народов такого размежевания имен не было, различить их можно было только лексически и отчасти по набору компонентов. Это не вызывало неудобств пока женщины жили изолированно. Сегодня уйгурка на производстве, в учебных заведениях, в общественной жизни и быту повседневно находится вместе с мужчинами. Неразличение имен по полу стало помехой. У всех тюркоязычных народов началась дифференциация формы имен не только без чьего-либо указания или хотя бы совета — этого даже никто не заметил. Некоторые элементы различия были в арабских формах, но в основном использован опыт русских. В мужском именнике стали редеть открытые гласные окончания, в женском — закрытые (согласные).

В именах мальчиков процесс можно считать завершенным. В этом уйгуры даже опередили большинство тюркоязычных народов. Но переход женских имен на открытые окончания отстал не только от татарок (у них в сельских районах открытые окончания достигли 87%), а и от казашек, киргизок, узбечек. Нет необходимости «торопить» этот процесс.

У большинства народов связаны имена близнецов. В именниках, подверженных влиянию ислама, имена близнецов заданы религиозной традицией — из имен зачинателей ислама: если оба мальчика, то *Хасан* и *Хусейн*, обе девочки — *Фатима* и *Зухра*, мальчик и девочка — *Хасан* и *Зухра*, девочка и мальчик — *Фатима* и *Хусейн*.

(строго следуя порядку рождения). Но из уйгурских близнецов 1971 г. две пары получили имена *Асан* и *Усен*, имена всех остальных того года иные: мальчики *Алимжан* и *Амражан* (аул Кетмен), девочки *Асиям* и *Алиям* (там же), мальчик *Бахтияр* и девочка *Бахтинур* (аул Дехкан), девочки *Букатима* и *Бузора* (аул Майбулак) и др. Связь имен близнецов повторением компонентов нередка и у других тюркоязычных народов, но тут существенно, что этот способ полностью возобладал над способом, продиктованным религией.

В заключение — самое главное. Нельзя умолчать об отсутствии порядка в записи имен уйгуров во всех аулах.

Почти каждое имя документируется произвольно, в самых разных написаниях, нередко искаженное до неузнаваемости. Таковы «варианты»: *Гузель—Гузьял—Гузель—Гузиля*, *Венера—Венерам—Венерям—Венирям*, *Лейла—Ляйля—Лилаям* и пр. Имя *Гульниса* документировано в девяти различных видах! Записанное в акте о рождении обязательно переходит в паспорт (малейшее изменение требует разрешения вышестоящих органов).

Если в справке о работе записано *Алия*, в дипломе об образовании — *Галия*, а в паспорте — *Алиям*, женщина обречена на многократные хождения по учреждениям и даже дальние поездки в поисках доказательств, что это она, одна и та же в разных лицах. Из-за несовпадения имени тысячи людей не могут получить пенсию или деньги по переводу, множество работников учреждений загружено розыском документов и перепиской о розыске. Точная запись имени — это не бюрократическая придирка, а необходимое и обязательное требование, иначе неизбежны ошибки и злоупотребления. Изменение даже одной буквы означает новое имя: *Захида* и *Шахида*, *Марат* и *Мурат*. По происхождению *Алия*, *Галия*, *Алиям*, *Галиям* — четыре разные формы одного имени, но записанные в документы по-разному они становятся *разными именами* (как у русских *Юрий—Егор—Георгий*). В двух татарских семьях мальчиков-близнецов называли *Алимжан* и *Галимжан*, двух сестер — *Алия* и *Галия* (в каждой паре тождественны фамилия, отчество, разница всего на одну букву в имени, а это два разных человека).

Суммируем хотя бы самые общие расхождения в записи имен: неразличение глухости и звонкости согласных (*Мурат—Мурад, Зейнаб—Зейнап*), неразличение гласных (*Рустем—Рустам—Рустям, Кудрат—Кудрет—Кудрят*), смещение б/в (*Сатыбалды—Сатывалды, Курбанджа—Курванджа*), выпадение или вставка *в, х* (*Бупати-ма—Бувпатима, Тоир—Тохир*).

В упорядочении написания имен перед учеными стоит ряд трудностей:

1. В каждом языке собственные имена составляют автономные группы лексики, на которые нельзя автоматически переносить нормы, обязательные для нарицательных. Русские примеры: *о любви*, но *о Любови Петровне, письмом Ивановым, а городом Ивановом*. Но и полный отрыв собственных имен от нарицательных нежелателен, так как разноречие еще больше затруднит написание.

2. Диалектные различия имен территориально не всегда совпадают с территориальными границами произношения нарицательных. Считаться с этим или не считаться — равно плохо, пока же этого вообще не знают.

3. Нелегко решить, отражать ли в написании позиционные изменения звуков (*Мурат*, но род. пад. *Мурада, Якубжан*, но *Якупхан*) или сохранить единство (*Мурат—Мурата*).

4. Язык меняется, по-своему изменяются и формы личных имен. При этом как отличить изменения прогрессивные от ухудшающих искажений?

Не проще и другие вопросы. К разработке норм нельзя допускать лучшего знатока исторической фонетики, если он предварительно не изучил пристально современных актов записи рождений из нескольких аулов. Он живого *Руслана* подменит мумией *Арислана*, а самого частого сегодня в столице имени уйгурок *Эльмира* и слышать не захочет; русские примеры: запретит *Ивана*, превратив в *Иоанна*, а *Оксану* в *Аксинью*.

В краткой статье многие вопросы затронуты вынужденно бегло, особенно параллели по другим тюркоязычным народам. Единственный выход — адресовать читателя к другим работам автора, где тюркская антропонимия

рассмотрена подробнее: Имя и общество. М., 1968; см. статьи: Современный именник узбеков. — В кн.: Вопросы ономастики. Самарканд, 1971; Размежевание личных имен по полу у тюркоязычных народов. — Советская тюркология, 1972, № 2; Актуальные процессы в антропонимии татар и башкир. — В кн.: Ономастика Поволжья, Уфа, 1973, 3; Обычай связанных имен у тюркоязычных народов. — Советская этнография, 1973, № 6; Личные имена туркмен. — В кн.: Полевые исследования Института этнографии АН СССР. М., 1974; Состояние и задачи ономастических исследований Кавказа. — Вопросы языкознания, 1975, № 4; Личные имена кумыков и ногайцев. — В кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976; Среднеазиатские материалы для словаря личных имен. — В кн.: Ономастика Средней Азии. М., 1978.

Э. А. БЕГМАТОВ (Ташкент)

ГЛАГОЛЬНЫЕ АНТРОПОНИМЫ

Материалы узбекской антропонимии показывают, что не все части речи и разряды слов одинаково участвуют в образовании личных имен. Поэтому производящие основы различаются активностью и пассивностью. Среди аппеллятивов узбекских антропонимов глаголы занимают особое место.

Известно, что в основе большого количества топонимов лежат *глаголы* или *глагольные формы*. Топонимисты данную группу географических названий называют *глагольными топонимами*. Глагольным топонимам в тюркских языках посвящены специальные работы Дж. Кармыше-

вой¹, Дж. Г. Киекбаева², Г. И. Донидзе³, а в узбекском языкознании — статьи Т. Рахматова⁴ и Я. Хожамбердыева⁵.

В течение 1963—1978 гг. автор статьи занимался сбором материалов современной узбекской антропонимии. В результате собрано 20 тыс. узбекских имен. В данный список антропонимов не включены узкодиалектные, а также варианты грубосокращенных форм имен (более 8 тыс.). Из 20 тыс. узбекских имен 783 представляют собой глагольные антропонимы (621 — мужские, 162 — женские имена).

Глагольные антропонимы делятся на а) подлинные (полные) глагольные антропонимы; б) относительные (неполные) глагольные антропонимы.

Подлинные глагольные антропонимы образуются от глагольных слов: *Турди, Турсун, Ёндош, Илаш, Кўнай, Кўнайсин* и т. п.

В образовании относительных глагольных антропонимов кроме глагола участвуют слова из других частей речи. Однако в структуре имен, с точки зрения первичных синтаксических связей, управляющим (главным) является глагол: *Дўсткелди, Жумакеди, Товошар, Худойберди, Эштўхта, Тўйдимурод, Бердишукур, Бердирахим, Ёндошали, Келдимухаммад* и т. п.

По численности относительные глагольные антропонимы превосходят подлинные, очевидно, за счет того, что значительная их часть образуется в результате прибавления к подлинным именам вспомогательных именных элементов: *Турсунмухаммад, Турдимурод, Тўхтақўзи* и др. Вместе с тем отдельные подлинные глагольные антропо-

¹ Кармышева Дж. К классификации и транскрипции на русский язык составных географических названий Средней Азии. — Изв. АН УзССР, 1950, № 5.

² Киекбаев Дж. Г. Вопросы башкирской антропонимии. — Уч. зап. Башк. гос. пед. ин-та им. К. А. Тимирязева, вып. 3. Сер. филол., Уфа, 1956, № 2.

³ Донидзе Г. И. Глагольные топонимы в тюркских языках. — В кн.: Топонимика Востока. М., 1964.

⁴ Рахматов Т. Фезл топонимларнинг ясалиши. — Узбек тили ва адабиети, 1973, № 5.

⁵ Худжамбердыев Я. Глагольные топонимы. — В кн.: Материалы VII Научно-теорет. конференции проф.-преп. состава Каршинского гос. пед. ин-та. Самарканд; Карши, 1970.

ними являются отдаленным компонентом сложного относительного глагольного антропонима. Например, имя *Берди* (*Бердиев*, *Бердиевич*), по существу, является отдаленным компонентом имен *Худойберди*, *Оллоберди*, *Каримберди*, *Тангриберди*. Это осложняет определение первоначальной структуры отдельных глагольных антропонимов.

В узбекском языке есть много имен, которые по содержанию и структуре являются относительными глагольными антропонимами: *Тангриберди*, *Эгамберди*, *Хақберди*, *Тошбўл*, *Эшбўлсин*, *Борбўлсин*, *Корёғди*, *Ёвқочар* и т. п.

Ниже мы приводим модели узбекских глагольных антропонимов в зависимости от участия глагола или глагольной формы в структуре имен:

адаш 'путаешься, будь путанным, заблужденным': *Адаш*, *Адашмурод*, *Адашкул*, *Адашхўжа* (м. им.), *Адашой*, *Адашхон* (жен. им.)

алдан 'заблуждаешься, перепутаешься, будь, обманутым': *Алдан*, *Алданбой*, *Алданджан*, *Алданмурод* (м. им.), *Алдан*, *Алданой*, *Алданхон* (ж. им.)

асран 'будь храним, спасенным': *Асран*, *Асранбек*, *Асранкул* (м. им.)

бўл 'быть, существовать, быть живым, живи': *Борбўл*, *Эрбўл*, *Тошбўл*, *Эшбўл*, *Хамжамбўл*, *Жонбўл*, *Султонбўл*, *Чаққонбўл* (м. им.)

бўлсин 'пусть будет, пусть будет живым': *Борбўлсин*, *Элбўлусин*, *Эшбўлсин* (м. им.), *Улбўлсин* (ж. им.)

бўлди 'стал' или 'достаточно, больше не хочу': *Бўлдибой*, *Бешбўлди*, *Бойбўлди*, *Эшбўлди* (м. им.)

бўлар 'будет, да хватит, будет живым': *Болбўлар* (м. им.)

бўлиш 'бог поможет, т. е. ребенок будет жить': *Бўлиш*, *Бўлишбой* (м. им.)

бос, *бости* 'ходить, шагать': *Избос*, *Утбос*, *Избости* (м. им.)

босар 'пополняет, занимает место кого-либо': *Уринбосар*, *Утбосар*, *Йулбосар*, *Ёвбосар*, *Отбосар* (м. им.)

безар 'украшающий, украшает': *Элбезар* (м. им.)

боқар 'содержать, кормить': *Кўйбоқар*, *Кўйбоқ* (м. им.)

енгади, енгилди 'побежденный'; Енгади, Енгилди (м. им.)

берди 'дал, подарил, дано': Берди, Бердиёр, Берди-мавлон, Бердималик, Бердиман, Бердимурод, Бердинаби, Бердиназар, Бердиниёз, Бердиолим, Бердирасул, Берди-рахим, Бердишукур, Бердиқобил, Бердиғулом, Бердику-ви, Бердиали, Авазберди, Азизберди, Алимберди, Жаб-борберди, Зубайберди, Имомберди, Каримберди, Мавлон-берди, Ниёзберди, Нурберди, Оллоберди, Омонберди, Оқберди, Раззоқберди, Рахимберди, Расулберди, Рах-монберди, Розиқберди, Салимберди, Саломберди, Суб-ҳонберди, Тангриберди, Тилабберди, Тиллабберди, Ти-ловберди, Холберди, Худойберди, Хўжаберди, Хўжамбер-ди, Чинберди, Шоберди, Шохберди, Шукурберди, Эгам-берди, Кулберди, Ҳақберди (м. им.)

берган 'отданный, подаренный': Азизберган, Жаббор-берган, Имомберган, Каримберган, Отаберган, Окберган, Раззоқберган, Рахимберган, Рахмонберган, Саломберган, Тангриберган, Тилабберган, Тилсвберган, Холикберган, Худойберган, Хўжаберган, Шохберган, Эгамберган, Хак-берган (м. им.)

булгон 'становиться, стать': Булгонбой (м. им.), Ул-булгон (ж. им.)

ендоп 'будь рядом, т. е. будь живым': Ендоп, Ендош-бой, Ендошали, Ендошмирза (м. им.)

Елғоп (жалғап) 'присоединяться', в смысле 'будь жи-вым': Елғош, Елғошбой, Елғошбек (м. им.)

жалғасин 'пусть присоединяется': Жалғасин (м. им.)

ёғди, ёғар//жазар, жаул досл. 'шёл', 'выпал': Корёг, Корегди, Минжавар, Коржовул (м. им.)

ёғди//жов 'посеял (радость)': Нурёғди, Нуржов (м. им.)

ёнар 'сверкающий, сияющий': Енар, Енарбай (м. им.)

илаш досл. 'следовать, прилипнуть, прицепиться', т. е. 'будь живым': Илаш, Илашбек, Илашжон, Илашкул (м. им.)

келди досл. 'пришел, явился', т. е. 'появился на свет, родился': Келди, Келгандек, Келдиёр, Келдимирза, Кел-димурод, Келдикул, Келдимухаммад, Аннакелди, Бек-келди, Давлаткелди, Дўсткелди, Жумакекди, Кўчкелди, Норкелди, Норкел, Нуркелди, Омонкелди, Отакелди, Тў-

ракедди, Холкедди, Хонкедди, Хушкедди, Хўжакелди, Шоҳкедди, Эпкедди, Элкедди, Урозкедди (м. им.), Угилкедди (ж. им.)

келган 'пришедший, явившийся': Келган, Келганбой (м. им.), Келган, Келганой (ж. им.)

келсин 'желали его прихода', 'явился', т.е. 'родился': Келсинбой, Келсинхон, Келсинхўжа, Келсинқул (м. им.)

кўпай 'умножай', т.е. 'будь живым': Кўпай, Кўпайжон, Кўпаймирза, Кўпайхўжа, Кўпайқул (м. им.), Кўпай, Купайхон (ж. им.)

кўпайсин 'хотим, чтобы умножался, т.е. был живым': Кўпайсин (м. им. и ж. им.)

кўкар досл. 'зеленеть, расти' в знач. 'живи, расти': Кўкар, Кўкарбек, Кўкаржон (м. им.)

кўкарсин досл. 'пусть зеленеет, пусть растет', в знач. 'пусть живет, пусть будет живым': Кўкарсин (м. им.)

кўчар, кўчкан, кўчкин 'пройдет': Кўчар, Кўчармирза, Кўчарой, Кўчарқул, Кўчкан, Кўчканмурод, Кўчкин, Кўчкинбек, Кўчкинжон, Кўчкинхўжа, Кўчкинқул (м. им.), Кўчкиной (ж. им.)

кезар 'странствующий': Элкезар (м. им.)

очил 'хотим, чтобы открылся, раскрылся': Очил, Очилбек, Очилди, Очилддин (м. им.), Очила (ж. им.)

ошар 'переваливающий': Товашар||Тоғошар, Тошошар (м. им., ж. им.)

олмас 'не берет', 'даже собака не берет': Итолмас (м. им.)

отар: тонг отти 'рассвело', тонг отар 'рассвет': Тонготар (м. им.)

сот, сотқин, сотқил 'продайте; продайте, пожалуйста': Сотқин, Сотқинбой, Сотқинжон, Сотқил (м. им.), Сотқинной (ж. им.)

сотил 'будь проданным': Сотил, Сотилбой, Сотилмирза

сотти 'продал, продавал': Сотти, Соттибой (м. им.); Сотти, Соттихон (ж. им.), сотиб олди 'покупал': Сотиболди (м. им.)

соғин, соғиндик 'долгожданный, желанный': Соғиндик||Соғиндим, Соғин, Соғинбек (м. им.)

севиндик||суондик, севин 'радовались, радуйся': Севин, Севинбой, Севиндик (м. им.), Суондик, Суон, Суон-

бек, Суюнбой, Суюнжон, Суюнтой, Суюнхўжа, Суюнқул (м. им.)

севар 'любимый': *Севар, Севарбой* (м. им.), *Севар, Севара, Севархон* (ж. им.)

севил, севгил 'будь любимой, уважаемой, уважайте её': *Севил, Севгил* (ж. им.)

суйгин 'любите, уважайте, цените': *Суйгин, Суйгинбой, Суйгинжон* (м. им.)

суяр 'будет уважаемым, любимым': *Суяр, Суярбой, Суярхўжа, Суярқул* (м. им.)

суйди 'любил, ласкал её': *Суйди, Суйдибиби, Суйдибону, Суйдибу, Суйдихон* (ж. им.)

суйсин 'радуйся, надейся', т. е. 'ребенок будет жить': *Суйсин, Суйсиной, Суйсинхон* (ж. им.)

турди 'стоял', т. е. 'не умер', 'будет жить': *Турди, Турдиали, Турдибек, Турдибой, Турдиер, Турдимамат, Турдимат, Турдимурод, Турдимухаммад, Турдиниев, Турдихўжа, Турдино, Турдикул, Турдиқўзи; Авазтурди, Аннатурди, Бектурди, Жуматурди, Мамматурди, Томурди, Холтурди, Шотурди, Омонтурди, Чинтурди, Курбонтурди* (м. им.), *Турдигул, Турдимомо, Турдинисо, Турдиой, Турлипо, Турдитоп, Турдихол, Турдихон* (ж. им.)

турсун 'пусть стоит, т. е. пусть живет': *Турсун, Турсунали, Турсунбек, Турсунмамат, Турсунмат, Турсунмирза, Турсунмурод, Турсунпулат, Турсуной, Турсунтоп, Турсункул, Миртурсун, Бектурсун, Ёйтурсун, Нортурсун* (м. им.), *Турсун, Турсунбиби, Турсунбуеи, Турсунжон, Турсунмомо, Турсуной, Турсунтоп, Турсунхон* (ж. им.)

турғун 'хотим, чтобы стоял, т. е. жил (жила), не умер': *Турғун, Турғунали, Турғунбой, Турғунжон, Турғунмирза, Турғунхўжа, Бектурғун, Тоштурғун* (м. им.), *Турғун, Турғуна, Турғунбиби, Турғунбу, Турғунбуви, Турғуной, Турғунча, Турғунчахон* (ж. им.)

турғон 'жить, остаться в живых, не умирать': *Турғон, Турғонбиби, Турғоной, Турғонхон* (ж. им.)

тилаб, тилаб олди 'попросили и добились, выпросили': *Тилаболди, Тилаб, Тилаббой, Тилабжон, Тилабхўжа, Тилабқул* (м. им.)

тилов 'желание, просьба': *Тилов, Тиловберди, Тиловбек, Тиловмирза, Тиловмурод, Тиловхўжа, Тиловқул* (м. им.)

тирқаш досл. 'прицепляйся, зацепляйся', т. е. 'не умирай, будь живым': *Тирқаш, Тирқашжон, Тирқашхўжа* (м. им.), *Тирқашой, Тирқашхон* (ж. им.)

тўхта 'стой, постой, остановись', т. е. 'не умирай, будь живым': *Тўхта, Тўхтаали, Тўхтабек, Тўхтамирза, Тўхтамурод, Тўхтаназар, Тўхтакул, Тўхтакузи, Бойтўхта* (м. им.), *Тўхта, Тўхтабиби, Тўхтагул, Тўхтанисо, Тўхтахон, Ойтўхта* (ж. им.)

тўхтар 'надеемся остановиться', т. е. 'не умирает, живёт': *Тўхтар, Тўхтаржон* (м. им.)

тинчар, тинчи: Тинар, Тинчи, Тинчибой (м. им.)

тўлаган 'уплаченный, оплаченный': *Тўлаган, Тўлаганмирза, Тўлаганхўжа* (м. им.), *Тўлаган, Тўлаганой* (ж. им.)

туйди, туйгон досл. 'сытый или достаточно', т. е. 'больше не хочет рожать': *Туйди, Туйдибой, Туйдимурод, Туйгон, Туйгонбой* (м. им.)

тул, тулди, тулгон, 'наполняться, исполняться': *Сойтўл, Сойтўлди, Тўлди, Тўлдибой, Тўлдохўжа* (м. им.), *Тўлдохон, Тўлгон, Тўлгонбиби, Тўлгоной* (ж. им.)

топил, топиб олди, досл. 'нашелся, найден': *Топиболди, Топил, Топилбой* (м. им.)

топилди 'нашелся, нашли': *Топилди* (м. им.)

тугал досл. 'будь законченным', т. е. 'достаточно рожать, ребенка больше не хотим': *Тугал, Тугалбек, Тугалбой, Тугалжон, Тугалмирза, Тугалмурод* (м. им.), *Тугал, Тугалой* (ж. им.)

тузал 'выздоровливай': *Тузал, Тузалбой, Тузалмирза, Тузалхўжа* (м. им.)

туг//тув, тувгон досл. 'рожай, рожденный': *Ойтуғ, Ойтувгон, Ойтуққан, Ултув, Ултувгон* (ж. им.)

тугил досл. 'будь рожденным, умножайся': *Туғил, Туғилбой, Туғилжон* (м. им.)

улан (ўлан), улансин досл. 'соединяйся, пусть присоединится': *Улан, Улаш, Улашбек, Улай, Улансин* (м. им.), *Улан, Улангул, Уланой, Улансин, Улаш, Улашбиби,*

Улашой, Улашхон, Улан, Уланжон (ж. им.)

улғай, улғайсин 'вырасти, пусть вырастет', т. е. 'не умирай': *Улғай, Улғайжон, Улғайсин* (м. им. и ж. им.)

унсун 'расти, пусть растет, пусть умножится': *Унсун* (м. им.), *Унсун, Унсунбиби, Унсунной* (ж. им.)

унар 'будет расти', т. е. 'не умрет, будет здоров': *Унар, Унаржон, Унармирза* (м. им.)

чирмаш досл. 'обвивайся, сцепляйся': *Чирмаш, Чирмашбой* (м. им.)

чопар досл. 'окучивающий': *Утчопар*

эргаш 'следовать за кем-нибудь, следовавший': *Эргаш, Эргашбой, Эргашжон, Эргашали* (м. им.)

эсиргаб, эсиргади 'желая или удовлетворяя просьбу', 'пожалел': *Эсиргаб, Эсиргарди* (м. им.)

юрсин досл. 'пусть ходит, пусть будет', т. е. 'пусть не умирает, пусть будет здоровым': *Юрсин, Юрсинбек, Юрсинбой, Юрсинмирза, Юрсинхўжа* (м. им.), *Юрсин, Юрсиной, Юрсинхон* (ж. им.)

югур досл. 'беги, т. е. будь живым и ловким': *Югурбек, Югурбой* (м. им.)

яйра/яйла 'будь свободным, вольным, расти вольным' т. е. 'счастливым': *Яйра, Яйрахон* (ж. им.)

яйрасин 'пусть живет вольно': *Яйрасин* (ж. им.)

яшнар 'процветает, расцветает', т. е. 'будет счастливым': *Яшнар, Яшнарой* (ж. им.)

яшар 'живет': *Купяшар* (ж. им.)

янглиш 'ошибка, ошибаться, заблуждаться': *Янглиш* (м. им.)

яраш досл. 'примиряйся, перемирие': *Яраш, Ярашжон, Ярашхўжа* (м. им.)

ўлмас 'бессмертный, не умирающий, стойкий': *Ўлмас, Ўлмасбой, Ўлмасжон* (м. им.), *Ўлмас, Ўлмасой, Ўлмасхон* (ж. им.)

ўсар, ўскан 'растущий, думаем, растет', т. е. 'не умирает': *Усар, Усарали, Усартой, Усарқул, Ускан, Усканжон, Усканмирза, Ускантой* (м. им.)

ўссин 'пусть вырастет', т. е. 'пусть живет, желаем, чтобы жил': *Уссин* (м. им.)

ўнгар/ўнгал 'поправляй наши дела, исполняй наше желание', т. е. 'пусть живет ребенок, не умирает': *Ўнгар, Ўнгарбой* (м. им.), *Ўнгал, Ўнгалой, Ўнгарсин* (м. им.)

ўтаб досл. 'исполнить', т. е. 'исполнить наше желание':

^vУтаб, ^vУтаббек, ^vУтаббой, ^vУтаёр, ^vУтамурод, ^vУтамухаммад,
^vУтаназар (Утан), Утаган, Утаганхужа (м. им.)

ўталсин 'пусть исполняется наше желание, возмещается: Уталсин (м. им.)

қол досл. 'оставайся', т. е. 'будь живым, не умирай': Қолбой (м. им.) Қолдиқиз (ж. им.)

қувон 'радуйся, радуемся', т. е. 'мы рады появлению ребенка': Қувон, Қувонбой, Қувонжон, Қувонтой (м. им.)

қувондиқ 'радовались', т. е. 'мы рады появлению ребенка': Қувондиқ (м. им.)

қувонсин 'пусть радуется': Қувонсин (м. им.)

қушқин, қушқон 'пусть присоединяется, желаем, чтобы присоединился, присоединенный': Қушқин, Қушқинбой, Қушқон (м. им.)

қондим 'удовлетворился, довольно, т. е. довольно рожать': Қондим, Қондимой (ж. им.)

қўйсин: Қўйсин, Қўйсинбой (м. им.), Қўйдинисо, Қўйсин, Қўйсиной, Қўйсинхон (ж. им.)

қайна: Қайнар, Қайнаржон (м. им.)

қайтар: Қайтар (м. им.)

қирқар: Қирқар (м. им.)

қоч//қочар 'покидай, покидает', т. е. ребенка не трогают злые духи': Явқоч, Ёвқочар (м. им.)

қочди 'покинул', т. е. 'ребенка покинули злые духи': Евқочди (м. им.)

По приведенным моделям уже можно судить о причинах наречения тем или иным глагольным антропонимом. Классификация их — задача особая.

Н. И. ЕРГАЗИЕВА (Алма-Ата)

СИСТЕМА КАЗАХСКИХ АНТРОПОНИМОВ В ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ XVIII — НАЧАЛА XIX в.

Официально-деловые документы 80-х гг. XVIII — начала XIX в., написанные как на русском, так и на казахском языках, включают в себе обширные материалы по казахской антропонимии.

По форме они распадаются на: 1) письма официальных лиц; 2) донесения командиров войск, комендантов крепостей; 3) документы, исходившие от казахских феодалов (биев, султанов, багыров, тарханов, ханов); 4) частные письма; 5) документы, написанные на казахском языке (в основном — постановления собраний старшин, обращения к губернаторам, реже письма на имя царя). Все эти документы подписывали старшины, бии, султаны, ханы, старшие люди аула, отдельных родов и т. д.

Поскольку в практике ханских канцелярий использовался татарский язык, то и собственные имена давались в татарской форме¹.

Многочисленно исследовано 154 документа, что дает возможность определить общий количественный состав и языковой материал собственных имен, встречающихся во всех документах, что и является задачей сообщения.

Но поскольку количественный состав антропонимов в документах не равномерен, за основу взяты те из них, в которых отражено большее число имен. По этому принципу документы подразделяем на две группы: а) документы от 1785 до 1798 года; б) документы от 1800 до 1828 года.

В документах первой группы (1785—1798 гг.) насчитывается 339 антропонимов.

Определяя лексический состав этих антропонимов, мы установили, что 205 из них по происхождению являются собственно казахскими, а 134 арабо-персидскими. Например, в документе № 4 от 21 июля 1875 г. зафиксированы следующие казахские имена: *Сегизбай, Сартай, Жансары, Отебас, Кара, Кобек, Тилбай, Бахадур, Айдарбек, Каражан, Актан, Коккоз, Макул бахадур, Отек бахадур, Отеули, Есенаман, Косем бахадур, Жаркынбай, Кулжабай, Каратау, Кара бахадур, Сасыкбай бахадур, Тлеке бахадур, Есиркеп, Тлениш бахадур* и т. д.; арабо-персидские: *Азамат, Сафар, Мамбет, Омир бахадур, Хасан, Султанали бахадур, Даулет, Кадыр, Садыр бахадур, Кабул мырза, Абул-жалил хожа* и т. д.

В документе № 20 от 5 апреля 1787 г. встречаются казахские имена: *Чиклибай, Чойташ, Кочкар батыр, Кара-*

¹ См.: Материалы по истории Казахской ССР. М.; Л., 1940, т. 4, с. 43.

бай султан, Сарша, Акымбет, Қаратай, Жаркынбай, Кулжабай, Исянбай, Беккул, Каратай, Сегизбай, Итемген, Коккоз; арабо-персидские: Дюсен, Мусреп, Шукуралы, Сейтмухаммет, Имантай, Ашкаран и т. д.

В документе № 50 от 4 января 1874 г. зафиксированы имена: казахские — Срым, Рсалы, Кошербай, Жанатай, Токсанбай, Серкебай, Койсары, Медет, Кушикбай, Казанкап, Жиенбай, Бекбау, Кулшин, Екилик, Ербай, Қарабатыр, Елишинбек; Бодене, Байтилеу, Жандар, Елинкара, Темирбек, Дулатбай, Есберген, Жаукашты, Борибай, Тобет, Кошкар, Кенжекара мырза, Жарылкап, Жандар, Отарбай, Толыбай, Елгон, Батырбек, Тансык, Кобек, Басыгара, Жанзак батыр, Избасар, Балапан, Қарабура мырза, Алтай батыр, Есенбай, Шоинкара, Саламат, Жанак, Қарабай батыр, Тулеген, Шунак мырза, Шубар, Куралбай, Жарас, Боздак мурза, Койбак и др.; арабо-персидские: Алдажар, Ажибай, Султанкул, Бердали, Кожамжар, Дербисали, Даутали, Жадигер, Баймагамбет, Дос, Шахмурат, Жаншора, Садыр батыр, Абулгазиз, Нуралы, Султанбек, Абдулкерим, Достан, Кудайберди, Кудайберген, Наурузбай, Қожаберген, Дәулет, Сердали, Кулмагамбет, Шахгазы, Досмухамбет мулла, Кадырбий и т. д.

Как видим, некоторые сложносоставные имена образованы путем сложения арабо-персидских и казахских слов. Имена монгольского и русского происхождения не встретились вообще.

Структурный состав, система и общее количество антропонимов, зафиксированных в документах 1800—1828 гг., намного отличаются от антропонимов предыдущего периода и количественно и качественно. В составе 994 антропонимов имеются не только арабо-персидские, но и единичные монгольские и русские антропонимы.

Из 994 антропонимов 721 образован от собственно казахских нарицательных слов, а 265 заимствованы из арабо-персидского языка. Долю монголизмов представляют лишь пять антропонимов, русизмов — три. Приведенные цифры свидетельствуют о слабом влиянии ислама в Казахстане в XVIII—XIX вв., что сказалось на малом количестве личных имен, заимствованных из арабо-персидского языка.

Следует отметить, что имена из исследуемых документов употреблялись на всей территории Казахстана без особых изменений. А это является свидетельством цельности общенародного языка. Например антропонимы, зафиксированные в документе № 110: *Жалтыр, Жиен, Есмурат, Сартай, Байжан, Боранбай, Аккозы, Келдибай, Балтабек, Батырхан, Капан, Мурат, Нарбек, Сатыбалды, Есдаулет, Куаныш, Сексенбай, Ермек, Сансызбай, Асан, Айдос, Отеген, Тулеген, Шеген, Ерлеспес, Бердибек, Тлеули, Есет, Айкул* употребляются и в настоящее время во всех областях Казахстана. Семантика их прозрачна. Правда, встречаются имена, семантика которых остается неясной, труднообъяснимой: *Тоганас, Тотай, Шотан, Бабас, Бауасак, Болекей, Буке, Жабал, Жабан, Дедрис, Сагыр, Етес, Сыпыра, Сасай, Атим* и др.

Сопоставление антропонимов изучаемого периода с современными показывает, что их система, структурно-словообразовательные модели почти не отличаются.

И у тех, и у других отмечается малое количество односоставных антропонимов: *Алан, Арал, Артык, Асау, Бота, Дат, Дауыл, Барак, Бес* (Кадырулы), *Есен, Есет, Жиен, Косем, Кара батыр, Макул, Оте, Отек, Серке, Таз, Ток, Токе, Темир, Уки.*

Сложносоставные антропонимы насчитывают почти 90% всего изученного материала. Самыми характерными являются следующие антропонимы: *Айболат, Айдарбек, Арсланбай, Аманбай, Аптапберген, Байбатыр, Байжан, Байкадам, Баймурат, Байтурсун, Басыкара, Борибай, Бортебай, Буркитбай, Есмурат, Есенаман, Есдаулет, Жанаберген, Жантемир, Жылкелди, Қарабатыр, Каратау, Кожажельды, Косбармак, Караиолак, Кушикбай, Нарбек, Сатыбалды, Султанбек, Танатар, Торегали, Темирбек, Худайберген, Шинтемир, Шукурали, Шикелбай.*

В структуре сложносоставных антропонимов исследуемых памятников преобладают такие социально-политические термины (титулы), как *хан, бахадур, батыр, султан, бай, бий, бек, мурза, тархан, туленгит, мулла, казы.* Например: *Кудаш бий, Баиш бий, Нурбай бий, Сартай бий, Отебас бий, Қаражан бахадур, Коккоз бий, Актан бий, Жаркин бай, Косем бахадур, Жанбай бахадур, Тленчи бахадур, Жамак мурза, Кабул мурза.*

В исторической литературе имеется ряд сведений о социальном смысле, функции и семантике этих терминов. Так, в «Истории Казахской ССР» читаем: «Термин 'бий', как и 'бек', обозначал также представителей высших слоев родоплеменной знати. <...> Термин 'бай'... обозначал у даштыкыпчакских и могульских племен «богатого человека, владельца большого количества скота». Другими словами, он имел социальный смысл и служил для обозначения представителей класса степных феодалов...»².

Титул *батыр* по преимуществу принадлежал к группе военной знати. Относительно применения этого термина в XVIII в. историк М. Вяткин писал: «К батырам XVIII в. часто принадлежали влиятельные феодалы: назовем батыра Средней Орды *Жанибека*; *Есета* — Малой Орды. Нередко звание 'батыр' присваивали себе владельцы, т. е. феодалы 'белой кости', как почетное звание»³.

На наш взгляд, значение и социальный смысл слова *батыр*, часто встречающегося в казахском эпосе, противоположно вышеприведенному.

Социальный термин *тархан* в указанных документах встречается очень редко. По-видимому, он был заимствован местными жителями из башкирского языка, где он широко применялся еще в XVIII в. По сведению С. М. Шапшала, слово-титул *тархан* нашло широкое употребление еще в XV—XVIII вв. в России и Грузии как социальный термин⁴. Употребление слова *тархан* в качестве термина в тюркской среде в VI—VIII вв. широко известно в науке из памятников древнетюркской письменности⁵. По определению Б. Я. Владимирцова, «лица, освобожденные от повинностей, назывались *darhad*»⁶.

Интересно употребление отчеств в различных формах

² См., напр.: История Казахской ССР. Алма-Ата, 1979, т. 2, с. 218.

³ Вяткин М. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой Орде в конце XVIII — начале XIX в. — В кн.: Материалы по истории Казахской ССР. М.; Л., 1940, т. 4, с. 13.

⁴ Шапшал С. М. К вопросу о тарханых ярлыках. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому: Сб. статей. М., 1953, с. 302—316.

⁵ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Л., 1951, с. 27.

⁶ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. М., 1941, с. 64.

и вариантах, а также разнообразных социальных терминов-титолов в сочетании с антропонимами.

Казахское слово *улы* 'сын' часто заменялось арабским *бин* 'сын', и в оформлении отчеств эти слова употреблялись параллельно. Массовое употребление слова *бин* встречается в документе № 50 от 4 января 1794 г.: *Токсан бин, Казанкап бин, Бекбау бин Ертай, Екилик бин Богенбай, Карабатыр бин Итемген, Кушукбай бин Карахожа, Султан Исенгали бин Нургали хан, Кобек би бин Кушарбай би, Косбармак би бин Таттибай, Кудайменде бин Калкаман, Кахан бин Сегизбай, Карамурза бин Даулбай, Мурзагельди бин Дулатын, Куралбай бин Жарас* и др.

Слово *улы* в системе отчеств начиная с 1810 г. заменяется среднеазиатской книжной формой *оглы/углы*. Например: *Султан Алгазы Жадигер оглы(улы), Казы Жумагул Асангул оглы, би Кожаберген Мурзагали оглы, старшина Дуан Сапак Боранбай оглы, Бердикожя Кадырбай оглы, Жандабол Отын оглы, Тана Досан оглы, Елтай Нургали оглы, Еркингали Каратай оглы* и др.

Появление наименований по отцу, т. е. отчество (хотя элементы их были еще раньше у казахов), в документах тесно связано с социально-культурным развитием народа, с введением официально-деловой документации в общественной жизни казахов. Поэтому данную систему наименований по отцу можно считать начальной в развитии современных отчеств казахов.

Итак, антропонимическая лексика официально-деловых документов и переписка частных лиц говорит нам не только о лингвистических особенностях, но и о структуре, общей системе, способах образования, характерных чертах антропонимов казахов конца XVIII — начала XIX в.

СИСТЕМА АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

В азербайджанской антропонимии обращают на себя внимание прежде всего два лексических пласта — имена древнетюркского происхождения, восходящие к общетюркской основе, и имена, возникшие под влиянием ислама.

Из первого пласта имен до нас дошли некоторые образцы древнетюркских личных имен¹, зафиксированные в орхоно-енисейских и онгинских памятниках, а также в «Дивани-лугат-ат турк» М. Кашгарского, в книгах «Огузнаме» и в дастанах «Китаби-Дэдэ Горгуд». Некоторые из этих имен стали традиционными и широко используются в настоящее время. Они в свою очередь подразделяются на:

1. Личные имена, возникшие в связи с тотемистическими воззрениями: *Аслан, Гаплан, Тогрул, Торага//Торгај, Бумај* и др.

2. Личные имена, возникшие в связи с пожеланиями родителей красоты: *Алтын, Алтынхан, Гызыл, Кумуш*; долгой жизни, здоровья: *Агдаш, Дэмир*; нежности: *Чичэк, Банушчэк*; богатства: *Бај, Хан* и др.

3. Личные имена, возникшие в связи с поклонением реальным предметам (луна, солнце, звезда, земля и др.): *Ајулдуз, Ајкун, Улдуз, Саран, Алтај, Гаја, Аебан* и др.; прадедам и героям: *Баһадыр, Бајындыр, Алп, Кэрај, Култэкин, Оғуз, Туркан* и др.; различным цветам: *Гараш, Гарахан, Сарыхан, Сары, Ағхан* и др. Личные имена, обозначающие цвета, появились в результате того, что в древнем родовом строе цвета считались священными².

С закреплением в Азербайджане ислама стал функционировать новый пласт имен — арабского происхождения. По структуре и особенностям образования они делятся на ряд подгрупп:

1. Личные имена, подчеркивающие подчинение (богу

¹ Подробнее об этом см.: *Жанұзақов Т.* Қазақ есімдерінің тарихы. Алматы, 1971, 22—46 б.

² Советская этнография, 1974, № 4, с. 78—80.

или пророкам): *Абдулла* 'раб бога', *Абдулмәһәммәд* 'раб Мухаммеда', *Абдуләли* 'раб Али', *Ислам* 'поклонение воле бога', *Кәлбәли* 'собака Али' и др.

2. Представители верхушек, приверженцы мусульманской религии своим детям давали имена пророков или имамов, во многих случаях прибавляли их к исконно азербайджанским именам.

Этот пласт имен подразделяется на следующие подгруппы:

а) личные имена, образованные с помощью слова *аллаһ* 'бог'. «...Само имя «аллаһ» — Аллах (или *алла* — Алла) без слова *авд* — *абд* употреблять было нельзя»³. К таким именам относятся: *Абдуллаһ* 'раб бога', *Абдулваһаб* 'раб Вагаба', *Абдулваһид* 'раб Вахида', *Абдулгәдир* 'раб Кадира', *Абдулманаф* 'раб Манафа', *Абдуләзиз* 'раб Азиза', *Абдулсәмәд* 'раб Самеда', *Абдулчаббар* 'раб Джабара', *Абдулләтиф* 'раб Лятифа', *Абдулрәһмәд* 'раб Меджида', *Абдулрахим* 'раб Рахима', *Абдулрәһман* 'раб Рахмана', *Абдулмә'буд* 'раб Маабуда', *Абдулфәтәһ* 'раб Фатаха', *Абдулрәззаг* 'раб Реззага', *Абдуләзәл* 'раб Азала', *Абдулкәрим* 'раб Карима' и др. Компоненты *Ваһаб* 'простивший', *Ваһид* 'единственный', *Гәдир* 'могущественный', *Манаф* (этимология неизвестна), *Әзиз* 'милый', *Сәмәд* 'постоянный', *Чаббар* 'сильный', *Ләтиф* 'мягкий', *Рахим* 'помогающий', *Мә'буд* 'поклоняющийся', *Фәтә* 'воюющий', *Рәззаг* 'кормящий', *Әзәл* 'первоначальный', *Кәрим* 'щедрый', участвующие в образовании вышеперечисленных имен, считаются их основным компонентом. Количество таких основных эпитетов доходит до ста⁴;

б) личные имена, образованные при помощи различных эпитетов пророка Мухаммеда, *Мәһәммәднәби*, *Мәһәммәдрәсул*, *Рәсулалла*, *Мустафабај*, *Мухтарага*, *Һәмдулла*//*Һәмидулла* и др. Компоненты *Нәби* 'сообщающий', *Рәсул* 'посланник', *Мустафа* 'выбранный, избранный', *Әһмәд* 'восхваленный', *Һәмид* 'признанный' также являются эпитетами Мухаммеда;

в) личные имена, являющиеся именами и эпитетами пророков иудейско-христианского мира: *Адам* 'земля',

³ *Зубков А. Н.* Общие вопросы индийской антропонимии. — Уч. зап. Ин-та междунар. отношений. М., 1971, вып. 7, с. 161.

⁴ *Гафуров А.* Рассказы об именах. Душанбе, 1968, с. 38—39.

Давуд 'милый друг', *Эјјуб* 'преследуемый', *Ибраһим* 'отец многих племен', *Идрис* 'обучающий', *Илјас* 'сила бога', *Иса* 'богатство бога', *Исмайыл* 'бог услышал', *Исраил* 'борец бога', *Исхаг* 'серебро', *Иагуб* 'бог, дух', *Иусиф* 'приумноженный', *Зәкәрија* 'памятный, тот, о ком помнит бог', *Микајыл* 'достойный бога', *Мәрјәм* 'горькая', *Муса* 'ребенок', *Рәһилә* 'ягненок' и др.;

г) личные имена, связанные с именами и прозвищами имамов: *Әли* 'возвышенный', *Әлиәскәр* 'младший Али', *Әлиәкбәр* 'старший Али'; *Һәсән* 'красивый', *Бағыр* 'изучающий', *Садиг* 'верный', *Гасим* 'делитель', *Рза* 'избранник', *Мехди* 'руководимый', *Зејналабдин* 'укрошение поклоняющихся'. Нет сомнения, что самостоятельные имена *Зејнал* и *Абдин* возникли вследствие распада прозвища *Зејналабдин*.

3. Личные имена, образованные с помощью нарицательных слов арабского и персидского языков: *Адилә* 'справедливый', *Азадә* 'свободная', *Ајәт* 'призрак', *Дуррә* 'жемчуг', *Агил* 'умный', *Бәдәл* 'замена', *Вағиф* 'осведомленный', *Камил* 'созревший', *Таһир* 'чистый' и др.

4. Личные имена, связанные с различными священными местами, т. е. местами поклонения: *Кә'ба* 'Кааба'⁵, *Кә'бәтулла* 'бог Каабы', *Кәрбәләјы*⁶ 'печаль и беда', *Мәшәди*⁷, *Мәшәдиәли*, *Мәшәдирза*, *Нәчәф*⁸, *Нәчәфаға*, *Нәчәфбај*, *Һачы*⁹, *Һачыбаба*, *Һачыаға*, *Һачыгулу*, *Һачыверди* и др.

5. Личные имена, связанные с титулами. Первоначально титулы в арабском языке появились как почетные звания-вознаграждения со стороны «светлейшего» халифа. Их получали видные государственные деятели, представители мусульманского духовенства и служилый люд за высокие заслуги перед халифским двором. Со временем титулы стали доступны и представителям низших классов, и титулование приняло среди народа традиционный характер. «Неудивительным поэтому становится тот факт, что в конце концов почетные звания стали получать даже

⁵ Название священного здания мусульман в Мекке.

⁶ Место поклонения иранских шиитов.

⁷ Связано с названием города Мешхед.

⁸ Связано с названием города Наджеф в Иране.

⁹ Так называли путешествовавших в Мекку на поклонение.

новорожденные дети»¹⁰. Эта группа занимает среди азербайджанских личных имен заметное место:

а) имена государственных деятелей и высокопоставленных лиц: *Шah* 'царь' — *Шahмэмэд*, *Шahверди*, *Шahмурад* 'власть, правитель, государь', *Султанэһмэд*, *Эмирсултан*, *Султанаға*; *Паша* (из перс. *падишах* 'правитель') — *Пашабэј*, *Һэсэнпаша*; *Хан* 'правитель' — *Ханбачы*, *Ханбаба*, *Ханбала*, *Бабахан*; *Аға* 'господин' — *Агабаба*, *Ағабэј*, *Гэдираға*, *Балаға*, *Мурадаға*; *Бэј* 'господин', 'правитель' — *Бэјбала*, *Балабэј*, *Бабабэј*, *Газыбэј*, *Дэмирбэј*, *Бэјэли*, *Бэјмэмэд* и др.;

б) имена, связанные с почетными прозвищами религиозных деятелей. Первые почетные прозвища получили пророк Мухаммед и его родственники. Мухаммед себя называл *Расул-аллах* 'посланник бога'. Дядя Мухаммеда — *Гамза* 'острый' отличался чрезвычайной храбростью, почему ему и дали прозвище *Асадуллах* 'тигр Аллаха', полководец *Халид* 'постоянный, вечный' получил прозвище *Сейфуллах* 'меч бога'¹¹. Эти прозвища стали основой образования новых личных имен: *Нуриддин* и *Зијауддин* 'свет религии', *Зијнэтулла* 'украшение Аллаха', *Сэдрэддин* 'опора веры', *Сејфэддин* 'меч веры'. *Мэнсур* 'победитель', *Меһди* 'направляемый Аллахом', *Рэшид* и *Һади* 'идуший правильным путем', *Эмин* 'доверенный', *Гази* 'воитель за веру', *Зикрулла* 'хвала богу', *Һабибулла* 'друг бога', *Фејзулла* 'щедрость бога' и др.;

в) личные имена, связанные с почетными прозвищами женщин из гаремов при дворцах халифатов, правителей и ханов: *бану*, *бэјим*, *бикэ*, *ханым*, *нисэ*. Все они функционируют как самостоятельно, так и в составе с другими именами и словами: *Бану* 'женщина-правитель', *Бэјим* 'ангел', букв. 'мой бек', *Нисэ* 'женщина', *Бикэ* 'ангел', *Ханым* 'женщина-правитель', *Бикэханым*, *Бануханым*, *Бичэханым*, *Нисэханым*, *Ханымнисэ*, *Нисэбэим*, *Анаханым*, *Анабикэ*, *Меһинбану*, *Ајнисэ*, *Кулнисэ* и др.

6. Личные имена, возникшие на основе слов, обозначающих мифические понятия. Имена этой группы, хотя и связаны с религиозным мировоззрением, в основном

¹⁰ Гафуров А. Лев и Кипарис. М., 1971, с. 18.

¹¹ Там же, с. 15.

выражают пожелания родителей лучшей судьбы своим детям: *Чәннәт* 'рай', *Кулчәннәт* 'райские цветы', *Сәмәндар* 'название сказочной птицы', *Ризван* 'остаться довольным', 'удовлетворение' — имя ангела, который служит смотрителем рая, *Логман* 'всезнающий, врачеватель', *Бәһмән* 'приятная мысль' — имя одного из древнеиранских богов, *Һумај* 'райская птица', *Туба* — название высокого красивого дерева в раю, *Һури* — имя мифической девы мусульманского рая, *Абһәјат* 'источник в темнице, вода которого делает обитателя рая бессмертным' и др.

Состав личных имен современного азербайджанского языка — результат продолжительного исторического развития. И неясность внутренней формы того или иного имени отнюдь не означает, что оно и генетически было лишено смысла, а говорит о том, что наши знания о них недостаточны.

Сказанное довольно четко подтверждается антропонимами, приведенными в нижеследующей лексико-тематической классификации азербайджанских личных имен.

1. Описательные личные имена. Такие имена возникают в связи с физическими признаками младенца, временем и условиями его рождения, материально-моральными или личными вкусами родителей:

1. Физические признаки и особенности ребенка: *Агбәниз* 'белое лицо', *Гарабәниз* 'черное лицо', *Кулбәниз* 'цветное лицо', *Гарајанаг* 'черная щека', *Гарател* 'черный волос', *Сарытел* 'желтый волос', *Агбәдән* 'белое тело', *Алакөз* 'пестрый глаз', *Гаракөз* 'черный глаз' и др.

2. Личные имена, возникшие в связи с ситуацией во время рождения младенца: *Асан* 'легкий, легко', *Зәһмәт* 'беспокойство', *Сәбир* 'терпение', *Умид*//*Умуд* 'надежда', *Умидвар*//*Умудвар* 'есть надежда', *Дөзагыз* 'терпи, девочка', *Санчы*//*Санча* 'колики, рези в животе', *Фачиә* 'несчастье, печальное событие', *Фәрјад* 'стон, крик о помощи', *Фәлакәт* 'бедствие, несчастье' и др.

3. Личные имена, возникшие в связи с условиями рождения младенца:

а) время появления младенца (время года, месяц и дни недели): *Баһар* 'весна', *Чумә* 'пятница', *Шәнбә* 'суббота', *Јанвар*, *Феврал*, *Апрел*, *Октјабр*, *Нојабр*, *Декабр*;

*Оруч*¹², *Гурбан*¹³, *Рамазан*, *Рэчэб*, *Мəһəррəм*, *Шабан*, *Шəввал* и др.;

б) место рождения: *Јајлаг* 'дачное место', *Меша* 'лес', *Аран* 'низменность', *Диличан*, *Мушкур* и др.

Эти имена характерны для животноводов, кочующих с места на место. Названия местности в качестве имени отмечаются и у живущих оседло: *Дунај*, *Елбрус*, *Јенисеј*, *Казбек*, *Хебэр*, *Асија*, *Эдирнə*, *Мəдинə*, *Мəкка*, *Савалан*, *Шаһбуз*, *Чејһун* и др.;

в) личные имена, возникшие в связи с климатическими условиями рождения ребенка: *Јагыш* 'дождь', *Булуд* 'облако, туча', *Дашгын* 'разлив', *Илдырым* 'молния', *Боран* 'гроза, метель', *Ајаз* 'мороз', *Іадикар* 'память', *Саһиб* 'хозяин', *Эвəз* 'замена' и др.

4. Личные имена, связанные с настроением родителей:

а) радостью: *Шадлыг* 'веселье, радость', *Севинч* 'радость', *Елшад* 'радость народа', *Севдим* 'полюбил', *Севиндик* 'обрадовались', *Шəнлик* 'радость, веселость', *Шəнһəјат* 'веселая жизнь' и др.;

б) печалью, одиночеством: *Гəрибə* 'чужеземка', *Гəрибхан* 'чужеземный хан', *Дəрдим* 'мое горе', *Бəхттикəј*/*Бəхтикə* 'кусочек судьбы', *Һичран* 'разлука', *Гəрибша*, *Гəриб*, *Гурбəт* и др.;

в) нежностью: *Эзиз* 'милый', *Эзизбала* 'милый малыш', *Нəчиб* 'благородный', *Эзизə* 'дорогая', *Мəһрибан* 'ласковый' и др.

II. Личные имена, выражающие пожелания:

а) долгой жизни и здоровья: *Өлмəз* 'не умирающий', *Јшар* 'жить долго', *Дурмуш* 'оставаться', *Дурар* 'встанет', *Дурсун* 'пусть останется', *Дəмир* 'железо', *Дашдəмир* 'камень, железо', *Полад* 'сталь' и др.;

б) счастья, успехов в жизни, благополучия: *Бəхтијар* 'счастливый', *Хошбəхт* 'счастливый', *Мəс'уд* 'счастливый', *Сəадат* 'счастье', *Дилшад* 'радостная' и др.;

в) здоровья, успехов: *Баһадыр* 'богатырь', *Галиб* 'побеждающий', *Гəһрəман* 'герой', *Зəфэр* 'победа', *Икид* 'храбрый', *Мубариз* 'боевой, воинствующий', *Музəффэр* 'победитель', *Чаһанкир* 'завоеватель вселенной', *Дəнмəз*

¹² Связывается с религиозным праздником ораза.

¹³ Связывается с религиозным праздником жертвования.

'бесповоротный', *Гохмаз* 'смелый, бесстрашный', *Алов* 'пламя' и др.;

г) красоты, изящности, привлекательности девочкам: *Бэзэк* 'украшение, узор', *Зэрифэ* 'нежный', *Зиба* 'красавица', *Зинјет* 'украшение', *Инчэ* 'изящный', *Көјчэк* 'красивый', *Козэл* 'красавица', *Ләтиф* 'милостивый, добрый', *Јазкул* 'цвет весны', *Инчәкул* 'нежный цвет', *Тәзәкул* 'свежий цвет', *Диларә* 'возлюбленная', *Гызыл* 'золото', *Алмаз*, *Брилјант*, *Агут* 'рубин, яхонт', *Дуррә* 'жемчуг', *Симүзәр* 'серебро и золото', *Зәһрә* 'блестящая, светлая', *Сәјјарә* 'идущая звезда', *Кунәш* 'солнце', *Мәһнур* 'лунный свет' и др.;

д) нравственных качеств: *Һәгигәт* 'правда', *Садиг* 'истинный, верный', *Бәкира* 'скромная', *Алимә* 'ученая', *Агилә* 'умная', *Тәһирә* 'чистая', *Ләгафәт* 'доброта, милость' и др.

III. Личные имена, обозначающие родственные отношения:

1. Имена, обозначающие лицо мужского пола: *Ата*, *Баба* 'дед', *Гардаш* 'брат', *Дајы* 'дядя', *Дадаш* 'брат старший', *Әми* 'дядя по отцу', *Агадајы*, *Бабабәј*, *Атабәј*, *Бабахан*, *Атабала* 'мальш по отцу', *Атахан*, *Ханбаба*, *Балашардаш*//*Балагадаш*, *Дадашбала* и др.

2. Имена, обозначающие лицо женского пола: *Нәнә* 'бабушка', *Ана* 'мать', *Бачы* 'сестра', *Гызым* 'моя дочь', *Анагыз* 'девочка матери', *Бачыгыз* 'девочка сестры', *Анабачы* 'сестра матери' и др.

IV. Личные имена положительных героев различных художественных произведений: *Севил* 'любимая', *Күлүш* 'смех', *Күндүз* 'день', *Дөнмәз*, *Алмаз*, *Јашар* и др. Все они созданы писателями и впоследствии вошли в обиход.

V. Личные имена, связанные с этнонимами: *Әрәб*, *Сәлчуг*, *Тачик*, *Түрк*, *Осман*, *Өзбек*, *Әфган*, *Урус*, *Ләзки* и др.

Таким образом, азербайджанские личные имена, как и все имена тюркоязычных народов, дошли до наших дней не только в исторически сложившихся типах, но и в основной своей номенклатуре. В данной сжатой статье мы попытались определить лишь возникновение, развитие личных имен и дать их лексико-тематическую клас-

сификацию. Дальнейшая историко-этимологическая, структурно-грамматическая обработка полного состава антропонимов азербайджанского языка является весьма перспективной.

А. Г. ШАЙХУЛОВ (Уфа)

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЯ РУССКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

*(на материале современной татарской и башкирской
антропонимии)*

В трудах советских лингвистов и теоретиков-ономастов уже давно указывалось на необходимость и перспективы изучения антропонимов в социологическом аспекте. Как верно отмечает А. В. Суперанская, «онимы, пожалуй, еще в большей степени, чем апеллятивы реагируют на всевозможные общественные изменения. В имени всегда, независимо от воли называющих, отражаются культура и социальная жизнь общества. В связи с этим ономастические исследования помогают вскрывать социальные процессы, и ономастика должна занять важное место в социологических трудах»¹.

Определенный интерес представляет в этом плане и выявление закономерностей, тенденций в заимствовании и выборе русских личных имен. Следует отметить, что в плане социальном и лингвистическом исследование роли межнациональных и языковых, соответственно и антропонимических, контактов в развитии национального самосознания является также одной из актуальных, однако,

¹ См.: Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973, с. 21—22.

к сожалению, все еще малознакомых до сих пор проблем.

Изменения, которые произошли и которые продолжают происходить в современных именных татарского и башкирского народов, начали привлекать лингвистов только в конце 60-х гг. нашего столетия². Однако в большинстве работ рассматривались лишь отдельные группы новых имен. Между тем совершенно очевидна необходимость анализировать всю антропонимическую систему в целом, и в первую очередь взаимодействие тюркоязычных и новых имен в антропонимии башкир и татар, частотность тех и других³.

Определенное представление о современном именнике в национальных, национально-смешанных семьях того или иного народа, в том числе татарского и башкирского, о составе их именника, статистической структуре, а также о динамике, их функционировании может дать, как известно, характеристика антропонимической системы и отдельно взятого одного города⁴.

При этом естественно может возникнуть и ряд воп-

² См.: *Мирославская А. Н., Закирьянов К. З.* Русские имена у башкир. — В кн.: *Русский язык в Башкирии*. Уфа, 1968; *Закирьянов К. З.* Личные имена у башкир, возникшие в советское время. — В кн.: *Личные имена в прошлом, настоящем, будущем*. М., 1970; *Ураксин Э. Г.* Основные критерии выбора имен у башкир. — Там же; *Мирославская А. Н.* Русские календарные имена у башкир. — Там же; *Субаева Р. Х.* Мотивы выбора интернациональных имен у татар. — В кн.: *Ономастика Поволжья*. Горький, 1971, 2; *Никонов В. А.* Актуальные процессы в антропонимии татар и башкир. — В кн.: *Ономастика Поволжья*. Уфа, 1973, 3; *Он же.* Имена детей в межнациональных семьях. — В кн.: *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974; *Кильдибекова Т. А., Низамутдинова Э. Г.* Динамика личных имен в Уфе. — В кн.: *Ономастика Поволжья*. Саранск, 1976, 4; см. также: *Никонов В. А.* Личные имена в современной России. — Вопросы языкознания, 1967, № 6; *Шварцкопф Б. С.* О социальных и эстетических оценках личных имен. — В кн.: *Ономастика и норма*. М., 1976; *Бондалетов В. Д.* Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения (мужские и женские имена). — Там же; *Сталтмане В.* Обзор диссертационных работ по советской ономастике (1947—1972 гг.). — Там же; *Зинин С. И.* Антропонимика. — В кн.: *Ономастика. Проблемы и методы*. (Материалы к XIII Международному ономастическому конгрессу). М., 1978.

³ См., напр.: *Кильдибекова Т. А., Низамутдинова Э. Г.* Динамика личных имен в Уфе, с. 77.

⁴ Ср., напр.: *Бондалетов В. Д.* Русский именник..., с. 14.

росов. Насколько могут быть общими полученные результаты в плане статистического исследования отдельного города⁵ в интересующем нас аспекте для антропонимических систем двух близкородственных народов — татар и башкир? Насколько также будет достоверным распространение этих результатов на процессы, происходящие в антропонимических системах других городов, в частности, не близких по своим социально-экономическим и другим профилям (например, г. Уфы — столицы Башкирской АССР)?

Чтобы достаточно верно ответить на поставленные вопросы, необходимо, очевидно, сравнить антропонимические процессы различных городов, отличавшихся между собой не только указанными профилями, но также и демографическими (социальным, национальным, языковым и т. д.) данными. При этом для сравнения динамики, а значит и закономерностей в области заимствований имен, следует сопоставлять антропонимический срез этих городов за определенный промежуток времени⁶.

На наш взгляд, такое сопоставление антропонимических процессов двух различных городов даст возможность получить более дифференцированные сведения о тех или иных закономерностях в заимствовании имен. А именно: есть ли общие точки соприкосновения в этих тенденциях и закономерностях заимствования русских и других антропонимов в именниках республиканской сто-

⁵ Гор. Туймазы, чья антропонимическая система нами исследована за 1960—1971 гг. по актовым записям о рождении Архива ЗАГС этого города, выбран не случайно. Туймазы — город республиканского (АССР) подчинения, основан в 1937 г. Население — 44 тыс. жителей, более 40 национальностей (перепись 1970 г.). Город, будучи центром Туймазинского района, является также и крупным центром нефтяной промышленности Волго-Уральской газодобывающей области. В плане миграционном, социальном, национальном и языковом, следовательно, и в плане антропонимического контактирования он представляет интерес как типичный город среди относительно равных себе в экономическом, сельскохозяйственном, демографическом, а также и в других отношениях.

⁶ Для этой цели мы воспользовались нашими статистическими сведениями, относящимися, как уже указывалось, к антропонимической структуре г. Туймазы за 1960—1971 гг., а также динамикой имен г. Уфы за 1960—1970 гг. выборочно. Пользуясь случаем, выражаю слова благодарности Т. А. Кильдибековой, которая дала ценные сведения об именнике г. Уфы за 1920—1970 гг.

лицы и районного центра? Если есть, то в чем они? Какова стабильность имен ведущей первой пятерки, куда входят наиболее популярные мужские и женские имена? И т. д. и т. п.

Как известно, после Великой Октябрьской социалистической революции в результате отделения церкви от государства родители получили право сами определять имя ребенку. На принятие решения в данном случае, как отмечают исследователи, оказывали влияние, помимо силы традиции, общественного мнения, причины «добавочного возбуждения», которые вырабатывались в процессе межнационального общения, ставшего актуальным фактором дня вместо прежней замкнутой и изолированной жизни народа ⁷.

Для именованника этих народов послереволюционного периода характерна относительная устойчивость антропонимической системы: в большинстве преобладают все же имена, связанные с исламской религией (типа *Махмуд, Габдулла, Фатыйма*). Примечательно, что заимствованных русских или иных имен в национальных семьях в этот период, по крайней мере до 1925 г., не встретилось ни одного.

Примерно с середины 20-х гг., как указывают на это А. Н. Мирославская и К. З. Закирьянов ⁸, русские имена начинают входить в употребление башкир и татар более интенсивно. Подобную тенденцию авторы отмечают особенно среди представителей интеллигенции, которые в силу своей социальной позиции подвержены большему языковому влиянию, чем другие слои нации. Характерно, что среди них распространенным стало явление, когда помимо языка, приобретенного ими для межнационального общения, они стремятся идентифицировать свое собственное «я», преодолеть и другое свое отличие, присвоив себе имя, распространенное среди носителей этого приобретенного языка. При этом они руководствуются принципом максимального созвучия приобретенного

⁷ См.: Газизова Р. Ф., Хабибуллин К. Н. О роли языковых контактов в развитии национального самосознания. — В кн.: Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972, с. 242.

⁸ См.: Мирославская А. Н., Закирьянов К. З. Русские имена у башкир, с. 97.

имени с нареченным. Например, *Ниса Садыковна Камалова* при общении с русскими называет себя *Ниной Садыковной Камаловой*, *Гульсум Насыровна Вафина* называет себя *Галиной Николаевной*, *Зайтуна Арслановна Салимгареева* — *Зоей Александровной* и т. д. Здесь наблюдается психологическое стремление к подражанию, идентификации, преодолению того, что отличает стихийное стремление к единству с русским народом⁹.

Именник татар и башкир 30-х гг., как и именник других народов и национальностей, отличается «антропонимическим половодием», которое принесло в их именники массу имен-неологизмов («революционных имен») и новых заимствований из других языков, а также и произвольных новообразований того или иного народа. Ощутимо увеличился, как отмечают почти все исследователи, занимающиеся анализом антропонимических процессов других народов, ассортимент имен, сменился состав употребительных имен, включая имена первого десятка и даже первой пятерки популярных имен¹⁰.

Из имен, возникших в связи с революционными событиями, в Уфе зафиксированы в 30-х гг. следующие: *Рева*, *Люция*¹¹, *Октябрина*, *Эра*, *Заря*, *Виль* и т. д. Из антропонимов, заимствованных из западноевропейских языков, у татар и башкир встречаются: *Альберт*, *Альфред*, *Марат*, *Роберт*, *Рафаэль*, *Гренада*, *Клара* и т. д. Из русского именника заимствованы антропонимы: *Борис*, *Владимир*, *Ирина*, *Светлана* и др.¹²

Некоторые из новых имен сразу прочно входят в употребление, например: *Марат*, *Марс*, *Рафаэль*, *Виль*, *Венера* и некоторые другие. Большинство же новых имен нередко употребляются только по одному разу. Таковы *Эдуард*, *Эдвард*, *Фред*, *Гренада*, *Лия*, *Развита*, *Эльмира*¹³.

Детям, родившимся в 1940 г. в национальных и на-

⁹ См.: *Газизова Р. Ф., Хабибуллин К. Н.* О роли языковых контактов..., с. 242—243.

¹⁰ Ср., напр.: *Бондалетов В. Д.* Русский именник..., с. 227.

¹¹ Родители близнецов мальчика нарекли *Ревой*, девочку — *Люцией*.

¹² См.: *Кильдибекова Т. А., Низамутдинова З. Г.* Динамика личных имен в Уфе, с. 77.

¹³ Там же, с. 78.

ционально-смешанных семьях были даны уже следующие имена ¹⁴: *Риф** — 59, *Фарид* — 39, *Рим** — 36, *Ринат** — 31, *Марат**, *Ривгат*, *Роберт** — 30, *Раис* — 26, *Альберт**, *Фаниль* — 25, *Рафаэль** — 20; из женских: *Роза** — 54, *Флюра** — 46, *Римма** — 44, *Фания* — 31, *Лилия* — 27, *Раиса* — 23, *Наилля* — 20, *Клара** — 15, *Светлана**, *Луиза** — 14.

Как видно, среди мужских имен первую пятерку самых распространенных имен составляют в основном заимствованные имена, которые отмечены звездочкой. Имена *Фарид* и *Ривгат* тоже заимствованы, однако из арабского именника. В женском именнике: четыре заимствованных имени западноевропейского происхождения и одно — арабского.

Детям, родившимся в Уфе после войны, в частности в 1950 г., имена выбраны несколько иные ¹⁵. Из числа мужских: *Рамиль* — 64, *Ренат** — 63, *Фарид* — 51, *Рашид* — 43, *Рим** — 42, *Раис* — 38, *Наиль* — 34, *Шамиль* — 31, *Ривгат*, *Альберт** — по 25, *Рустем* — 23, *Рафаэль** — 22; из женских: *Римма** — 69, *Роза** — 62, *Венера** — 54, *Зухра*, *Раиса* — по 41, *Флюра** — 36, *Альфия* — 29, *Фания* — 26, *Лилия* — 23, *Фарида*, *Гузель* — по 22, *Танзиля* — 20.

В первую пятерку мужского именника входят уже только два заимствованных имени, следующие два — арабского происхождения, и одно имя — самое распространенное — относится к новообразованию. В женскую пятерку популярных имен входят четыре заимствованных имени, два из них — арабского происхождения. В отличие от мужского именника, в женском больше удерживаются заимствованные антропонимы. Однако, если внимательнее присмотреться ко второй пятерке женских имен, то видно, что имен, заимствованных из русского или других западноевропейских языков, гораздо меньше.

Таким образом, в 40-х и 50-х гг. частые имена татар и башкир обновились наполовину. Повысилась концентрация популярных имен ¹⁶.

¹⁴ См. там же, с. 79. Здесь и далее цифра после имени обозначает количество имен в указываемом году. — А. Ш.

¹⁵ Там же, с. 79.

¹⁶ Там же, с. 78—79.

Следует отметить, исходя из вышеприведенных данных, что в антропонимической структуре 1950 г. выявилась тенденция, заключающаяся в некотором стремлении татарского и башкирского народов восполнить именной, в частности мужской, антропонимами из своего национального арсенала, несколько вытесняя при этом западно-европейские заимствования, вошедшие через именной русского народа.

Теперь сравним национальные именные татарских и башкирских детей, родившихся в городах Уфе и Туймазе в 1960 и 1970 гг. В частности, в 1960 г. в Уфе из всех родившихся мальчиков национальные имена получили 92, девочек — 85. В Туймазе соответственно 93 и 80.

В первую десятку популярных мужских имен, которые были даны в Уфе в 1960 г., входят: *Радик* — 154, *Ренат** — 147, *Марат** — 137, *Рамиль* — 126, *Айрат* — 72, *Ильдар* — 68, *Рим**, *Рустем* — по 60, *Наиль* — 54, *Фарид* — 53, *Ирек* — 52. К десятке популярных женских имен относятся: *Римма** — 131, *Гузель* — 125, *Венера** — 113, *Лилия* — 108, *Альфия* — 103, *Роза** — 75, *Зиля* — 62, *Раиса* — 48, *Зульфия* — 46, *Альмира** — 45¹⁷. Из них только три мужских и четыре женских имени относятся к заимствованным.

В первую семерку¹⁸ мужских популярных имен, распространенных в г. Туймазе в 1960 г., входят: *Ра-виль** — 12, *Ринат** — 11, *Альберт**, *Рим** — по 6, *Ра-фаэль** — 5, *Венер** — 4, *Риф** — 3. *Марсель**, *Роберт** даны по 2, а *Дарданил**, *Марс**, *Морис**, *Рифмир*, *Флорид**, *Флюз*, *Эдуард** — по одному разу.

В семерку популярных женских имен вошли: *Рим-ма** — 9, *Венера** — 8, *Розалия** — 7, *Альмира** — 5, *Лю-ция**, *Резеда**, *Рима** — 4, *Земфира**, *Зинфира**, *Светла-на**, *Эльвира** — по 3, *Альбина**, *Флюра** — по 2, остальные — *Лена**, *Луиза**, *Людмила**, *Люза**, *Рита**, *Флори-да** — по одному разу.

Из приведенных имен 9 мужских и 13 женских относятся к заимствованным.

¹⁷ Там же, с. 79.

¹⁸ Из-за большого «разброса» имен, входящих в первую десятку. — А. Ш.

В 1970 г. в г. Уфе из всех родившихся мальчиков национальные имена получили 87, девочек — 95.

К самым распространенным десяти мужским именам относятся: *Рустем* — 197, *Ильдар* — 162, *Альберт** — 103, *Марат** — 89, *Радик* — 84, *Ринат** — 74, *Айрат* — 70, *Рамиль* — 60, *Ирек* — 54, *Эдуард** — 52.

К популярным женским именам относятся: *Гульнара* — 226, *Гузель* — 189, *Эльвира** — 155, *Светлана** — 76, *Лилия* — 74, *Альбина** — 66, *Зульфия* — 42, *Римма** — 39, *Эльза** — 38, *Динара* — 36. Четыре мужских и пять женских имен относятся к заимствованным¹⁹.

В Туймазе в 1970 г. из всех родившихся мальчиков национальные имена получили 57, девочек — 51.

К популярным мужским именам относятся: *Ринат** — 10, *Марат** — 5, *Альберт** — 4, *Роберт** — 3, *Артур**, *Ильмир**, *Марсель**, *Рафаэль**, *Руслан** — по 2, остальные даны: *Вадим**, *Вилор**, *Ленар**, *Марс**, *Равиль**, *Эдвард**, *Эльфир*, *Эмиль** — по одному разу.

К популярным женским именам относятся: *Эльвира** — 13, *Резида** — 9, *Земфира** — 7, *Эльмира** — 5, *Светлана** — 4, *Венера**, *Римма** — по 2, остальные: *Альмира**, *Дина**, *Динара*, *Ильмира**, *Инна**, *Люзия**, *Розалия**, *Флорида**, *Элла** — даны по одному разу.

Как видим, популярность новых и заимствованных имен, как это отмечают и другие исследователи, в современной антропонимической системе у татар и башкир растет довольно заметно. Резко повышается их частотность (например, имя *Альберт* отмечено в именнике г. Уфы в 1930 г. 3 раза, в 1940 и 1950 гг. — 25 раз, в 1960 г. — 33 раза, в 1970 г. — 103 раза).

В результате исследования динамики имен татарского и башкирского народов, начиная с послереволюционного периода, в частности с 1925 г., нами выявлены также и некоторые изменения в области структуры антропонимов, которые в целом сводятся к следующему.

¹⁹ Ср.: *Кильдибекова Т. А., Низамутдинова З. Г.* Динамика личных имен в Уфе, с. 79.

Если в именной системе 30-х гг. частотность, например, таких имен, как *Эдвард*, *Эльмира* и др., невелика, то в 70-х гг. они входят уже в первую десятку, даже в первую пятерку популярных заимствований. Например, имя *Эдвард* входит в десятку, а *Эльмира* занимает третье место среди распространенных имен 1970 г. в антропонимической системе г. Туймазы. Стабильность этих и других заимствованных антропонимов подтверждается также и данными по г. Уфе: который год уж они входят в первую десятку популярных и устойчивых имен татарского и башкирского народов.

Именику 70-х гг. свойственно, в отличие от именников 30-х гг., в которых все же преобладали наряду с такими заимствованиями, как *Марс*, *Рафаэль*, *Венера*, *Флора*, имена, связанные с исламским миром, наличие антропонимов национального происхождения или близких к ним по своей структуре новообразований. Мы имеем в виду произвольные образования, связанные с имятворчеством народа. Эти имена, в основном, состоят из двух компонентов, один из которых — тюркского (например, *Айшат*, где *Ай* — луна, *шат* — радостный), другой — персидского или арабского происхождения (например, *Айгол*, где *гол* — цветок).

Модель новообразованных антропонимов в основном идентична моделям национальных имен, т. е. по своей структуре они совпадают с древнетатарскими и древнебашкирскими личными именами тюркского происхождения. Модель же этих древних имен имеет структуру, которую можно охарактеризовать сочетанием букв С и Г, где С — обозначает согласный звук, а Г — гласный. Сравните, например, *Тимер* (модель: СГ—СГС) и имена, относящиеся к новообразованиям — *Рифат*, *Рэдис* (модель у обоих имен одинакова: СГ—СГС), а также к заимствованиям — *Венер*, *Ренат* (*Ринат*, *Равил*) (модель у всех трех также одинакова: СГ—СГС).

В заключение отметим, что в современной антропонимической системе татар и башкир выделяется несколько пластов. Ее основу, как указывалось, составляют традиционные имена. В числе популярных имен следующие: *Азат*, *Айдар*, *Айрат*, *Зофэр*, *Ильгиз*, *Ильдар*, *Ильшат*, *Ирек*, *Наиль*, *Рамиль*, *Ришат*, *Рустэм*, *Фарит*, *Салават*,

Шамиль, Айгуль, Алия, Альфия, Галия, Гузалия, Гузель, Гульнара, Гульшат, Зия, Зульфия, Лилия, Наилья, Нурия, Раилья, Раушания, Файруза, Фарида, Чулпан и т. д.

Не менее продуктивную группу составляют новые и заимствованные имена. Многие из них прошли проверку временем и прочно вошли в быт татар и башкир.

Наши материалы подтверждают известное мнение о том, что у татар и башкир наблюдается «явная тенденция к сжатию именника». Устанавливается, как отмечают и другие исследователи, постоянный ассортимент имен. В последние годы определился стабильный фонд именника. Объем его продолжает оставаться большим за счет разовых имен. Так, в именнике 1960 г. среди новых имен 44 разовых мужских (из 71), в именнике 1970 г. — 42 (из 87). До сих пор немалое место занимают неудачные имена, возникшие в результате индивидуального имятворчества (в 1960, 1970 гг. отмечены имена *Арсенал, Гуннар, Ефрат, Винарис, Риндал, Риял, Рио, Руфак, Родоль, Флит, Фавадист* и многие другие) ²⁰.

К. С. ЕСПАЕВА (Алма-Ата)

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ
АНТРОПОНИМОВ В ЭПОПЕЕ «ПУТЬ АБАЯ»
М. АУЭЗОВА**

Материалы антропонимии эпопеи «Путь Абая» являются ценным источником в определении истории отдельных слоев лексики, их места в словарном составе казахского языка. «Многие имена персонажей, встречающиеся

²⁰ См.: *Кильдибекова Т. А., Низамутдинова З. Г.* Динамика личных имен в Уфе, с. 81.

в эпосе, как по грамматической структуре, так и по фонетическому облику являются древними и не зафиксированы в современном казахском литературном языке. Раскрытие их первоначального значения, установление лексических номинаций и уточнение морфологической структуры, фонетических деформаций дают нам дополнительные сведения о составе словарного фонда родного языка в прошлом»¹.

К сожалению, антропонимы эпоса «Путь Абая» пока еще не стали объектом специального научного исследования. Всесторонний историко-лингвистический анализ антропонимии эпоса требует прежде всего, чтобы она была полностью собрана, систематизирована и детально описана. В связи с этим нами составлена картотека антропонимов эпоса «Путь Абая», причем взяты на учет все их виды (в том числе и русские, татарские и др.).

Общее число антропонимов в эпосе достигает 956. По характеру они разделяются на: имена реальных исторических лиц и вымышленные собственные имена.

Антропонимы, употребляемые в эпосе «Путь Абая», по своему лексическому составу и по хронологии делятся на следующие группы:

1. Древнетюркские имена: *Абралы, Аблай, Абай, Алшын(бай), Жабай, Кеңгірбай, Даркен(бай), Бозан(бай), Бопай, Кабас, Қодыға, Бөжей, Борсақ, Қоғадай, Жақай, Дулат, Шәке, Шәкей, Шоқа, Шоң* и др.

2. Древние имена, взятые из фольклора: *Қодар, Қамбар, Манас, Көкше, Қанбақ, Жиренше, Қарашаш, Қосай* и др.

3. Собственно казахские имена: *Айқыз, Ақбалық, Ақбас, Ақберді, Ақжол, Аққозы, Ақылбай, Алтыбай, Асаубай, Байқұлақ, Баймұрын, Байсал, Байтас, Байторы, Байтұяқ, Балажан, Беқберген, Бесбай, Бидайбай, Бүркітбай, Елеу, Ербол, Есберген, Есентай, Жайнақ, Жарқынбай, Жетпіс, Жортар, Қисық, Амантай, Жылқыбай, Өтеп, Кенжебай, Керімбала, Камысбай, Қарабас, Көркембай, Отарбай, Құлынышақ, Құтжан, Масақбай, Мыңжасар, Таңшолпан, Тоғжан, Торғай, Ұлжан, Шұбар* и др.

¹ Джанузаков Т. Собственные имена в эпосе «Путь Абая» М. О. Ауэзова. — Proc. of 13th Int. Congress of Onom. Sciences. Krakow, 1981, p. 358.

4. Имена, заимствованные из арабо-персидских языков (сюда же относятся и те имена, у которых один компонент является арабским или персидским): *Айса, Айша, Ахметжан, Базаралы, Дүйсен, Әбді, Әбділда, Әділ, Бейсембі, Әзімхан, Әмір, Әуез, Әшірбай, Дат, Оспан, Түсіп, Исабек, Габитқан, Жақып, Мұрат, Жәлел, Жексен, Омар, Жұмағұл, Ділда, Дәулеткелді, Ибрагим, Исабек, Садық, Қамар, Мағрипа, Ысқақ, Мұса, Нұрғожа, Нығмет, Рахила, Рахим, Садырбай, Самен, Сарсен, Сеил, Шарипа* и др.

Анализ лексического состава антрополексем показывает, что писатель в эпосе употребляет 316 исконно казахских и 167 арабо-иранских антропонимов.

Исконно казахские имена в эпосе имеют прозрачную семантику, широко доступную для общенародного понимания. Таковы имена: *Шоң* 'мощный, достойный', *Кунту* 'взойди, солнце', *Айқыз* 'луноподобная девушка, ясная, белая как луна', *Ақбас* 'белоголовый, седой, т. е. человек бывалый, опытный', *Ақжол* 'праведная дорога', *Ақылбай* 'богатый умом, разумный', *Аққозы* 'симпатичный, как белый ягненок', *Байсал* 'смирность, мир, спокойствие, терпение', *Дәрмен* 'подмога, спора', *Елеу* 'внимание, взор', *Ербол* 'будь отважным, храбрый', *Еркежан* 'нежная душа, баловень', *Есентай* < *есен* 'благополучно, благополучный, здравствуй' + *тай* афф. ласк. формы, *Кенжебай* < *кенже* 'самый младший из детей' + *бай* афф. антрополексемы, ср.: *Кенжебай, Кенжалы, Кенжеғара* и др., *Жарқынбай* < *жарқын* 'ясный, яркий' + *бай, Қуандық* 'обрадовались', *Турбек* 'долго живи, будь крепким' и т. д.

Писатель тщательно отбирает имена по красоте, лаконичности, ясности их значения. Причем многим из них он дает объяснение. Читаем у него: «Вероятно, слово «шоң» пришло к нам от киргизов. Шоң означает мощный, достойный»²; «Настоящее имя Такежана — Танирберды, означает: «небо дало». Отца Шубара зовут Кудайберды — «бог дал». Вот и выходит, что оба вы — сыновья неба» (II, 470). О происхождении имени Айгерим читаем:

² Ауэзов М. Путь Абая. Алма-Ата, 1978, т. 1, с. 7. Далее в тексте в скобках будут указаны: римской цифрой том, арабской — страницы.

«Наутро, едва выехав за Чиликтинский холм, Абай и Ербол заговорили о Шукиман.

— Что и говорить, настоящая корим (красавица), — твердил Абай.

— Ай, Корим! Ай, Корим! — восхищенно протянул Ербол.

— Как, как ты сказал? — быстро переспросил Абай и рассмеялся.

— Слушай Ербол... Шукиман — удивительно некрасивое имя и совсем к ней не подходит... Давай назовем ее по-своему. Ты сейчас нашел имя: будем звать ее—Ай-корим... нет Айгерим» (I, 337); «Жилось ему там тяжело, сироту не любили, считали неисправимым упрямым и даже так и прозвали — Кияспай» (II, 58).

Писатель дает толкование и топонимам. В частности, названию местности Хандар. Он связывает его с именами людей. «Лощина Хандар носила громкое название вовсе не потому, что в ней жили ханы. Жители ее, собравшиеся из разных родов, имели давний обычай к имени каждого новорожденного приставлять окончание «хан»—Асемхан, Салимхан, Жумахан, Семейхан, Жабайхан, Турехан» (II, 439).

Часто приводимые в эпосе характеристики персонажей являются как бы дополнительными средствами в раскрытии значений их имен: «Базаралы, бедняк из рода жигитек, был отважным борцом против насилий и зверств Кунанбая» (II, 29): «В доме гостеприимного хозяина, широкоплечего, рыжего и курносого грузчика Акшолака» (II, 514); «Дондагул! Это имя было широко известно в Семипалатинске, так звали отъявленного вора и завсегда трактиров, о необыкновенной силе которого ходили целые легенды» (II, 355); «Вместе с ним проскакали по жайляу и двое посыльных — шабарманов, отъявленные забияки и задиры, настоящие молодые джины, — Далбай и Жакай» (II, 120) и др.

В эпосе «Путь Абая» ясно наблюдаются заметные отличия между именами феодальной знати (баев, биев, старшин, султанов) и именами простых людей. К именам людей из имущих слоев всегда прибавлялись слова: *бай, бек, хан, султан* (*Кенгирбай, Ускенбай, Кунанбай, Алшинбай, Уразбай, Искакбай, Акылбай, Байсугур, Бесбай,*

Кондыбай); своим детям они давали имена халифов, пророков ислама (*Ахметжан, Адиль, Азимбай, Осман, Тусип, Омар, Ибрагим, Садык, Муса*) и др. Детям крестьян-шаруа давались имена попроще, более того, имена-клички. Писатель приводит в своей эпопее характерный случай: «У Жумыра — двое сыновей. Старший — тот, что пришел с ним, второй еще малыш. Их звали Такежан и Исхак. Когда старик появился в ауле и Маннике узнала об этом, она возмутилась. У казахов имена повторяются редко, а у этого оборванца, как нарочно, детей зовут так же, как сыновей самого Кунанбая! Как смеют они носить имена наших мурз? Похоже на то, когда паршивый пес носит кличку Борбасар (волкодав), — бушевала она. И тут же заявила: А впрочем верно: пусть отныне старший называется Борбасар, а младший — Корер (зоркий), как зовут наших собак!» (II, 121, 122).

В эпопее писатель употребил не только характерные имена крестьян-шаруа, а также имена отрицательных героев с дополнительными экспрессивными значениями. Укажем некоторые из них: *Ақшолақ* 'белый куций, седой коротыш', *Саптаяқ* 'чашка с черенком, т. е. деревянная чашка для кормления собак', *Қиқым* 'обрезки, мелкие обрезки, мелочь', *Қисық* 'упрямый, капризный, своевольный', *Месқара* 'толстопузый, толстяк, ненасытный обжора', *Қазанғап* 'черная кошма—мешок, предназначенный для котла при перекочевке'. В романе писарь Чингизской волости Жамангарин за жестокость и бешеный нрав бедняками из рода бокенши прозван *Қабанқарин* — черный кабан, урядник *Сойкин* прозван народом *Сойқан* — хищник, а крестьянский начальник Никифоров за алчный нрав и жадность народом прозван *Қок-шолақ* 'серый куций' — так в казахских сказках зовется волк, Жумановских сыновей люди прозвали по возрасту лошадей: *Құнанқырт* — Трехлетка-болтун, *Дөненқырт* — Стригун-болтун, а за Мухаметжаном укрепилось прозвище *Бестіқырт* — Пятилетка-болтун, городской прозван жителями затона за рыжие усы и грузную фигуру *Семіз сары* — Рыжий толстяк. О прозвище *Жуман-болтун* в романе читаем рассуждения персонажа: «Не понимаю, чем досадил им, что они все время неотступно преследуют меня,

донимают тем, что я много говорю, называют меня «Жуман-болтун», «Жуман-пустомеля» (II, 28). Люди дали почетные прозвища Бостану из Хандара, Конаю из Балта-Орака: «Смерть конокрадам», «Смелый табунщик», «Укротитель коней», «Лихой наездник». Эти и другие прославленные бойцы смело защищали скот от грабителей. Старые и молодые в ауле бабушку Абая Зере называли «Кәрі әжең» — Старая бабушка, за жестокий нрав и твердый характер Кеңгірбай прозван «Кабаном» и др.

Как видим, многие антропонимы сохранили свою былую нарицательность, что способствует выявлению конкретного значения тех или иных персонажей.

Особо обстоит дело с именами древнетюркского и арабо-персидского происхождения, которые, утратив свои апеллятивные значения, подверглись фонетической деформации. К ним относятся: древнетюркские имена: *Абралы, Абылай, Кеңгірбай, Дәркенбай, Жабай, Қодар, Қодыға, Бөжей, Бопай, Қабас, Шәке, Шоқа*; арабо-персидские: *Айша, Әбділдә, Оспан, Түсіп, Жақып, Ибрай, Ибрагим, Ысқақ* и др.

В эпосе писатель использовал народно-традиционные формы антропонимов, особенно уменьшительные. Преобладают здесь образования непосредственно от основной, исходной формы имен: *Әбиш* от *Әбдірахман* (варианты: *Әбишжан, Әбишім* — милый Абиш, мой Абиш), *Мағаш* от *Мағауия, Тәкежан* от *Тәңірберген, Айкежан* от *Айгерим, Мағиш* от *Мағрифат* и т. д.

В системе антропонимов эпоса часто встречается явление полиимии, когда одно и то же лицо названо по-разному. Например: *Абай—Ибрагим—Ибрай—Телқара, Шүкіман—Айгерим, Құнанбай—Хажы, Оспан—Дәу—Түйеналуан, Тәңірберді—Тәкежан—Ахкем* и т. д.

Итак, в эпосе «Путь Абая» М. Ауэзова встретилось 483 антропонима (образованных от собственно казахских, арабо-персидских слов), в том числе 23 прозвища, 20 ласкательно-уважительных и сокращенных имен. Писатель проявил исключительное художественное мастерство в использовании их в качестве раскрытия образа и характеристики персонажей романа.

ОБЗОР СОСТОЯНИЯ РАБОТЫ ПО ОНОМАСТИКЕ

Ш. Ж. ЖАПАРОВ, К. К. КОНКОБАЕВ (Фрунзе)

ОНОМАСТИКА В КИРГИЗИИ

В ономастических исследованиях последних лет в стране наблюдается стремление к теоретическим обобщениям на основе уже сделанного. Это, на наш взгляд, явилось результатом бурного развития ономастики как науки в целом и ее разделов: антропонимики, гидронимики, топонимики, этнонимики и др.

Заметно возрос интерес у ученых к проблемам ономастики и в Киргизии.

В настоящее время киргизская ономастика представлена исследованиями по всем ее разделам. Причем в ономастических работах уже преодолен тот начальный период, когда энтузиасты-исследователи обращались к отдельным народным преданиям, легендам об онимах как к научно обоснованным данным.

Киргизскую ономастику, особенно топонимику достойно представляют монографии Д. Исаева¹ и К. Конкобаева². Важным событием в развитии ономастики Киргизии явилось издание второго сборника «Ономастика Средней Азии», подготовленного Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР совместно с Географическим обществом Киргизии³. Киргизская антропонимика представлена «Словарем киргизских личных имен» Ш. Жапарова⁴.

¹ Исаев Д. Жер-су аттарынын сыры. Фрунзе, 1977. 142 с.

² Конкобаев К. Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе, 1980. 172 с.

³ Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980, 2. 310 с.

⁴ Жапаров Ш. Словарь киргизских личных имен: Практическое пособие/Под общей редакцией И. С. Колосова; Мин-во юстиции КиргССР. Фрунзе, 1979. 464 с. На кирг. и рус. яз.

В настоящее время перед учеными республики стоит задача фронтального сбора всего ономастического материала, так как материал, собранный отдельными лицами («Словарь географических названий Киргизии» и «Словарь киргизских личных имен») ⁵, не является полным. На важность сбора ономастического материала Средней Азии и Казахстана и дальнейшего его исследования указал в своей статье известный ономаст Э. М. Мурзаев еще более десяти лет назад ⁶. О задачах изучения ономастики Средней Азии, в том числе о необходимости сбора материала говорилось в докладах В. И. Никонова и А. В. Суперанской на Первой среднеазиатской конференции по ономастике в г. Бухаре ⁷.

Но задача фронтального сбора ономастического материала и его изучения не по силам одиночкам-исследователям, как это делалось до сих пор. Здесь необходимы усилия компетентного коллектива ученых разного профиля, а также местных советских органов, учителей школ и др. Только тогда можно надеяться на наилучшие результаты в сборе, систематизации, научном анализе ономастического материала, польза которого для развития ономастики в Киргизии, а посредством ее историн, географии края и т. п. очевидна.

Частично, фрагментарно эта работа выполнялась. Однако своих скрупулезных исследователей еще ждут и «Дивани лугат-ит турк» Махмуда Кашгарского (XI в.), и сочинения арабо-персидских ученых X—XIX вв., в частности географическое сочинение X в. Абу Исхака Ибрахима ибн Мухаммада аль-Истахри «Китаб Масалих ал-мамалик» («Книга путей государств»). В нем встречаются следующие киргизские топонимы: г. *Ахсикет* — совр. с. Аксы в Джаны-Джольском р-не Ошской обл., г. *Ош* — совр. г. Ош; г. *Узгенд* — совр. г. Узген; область *Касан* — с. *Касан*, р. *Касан-сай*; область *Джидгиль* — совр. долина

⁵ *Исаев Д., Токомбаев Ш. Т., Алиев З. А., Мурзахметов С. М.* Словарь географических названий Киргизии: (Проект). Фрунзе, 1962; *Жапаров Ш.* Словарь киргизских личных имен.

⁶ *Мурзаев Э. М.* Задачи топонимического изучения Средней Азии. — Изв. Кирг. геогр. об-ва, 1970, вып. 8, с. 58—66.

⁷ *Умурзаков С. У., Ахматов Т. К., Жапаров Ш.* Первая среднеазиатская конференция по ономастике. — Изв. Кирг. геогр. об-ва, 1975, вып. 12, с. 58.

Чаткал; долина *Асбара* — совр. с., р. и долина *Исфара* во Фрунзенском р-не Ошской обл.; *Сох* совр. р. и долина *Сох* в Баткенском р-не Ошской обл.; *Медва* — совр. с. *Мадды* в Кара-Суйском р-не Ошской обл. и многие другие⁸.

Немалый ономастический материал содержится в трудах русских путешественников, исследователей края⁹.

Необходимость коллективных усилий в изучении ономастики обуславливается широтой и разнообразием материала, который должен охватывать: а) киргизскую онимию в сочинениях тюркоязычных авторов и в памятниках орхоно-енисейской рунической письменности (VII—X вв., X—XIX вв.); б) киргизскую онимию в сочинениях арабо-персидских авторов (X—XIX вв.); в) киргизскую топонимию в письменных памятниках согдийского языка (VI—X вв.); киргизскую онимию в работах русских путешественников, исследователей (XVII—XIX вв.); д) киргизскую онимию советского времени.

Таким образом, ономастам Киргизии предстоит немалая работа, которая приведет к успеху лишь при системном подходе к ономастике как к новой лингвистической дисциплине.

С. А. АТАНИЯЗОВ (*Ашхабад*)

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ТУРКМЕНИИ

До Великой Октябрьской социалистической революции ономастика Туркменистана не была предметом специального исследования. Да и в наше время изучение

⁸ Материалы по истории Киргизии. М., 1973, вып. 1, с. 16—23.

⁹ См.: *Умурзаков С. У.* Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. Фрунзе, 1959, с. 91.

различных отраслей ономастики в республике ведется неравномерно. Ниже мы рассмотрим состояние изученности основных отраслей туркменской ономастики в отдельности.

Топонимика. Об этимологии отдельных топонимов Туркменистана можно найти попутные сведения в сочинениях античных, средневековых и более поздних ученых: М. Кашгарского (XI в.), ас-Сам'ани (XII в.), Якута (XIII в.), Рашид ад-дина (XIV в.), Хафиз-и Аbru (XIV в.), Абу-л-Гази хана хивинского (XVII в.), Мухаммеда Казима (XVII в.), хивинских придворных летописцев Муниса и Агехи (XIX в.) и др. Особенно важным источником для исследования туркменской топонимии является бесценный труд М. Кашгарского «Дивани лугат-ит турк», где объясняется смысл многих древних слов, среди которых имеются или топонимические термины, или другие слова, составляющие один из компонентов сложных названий.

Не менее ценным источником изучения древней топонимии Туркменистана являются труды «Китаб ал-ансаб» («Книга генеалогических имен») ас-Сам'ани и «Му'джам ал-булдан» («Словарь стран») Якута, где приводятся десятки топонимов этой территории, указывается состояние объектов того времени, даются исторические сведения о них и, по возможности, объясняются значения названий. В этих источниках большое внимание уделено фонетике топонимов и их анализу по топоформантам, что получило большой размах в нынешних исследованиях. Сбор материалов на местах и их научная интерпретация, умелое и критическое использование ранее имеющихся источников и большая эрудиция ученых ас-Сам'ани и Якута позволяют считать их первыми топонимистами не только Средней Азии, но и всего мусульманского Востока¹.

Отрывочные, но не менее интересные сведения об отдельных топонимах содержатся и в трудах русских и советских ученых В. В. Бартольда, Л. З. Будагова, В. В. Радлова, В. А. Гордлевского, В. А. Обручева,

¹ Хромов А. Л. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Душанбе, 1970, с. 46.

Э. М. Мурзаева, Н. Г. Маллицкого, Г. И. Карпова, В. А. Никонова, П. П. Померанцева и др.

Несмотря на обилие дореволюционных источников по изучению топонимии Туркменистана, специальных работ, посвященных научному анализу среднеазиатской, в том числе туркменской топонимии, не было. Первые работы появились в конце прошлого столетия. Это — большая статья венгерского ученого Г. Вамбери², в которой указаны особенности топонимики и приведен топонимический словарь.

Статьи, отражающие практические вопросы топонимии (правильная транскрипция местных названий на русский язык), публиковались на страницах до- и послереволюционных центральных журналов и местной прессы. Но систематическое изучение туркменской ономастики в широких масштабах началось только в советское время.

Большой вклад в изучение топонимии региона внес крупный ученый-топонимист Э. М. Мурзаев. Его специальная статья, посвященная географической терминологии туркмен, появилась еще в 1939 г.³ В последующих топонимических трудах и многочисленных статьях автор неоднократно возвращался к туркменской топонимии, к ее отдельным вопросам.

В 50—60-х гг. вышли статьи географа П. П. Померанцева⁴, заострившего внимание наших ученых на важности систематического изучения географических названий, на необходимости составления если не топонимического словаря, то хотя бы списка географических названий на тысячу реестровых слов.

Некоторые актуальные вопросы туркменской топонимии получили свое освещение в статьях З. Б. Мухамедовой. Так, в статье «О некоторых гидронимах Западной

² *Vambery H.* Die geographische Nomenklatur Zentralasiens. — In: *Pettermans Mitteilungen*, Band, 37. Gotha, 1891.

³ *Мурзаев Э. М.* К географической терминологии туркмен. — Изв. ВГО, 1939, т. 71, вып. 6.

⁴ *Померанцев П. П.*: Почему так называется? — Ашхабад, 1961, № 5; О единстве транскрибирования географических названий Туркменистана. — Изв. АН ТССР, 1951, № 3; Географические названия Туркменистана. — Информационное письмо/Управление гидрометслужбы ТССР, 1958, № 3—4; и др.

Туркмении»⁵ она подвергла анализу некоторые гидронимы и топонимы Западной Туркмении, упоминаемые в анонимном стихотворении «Ят эдейин, яр, сени». Другая ее статья, написанная в соавторстве, посвящена еще никому не изученной, но очень важной отрасли ономастики — топонимии в творчестве некоторых классиков туркменской литературы XVIII—XIX вв.⁶

Опубликованы также статьи о значении топонимии для изучения истории народа⁷, о диалектной топонимии⁸, о топонимах (словах топонимического происхождения) в земледельческой лексике туркменского языка⁹ и т. д.

Несмотря на многочисленные статьи, отражающие некоторые стороны топонимии Туркменистана, сплошным сбором географических названий и систематическим научным изучением их никто серьезно не занимался.

Только в начале 60-х гг. в секторе лексикографии Института языка и литературы им. Махтумкули АН ТССР приступили к созданию топонимической картотеки. В ее основу были положены различные географические карты. Начиная с 1962 г. автор этих строк, занимаясь изучением топонимии Юго-Восточного Туркменистана, значительно пополнил картотеку, собрав данные о топонимах на месте, а в 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Топонимика Юго-Восточного Туркменистана». В 1966—1967 гг. был собран материал о названиях различных объектов со всех районов республики и составлен первый топонимический словарь, охватывающий около 3000 топонимов. Словарь был опубликован в 1970 г.¹⁰

⁵ Мухамедова З. Б. О некоторых гидронимах Западной Туркмении. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 179—186.

⁶ Мухамедова З. Б., Ахаллы С. Топонимы в лирике некоторых туркменских поэтов. — В кн.: Топонимика Востока: Исследования и материалы. М., 1969, с. 99—112.

⁷ Вайнберг В. И. Топонимика как источник по истории туркмен Хорезма. — В кн.: Топонимика Востока. М., 1962, с. 41—46.

⁸ Худайберганов Ж. Емрели диалектинин топонимик атлары. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1975, № 5, с. 60—65.

⁹ Пенжиева М. Ономастика билен багланышкы оба хожалык лексикасы барада кэбир белликлер. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1971, № 2, с. 92—94.

¹⁰ Атаньязов С. Туркменистаның топонимик сөзлуги. Ашгабат, 1970.

Сбор топонимического материала был продолжен, и картотека увеличилась до 15 тысяч наименований. Смысловые значения огромного их большинства выяснялись на месте, во время топонимических, диалектологических и иных экспедиций, командировок, поездок. Это позволило более чем в два раза увеличить объем словаря, внести коррективы и дополнительный материал в объяснение многих названий, включенных в топонимический словарь 1970 г. И в 1980 г. был выпущен более обширный «Толковый словарь географических названий Туркменистана»¹¹, включающий в себя около 7000 топонимов.

Наряду с работой над словарями мы занимались и лингвистическим исследованием топонимии Туркменистана. Результатом его стали брошюра «Язык Земли», написанная для детей старшего школьного возраста, где в доступной форме изложены секреты и особенности туркменской топонимии, значение ее для различных отраслей науки¹², и книга «Топонимия Туркменистана», посвященная члену-корреспонденту АН ТССР М. Я. Хамзаеву — инициатору постановки топонимических исследований в республике. В книге делается попытка классифицировать топонимы по их семантике, хронологии и дается их лексико-грамматический анализ.

Общеизвестна роль географических терминов в топонимии, поэтому сбор и исследование их велись параллельно с топонимическими¹³. Имеются изданные работы также о роли диалектной лексики в топонимии¹⁴ и т. д.

Таким образом, топонимия Туркменистана является более или менее изученной областью ономастики в целом. Однако некоторые ее проблемы, например топонимия в произведениях классиков туркменской литературы и

¹¹ *Атаньязов С.* Туркменистанын географик атларынын дүшүндүрүшлери сөзлүгү. Ашгабат, 1980.

¹² *Атаньязов С.* Ерич дили. Ашгабат, 1971.

¹³ *Атаньязов С.* Туркменистанын топонимиясы. Ашгабат, 1981; *Гельдыханов М.* Местные географические термины Туркменистана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1973; *Атаньязов С.* Географические термины в топонимике Туркменистана. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1969, № 1; *Он же.* Местные географические термины, входящие в состав топонимов Туркменистана. — В кн.: Туркменистан (из серии «Советский Союз»). М., 1969; и др.

¹⁴ См.: *Атаньязов С.* Туркмен топонимиясында диалект лексикасы. — В кн.: Диалект лексикасы. Ашгабат, 1980, с. 40—55.

фольклора, микротопонимия, топонимы, топонимическая картография и другие, ждут пока своих исследователей.

Антропонимия. Число личных имен у туркмен огромно. В нашей далеко не полной картотеке их насчитывается более 7000, из них 4000 были опубликованы в «Орфографическом справочнике туркменских имен и фамилий», выпущенном Паспортным отделом МВД СССР в 1978 г.

Изучение туркменской антропонимии началось только в советское время, особенно в послевоенные десятилетия, если не считать, конечно, статей В. А. Гордлевского¹⁵, А. Н. Самойловича¹⁶ и других, касающихся именословия тюркских народов в целом, туркменского в частности.

Первая обстоятельная работа по антропонимии туркмен, где личные имена исследуются по лексико-семантическим, фонетическим и морфологическим особенностям, написана членом-корреспондентом АН СССР З. Б. Мухамедовой. Другая ее статья посвящена исследованию туркменских имен, почерпнутых из исторических источников¹⁷. В них автор рассматривает антропонимы по их семантике, особенностям наречения именем детей мужского и женского пола, близнецов и т. д., указывает на древность многих туркменских имен.

Туркменская антропонимия была предметом исследования и зарубежных ученых. Например, польский ученый В. Зайончковский написал большую статью под названием «Туркменские личные имена»¹⁸, где антропонимы (всего 325 имен), извлеченные из произведений Б. Кербабая, А. Қаушутова, А. Дурдыева и Б. Курбанова, разделяются на три группы: мужские имена, женские имена и имена, одинаковые для мужчин и женщин. Эти группы,

¹⁵ Гордлевский В. А. Рождение ребенка и его воспитание. — Этнографическое обозрение, 1910, № 3—4; *Он же*. К личной ономастике у османцев. — Древности восточные, 1913, т. 4.

¹⁶ Самойлович А. Н. К вопросу о наречении имени у турецких племен. — Живая старина, 1911, вып. 2.

¹⁷ Мухамедова З. Б. Личная ономастика у туркмен. — В кн.: Питание ономастики. Київ, 1965, с. 151—157; *Она же*. Несколько слов об антропонимах в «Огузнаме» из сочинения Салар Баба. — В кн.: Ономастика Средней Азии. М., 1978, с. 169—171.

¹⁸ Zajackowski W. Die Türkmenischen Personennamen. — Folia Orientalia. 1971, t. 13, S. 323—342.

в свою очередь, имеют несколько подгрупп, где имена классифицируются по своей семантике и иллюстрируются примерами из антропонимов, переведенных на немецкий язык. Отметим, что абсолютное большинство антропонимов имеет правильный перевод. Но вместе с тем некоторые имена неправильно подогнаны под классификационную рубрику, имеются и неудачно переведенные антропонимы.

В исследование туркменских личных имен внесен определенный вклад этнографом Ш. Аннаклычевым, написавшим первую популярную брошюру под названием «Порядок наречения имен у туркмен»¹⁹, где рассказывается о мотивах и особенностях наречения новорожденного, о семантике антропонимов. В конце книги приводится список наиболее употребительных имен. Этим же автором написана статья о мотивах выбора имени у туркмен²⁰.

Другая научно-популярная книга «Как тебя зовут?»²¹ написана автором этих строк. В ней показаны старые и новые имена, объяснены мотивы выбора имени, семейные традиции в выборе имени, зависимость его от очередности в рождении детей. В конце книги дается также антропонимический словарь.

Отражению диалектных особенностей в туркменской антропонимии посвящена специальная статья²², ибо диалекты туркменского языка оказывают сильное влияние не только на форму, но и на семантику имен. Об этом рассказывается и в статье Г. Сапаровой²³.

Исследованием туркменской антропонимии занимается и Г. Сопиева, опубликовавшая несколько статей о семантической классификации личных имен, об их морфологической структуре, об истории изучения данной отрасли науки, о лексических источниках антропонимии, о мо-

¹⁹ *Аннагылыжов Ш.* Түркменлерде ат дакылышы. Ашгабат, 1966.

²⁰ *Аннаклычев Ш.* Мотивы выбора имен у туркмен. — В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970, с. 201—205.

²¹ *Атаныязов С.* Адың нәме? Ашгабат, 1978.

²² *Чарьяров Б., Атаниязов С.* Диалекты и туркменская антропонимия. — Советская тюркология, 1976, № 1, с. 42—48.

²³ *Сапарова Г.* Женская антропонимия туркмен хасарли. — В кн.: Антропонимика. М., 1970, с. 77—80.

тивированных и немотивированных именах, об эмоционально-экспрессивных оттенках в антропонимии²⁴ и т. д.

Очень интересной, но еще не исследованной области антропонимики — частотности употребления женских и мужских имен — посвящена статья В. А. Никонова «Личные имена туркмен»²⁵. В ней автор приводит интересные факты и цифровые данные о «модных» и пассивных именах детей, рожденных в 1970 г. в городе Ашхабаде и пяти районах республики.

Как явствует из изложенного, по туркменской антропонимии проделана определенная работа. Но пока у нас нет монографического, многопланового исследования данной проблемы. Отсутствуют и словари туркменских личных имен.

Этнонимия. Родоплеменное деление и этнические наименования туркмен были предметом исследования еще у средневековых ученых. У филолога XI в. М. Кашгарского мы находим перечень 22 огузско-туркменских родов с изображением их родовых знаков-тамг²⁶. Таковую же, но несколько отличную от списка М. Кашгарского и дополняющую его схему можно встретить и в произведениях Рашид ад-дина (XIV в.)²⁷ и Абу-л-Гази (XVII в.)²⁸. Эти ученые приводят и этимологию многих туркменских этнонимов.

²⁴ *Сопиева Г. К.*: К вопросу о классификации антропонимов туркменского языка. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1970, № 1, с. 85—88; О морфологической структуре антропонимов туркменского языка. — Уч. зап. ТГУ. Сер. филол. наук, 1971, вып. 66, с. 62—68; Из истории изучения антропонимов. — В кн.: Вопросы русского языка. Ашхабад, 1975, с. 68—74; Лексические источники личных имен у туркмен. — В кн.: Ономастика Средней Азии. М., 1978, с. 177—182; Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в антропонимах на материале русского и туркменского языков. — Тезисы докл. 20-й научно-теоретич. конференции проф.-препод. состава ТГУ. Ашхабад, 1972.

²⁵ *Никонов В. А.* Личные имена туркмен. — В кн.: Полевые исследования Института этнографии в 1974 г. М., 1975, с. 84—88.

²⁶ *Кошгарий М.* Девону лугатит турк. Тошкент, 1960, т. 1, с. 89—91.

²⁷ Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., т. 1, 1939, с. 494—495.

²⁸ *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинения Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958.

В силу исторических, социальных и иных обстоятельств до недавнего времени, даже в конце XIX в., еще сохранялось родоплеменное деление туркмен²⁹. Старое поколение людей, а также многочисленные этнографические, диалектологические и другие труды ученых различных времен сохранили несметное число туркменских этнонимов—названий крупных и мелких родов, племен, их подразделений, колен, подколен и т. д. Из этих же источников мы собрали несколько тысяч этнических наименований. Этнонимия туркменского народа, несмотря на огромную лингвистическую и этнографическую информацию, не была предметом детальной разработки и монографического исследования. Отсутствует словарь или подробный список, включающий в себя наиболее полно туркменские этнонимы. Имеющиеся же этнографические работы косвенно касаются этнонимии, а в многих статьях, посвященных этническим наименованиям, или раскрывается смысл отдельных названий³⁰, или отражается та или иная особенность этнонимии.

Как наиболее крупную работу, в которой исследуются этнический состав и этнические названия, упомянем кандидатскую диссертацию Г. И. Карпова «Этнический состав туркмен» (Ашхабад, 1942. Рукопись хранится в научной библиотеке им. М. Горького МГУ). Г. И. Карпов сразу же в послереволюционный период собрал огромный материал по родоплеменному делению туркменского народа и в своей работе дал схему деления его основных групп. Даже по приблизительным подсчетам его монография включает в себя около 3000 туркменских этнонимов.

В работе имеется и особый раздел «О возрасте родоплеменных групп по их названиям» (с. 212—219). Жаль, что это важное исследование до сих пор не опубликовано.

Раздел, посвященный этнонимам, имеется и в работе З. Б. Мухамедовой³¹, которая исследовала родовые названия туркмен, упоминаемые в сочинениях средневе-

²⁹ Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963, т. 2, с. 18.

³⁰ Зуев Ю. К. К семантике этнонима *имур/имир*. — Изв. АН СССР. Сер. обществ. наук, 1968, № 4.

³¹ Мухамедова З. Б. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. Ашхабад, 1973, с. 18—36.

ковых ученых, в сравнительном плане с этнотопонимией. Такая же цель преследуется ею и в статьях «Огузско-туркменские этнотопонимы»³² и «Огузско-туркменские этнонимы»³³.

Этнонимы сыграли большую роль в формировании географических названий Туркменистана. Они составляют более 16% всей топонимии. Сравнительному изучению этнонимов с этнотопонимией посвящена статья автора этих строк³⁴.

Астронимия. Туркменский язык очень богат названиями космических тел и явлений. Изучению этого вопроса З. Б. Мухамедова посвятила особый раздел своей вышеупомянутой книги, который называется «Астронимы и связанные с ними слова». В нем автор анализирует астронимы тюркского происхождения, приводит их словарь и сравнивает их с материалами тюркских языков и письменных памятников. Эти же вопросы рассмотрены ею в отдельной статье³⁵.

Из изложенного явствует, что изучение ономастики Туркменистана получило большой импульс только в послевоенные годы. При этом надо отметить, что по отдельным отраслям ономастики (например, по топонимии) сделано немало, но другие отрасли (этнонимия, космонимия) изучены пока недостаточно, а некоторые ее разделы (зоонимия, слова топонимического происхождения и др.) еще ждут своих исследователей.

³² Мухамедова З. Б. Огузско-туркменские этнотопонимы. — Sprache, geschichte und kultur der Altäischen Völker. Berlin, 1974.

³³ Мухамедова З. Б. Огузско-туркменские этнонимы. — Советская тюркология, 1971, № 1.

³⁴ Аганиязов С. Об этнотопонимии Туркменистана. — Изв. АН СССР. Сер. обществ наук, 1979, № 5.

³⁵ Мухамедова З. Б. XIII—XIV Asirlarda arapca yazilan filologik eserlerdäki yibdziz atlari. — Bilimsel bildiriler. Ankara, 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Общие вопросы ономастики	
Суперанская А. В. (Москва). Ономастический континуум	5
Джанузак Т. Д. (Алма-Ата). Развитие тюркской ономастики в СССР	13
Этнонимия	
Кайдаров А. Т. (Алма-Ата). К историко-лингвистической характеристике этнонима <i>канглы/қаңлы</i>	34
Баскаков Н. А. (Москва). Имена половцев и названия головецких племен в русских летописях	48
Лезина И. Н. (Крым), Суперанская А. В. (Москва). Об этнопонимах Крыма	77
Нурмагамбетов А. Н. (Алма-Ата). О казахских этнонимах <i>адай</i> и <i>шеркес</i>	89
Инсебаев Т. А. (Қарағанда), Кажибеков Е. З. (Алма-Ата). Некоторые предварительные результаты сопоставления и анализа названий родоплеменных групп <i>адай</i> и <i>сүйіндік</i>	96
Топонимия	
Саттаров Г. Ф. (Казань). Монголизмы в топонимии Татарии	111
Абдрахманов А. А. (Алма-Ата). К вопросу о методах этимологического исследования топонимов Казахстана	120
Добродомов И. Г. (Москва). Тюркская топонимика в «Повести временных лет»	134
Молчанова О. Т. (Ярославль). Лексико-семантическая структура тюркского топонимикона Горного Алтая	141

Махпиров В. У. (Алма-Ата). «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского и вопросы тюркской топонимики	154
Исхакова Х. Ф. (Москва). Структура составных топонимов (на материале тюркской топонимии Крыма)	163
Водчак Т. В., Попова В. Н. (Чимкент). Отражение растительного мира в топонимах Казахстана	172
Керимбаев Е. А. (Алма-Ата). Об основных типах оронимов Южного Казахстана	181

Антропонимия

Никонов В. А. (Москва). Личные имена современных уйгуров	189
Бегматов Э. А. (Ташкент). Глагольные антропонимы	199
Ерғазиева Н. И. (Алма-Ата). Система казахских антропонимов в деловых документах XVIII — начала XIX в.	207
Садыхов З. А. (Баку). Система азербайджанских личных имен	213
Шайхулов А. Г. (Уфа). Закономерности и тенденции заимствования русских личных имен (на материале современной татарской и башкирской антропонимии)	220
Еспаева К. С. (Алма-Ата). Лексико-семантические типы антропонимов в эпопее «Путь Абая» М. Ауэзова	229

Обзор состояния работы по ономастике

Жапаров Ш. Ж., Конкобаев К. К. (Фрунзе). Ономастика в Киргизии	235
Атаниязов С. А. (Ашхабад). Ономастическая работа в Туркмении	237

ТЮРКСКАЯ ОНОМАСТИКА

*Утверждено к печати Ученым советом Института языкознания
Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: доктор филологических наук М. М. Копыленко,
Ф. М. Мусабекова

Зав. редакцией А. А. Сулацков. Редактор Л. Ф. Любенко. Художественный редактор А. Б. Мальцев. Оформление художника
Т. П. Болотовой

Технический редактор В. К. Горячкина.

Корректоры: Е. Н. Дремкова, А. А. Абабахриева

ИБ № 1577

Сдано в набор 20.09.83. Подписано в печать 28.02.84. УГ10037.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. п. л. 13. Уч.-изд. л. 13,6. Тираж 1000.
Заказ 210. Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР.
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113.
Типография издательства «Наука» Казахской ССР.
480021, Алма-Ата, Шевченко. 28.

